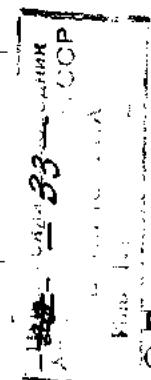

ПУШКИНЪ.

П. 21
П-91.

ПУШКИНЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Материалы и изслѣдованія.

Выпускъ XXVIII.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ КОМИССИИ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА ПРИ
ОТДЕЛЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ.

• • • • •

Петроградъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1917.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
 Февраль 1917 г.
 Непремѣнныи Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Новыхъ строкъ Пушкина. («Акафистъ Е. Н. Караваиной» и «Три ключа»). Со смыслями. В. Л. Модзалевскаго ..	1— 4
«Послѣдній литературный собесѣдникъ Пушкина». (Барн Керньюмъ). Н. В. Яковлева.....	5 . . 28
Два сербскихъ юнаца въ изображеніи Пушкина. (Ко двою 35-лѣтію деятельности Ильи Александровича Шапкина).	
И. Н. Трубицына	29— 55
Замѣтки о Пушкинѣ. Б. В. Томашевскаго.....	56— 72
Сюжеты Пушкина. (Отрывочныи замѣтки). Ю. Р. Оксмана...	73— 95
Новое о стихотвореніи Пушкина «Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ... 1818 к. Георгія Маслова	96— 98
Мелкія замѣтки къ Пушкину. А. И. М—на.....	99—102
«Дибони» и «дневникъ» у Пушкина. (Лингвистическая справка).	
А. Л. Бема	103—107
Дѣлѣ замѣтки о стихотвореніяхъ Пушкина. М. Богдановича .	108—110
Стихотвореніе Н. Данилевскаго на смерть Пушкина. В. Л. Модзалевскаго	111—116
Дополненіе къ стр. 12. Н. В. Яковлева	117
Указатель.....	119—127

Новые строки Пушкина.

(«Акаеист Е. Н. Карамзиной» и «Три ключа»).

Какие ценные находки можно сделать еще и попытк въ нашихъ семейныхъ архивахъ, доказывать открытие двухъ новыхъ автографовъ Пушкина, сохранившихся, безъ вѣдома ихъ нынѣшней владѣицы, графини Е. П. Клейнмихель, въ двухъ старинныхъ альбомахъ, ей принадлежащихъ. Мы имѣемъ въ виду автографы (неподписаные) двухъ стихотвореній Пушкина: «Акаеист Екатеринѣ Николаевѣ Карамзиной» и «Три ключа», обнаруженные пами въ миниатюрныхъ по размѣрамъ альбомахъ княгини Екатерины Николаевны Мещерской, рожд. Карамзиной, и ея старшей сестры, Софіи Николаевны Карамзиной. Альбомы эти составляютъ память собственность дочери первой и племянницы второй—графини Екатерины Петровны Клейнмихель, рожд. княжны Мещерской, родной внучки Карамзина.

Если до сего времени не было известно самый автографъ «Трехъ ключей», то текстъ этого стихотворенія уже съ 1841 г. былъ общимъ достояніемъ; автографъ же «Акаеиста» является совершеннымъ «открытиемъ», такъ какъ даетъ и 4 новыхъ стиха Пушкина, и съ достовѣрностью опредѣляетъ бывшее донынѣ спорнымъ лицо, къ которому обращено все стихотвореніе, известное съ 1884 г. лишь въ первыхъ неполныхъ 6 стихахъ, прочитанныхъ по черновому наброску В. Е. Якушкинымъ въ

одной изъ рукописей поэта въ Румянцовскомъ Музѣи (2368, л. 21). Справки, касающіяся истории текста стихотвореній, и историко-литературный къ нимъ комментарій даны въ примѣчаніяхъ къ нимъ Н. О. Лернера въ изданіи Сочиненій Пушкина подъ редакціей С. А. Велтерова (т. IV, стр. XXXIX и LII), а также въ статьяхъ о черновикѣ «Акаѳиста» П. Е. Щеголева и Н. О. Лернера въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», выш. XV, стр. 27—33, 171—174 и 175—178 (со снимкомъ съ черновой рукописи изъ тетради № 2368); поэтому, отсылая читателя къ этимъ работамъ, даемъ здесь лишь самыя тексты стихотвореній по вновь открытому бѣловымъ автографамъ поэта. Подробное описание самыхъ альбомовъ книгии Е. Н. Мещерской въ С. Н. Карамзиной на-дѣемся дать въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ автографъ «Акаѳиста» (см. снимокъ):

АКАѲИСТЬ
Екатеринѣ Николаевнѣ Карамзиной.

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Прорицѣемъ.
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣнiemъ:
Такъ посвящаю съ умиленiemъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ
Тебѣ, высокое свѣтило
Въ зеирной тишинѣ Небесь,
Тебѣ, сияющей такъ мило
Для нашихъ набожныхъ очей.

24 Нояб.

Е. Н. Карамзина вышла замужъ за князя П. И. Мещерскаго въ началѣ 1828 года; 24-е ноября — день ея именинъ; запись Пушкина сдѣлана, конечно, 24-го ноября 1827 г., такъ какъ

Акаѳистъ Угличскій
Консулъ Карамзинъ

Земли достигнувъ наконецъ
Онъ будь спасенный Прорицѣемъ
Святой Владычицѣ пловецъ
Свои дары несетъ съ благоговѣнiemъ
Такъ посвящаю съ умиленiemъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ
Тебѣ, высокое свѣтило
Въ зеирной тишинѣ Небесь
Тебѣ сияющей такъ мило
Для нашихъ набожныхъ очей

24 Ноябрь

имѣется ясное указаніе черновой рукописи, что стихи написаны 31 юля 1827 года, въ Михайловскомъ, въ ноябрѣ же 1828 г. Е. Н. Карамзина была уже княгинею Мещерской.

Автографъ «Трехъ ключей» (см. снимокъ) представляетъ своеобразность: Пушкинъ, начавъ писать стихотвореніе на *правой* страницѣ раскрытаго альбома С. Н. Карамзиной (л. 43), написать на немъ 7 стиховъ піесы и, оборвавъ стихъ 8-й послѣ треть资料, поставилъ многоточіе и сдѣлалъ далѣе шутливую приписку: «achevez le vers comme il vous plaira», а затѣмъ, помѣтивъ крестикомъ знакъ переноса, написалъ на *левой* страницѣ предыдущаго (42 об.) листа: «de voilà;

Онь слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ».

Далѣе, слѣва, внизу страницы, было написано еще двѣ короткихъ строчки (быть можетъ, дата записи), но онѣ тщательно и осторожно выскоблены. Вотъ текстъ автографа:

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ Юности, ключъ быстрой и мягкой,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журчая;
Кастальской ключъ волнисто вдохновенія
Въ степи мірской изгнаниковъ поитъ;
Поэтыній ключъ, холодный ключъ забвенья,—
Онь слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

Даты подъ стихотвореніемъ нѣть, и откуда она взята при первой публикаціи піесы въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 года, остается догадываться. Подъ записями въ альбомѣ С. Н. Карамзиной нѣть датъ раньше 1831 года; почеркъ же автографа Пушкина можетъ быть отнесенъ къ концу 1820-хъ годовъ,

быть можетъ, къ тому же 1827 году, въ которомъ сдѣлала за-
пись въ альбомѣ Е. Н. Карамзиной: оба альбома несомнѣнно от-
носятся къ одной эпохѣ.

Б. Модзалевскій.

22 Марта 1916.

„Поэльдній литературный собесѣдникъ
Пушкина“,
(Барн Корнуолл).

Въ своей статьѣ «Взглядъ Пушкина на драму» Н. К. Козминъ высказываетъ предположеніе, что имя Барн Корнуолла Пушкинъ впервые прочелъ еще въ 1820 году въ «Revue Encyclopédique» (VII, 569), которое ставило Корнуолла въ ряду любимыхъ писа-
телей того времени («parmi les poètes favoris de nos jours»¹). Еще вѣроятнѣе, что не только имя, но и юе что изъ произведений Барн Корнуолла встрѣчалъ Пушкинъ на страницахъ какого-нибудь изъ англійскихъ Review или Magazine'овъ до 1829.

Въ 1829 г. вышелъ въ Парижѣ сборникъ четырехъ англій-
скихъ поэтовъ: Мильмена, Боульса, Вильсона и Барн Корнуолла². Въ томъ же году, какъ увидимъ ниже, и могло состояться болѣе близкое знакомство Пушкина съ произведеніями Барн Корнуолла.

Въ Болдинѣ Пушкинъ уже вдохновлялся чтенiemъ Барн Кор-
нуолла для своихъ созданій. Кроме пьесы: «Я здесь, Илеизилья» и

1) «Памяти А. С. Пушкина — Юбил. сборникъ Имп. С.-Петерб. Университета, стр. 233, проѣзвианіе.

2) П. В. Ашековъ, Материалы къ биографіи А. С. Пушкина (Сочиненія А. С. Пушкина 1855, т. I, стр. 285 и 311—12). А. О. Ипполитова «Драматические очерки Бріана Уолтера Проктора (Brian Waller Proctor) — «Современника» 1887 г., № 8. И Ашековъ, и издатель «Современника» изъ своего приключенія статьѣ Пушкиной указываютъ на книгу: «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», Paris. 1829, какъ на источникъ знакомства Пушкина съ названными поэтами.

«Пью за здравіе Мері», тутъ слѣдуетъ имѣть въ виду и таъкъ называемыя «маленькия трагедіи» Пушкина (*«Скупой Рыцарь»*, *«Монхартъ и Сальверп»*, *«Каменный Гость»* и *«Пиръ во время чумы»*). Ихъ форму — скатаго драматического отрывка изъ двухъ-трехъ сценъ — Пушкинъ нашелъ въ драматическихъ сценахъ Бары Корнуоля. Подготовленія въ 1830 году отдельное изданіе своихъ маленькихъ трагедій, Пушкинъ подбирать къ нему разныя заглавія: *«Драматическія сцены»*, *«Драматическіе очерки»*, *«Драматическое изученіе»*, *«Опытъ драматическихъ изученій»*¹⁾. Не трудно видѣть, что первое изъ этихъ заглавій есть не что иное, какъ точный переводъ названія, даннаго Бары Корнуолемъ своимъ драматическимъ отрывкамъ: *«Dramatic scenes»* (М. Михайловъ: *«Драматическія сцены Бары Корнуоля»* — *«Русское Слово»* 1860, № 3, стр. 211—30).

Михайловъ пробуетъ сближать еще пѣсню Предсѣдателя *«Пира во время чумы»* съ пѣсней Бары Корнуоля: *«King Death»*. Но къ этому пѣтъ достаточныхъ оснований²⁾. Кстати, пьесы съ такимъ названіемъ и совсѣмъ пѣтъ въ сборникѣ четырехъ поэтовъ.

Интересъ Пушкина къ Бары Корнуолю сохранился и въ послѣдующіе годы. Въ библіотекѣ Пушкина мы находимъ томы I, II, III, IV, V *«Selections from the Edinburgh Review»* (Избранныя статьи изъ журнала *«Эдинбургское Обозрѣніе»*), 1835—36 гг. Тома большую частью не разрѣзаны; но, во второмъ разрѣзаны статьи о Вальтерѣ-Скоттѣ (209—17) и о Бары Корнуолѣ и др. (240—57)³⁾.

Въ 1835 г. Пушкинъ началъ-было переводить драматический отрывокъ Бары Корнуоля: *«The Falcon»* (*«Соколъ»*). Черновой набросокъ этого года:

1) Аниековъ, ив., стр. 291.

2) Подробнѣе см. нашу статью *«Пушкинъ и Вильсона»* (готовится къ печати).

3) Б. Л. Модзалевскій, Описаніе библіотеки Пушкина — *«Пушкинъ и его современники»*, вып. IX—X, стр. 54.

О, бѣдность! затвердѣть я наконецъ
Урокъ твой горький. Чѣмъ я заслужилъ
Твоё гоненье...

— есть не что иное, какъ дословный переводъ первыхъ строкъ монолога *Frederigo*, героя пьесы¹⁾.

Самому заняться переводомъ Пушкину тогда, видимо, не пришлось. Но намѣренія своего — познакомить русскую публику съ *«Драматическими сценами»* Бары Корнуоля — онъ все-таки не оставилъ и въ январѣ 1837 г., передъ самой дуэлью, ведь, какъ известно, переговоры о нихъ съ Л. О. Иппомовой, «которой слогъ такъ ему нравился». Ея переводъ пяти пѣсъ, указанныхъ Пушкинымъ, и былъ напечатанъ въ № 8 *«Современника»*. Среди нихъ есть и *«The Falcon»* (*«Соколъ»*). Остались четыре: *«Ludovico Sforza»* (*«Лудовикъ Сфорца»*), *«Love cured by Kindness»* (*«Любовь, излечившая синкопденіемъ»*), *«The Way to conquer»* (*«Средство побѣждать») и *«Amelia Wentworth»* (*«Амелія Уентвортъ»*).*

«Въ литературной жизни Пушкина», — говорить примѣтание Издателя *«Современника»*, Бары Корнуоль быть, «могли сказать... послѣдній его собесѣдникъ».

Ко всему этому мы имѣемъ сдѣлать теперь иѣсколько дополненій. Дополненія эти относятся прежде всего къ Болдинскому periodу, затѣмъ — къ 1831 году и, наконецъ, позволяюще думать, — къ 1829 году.

ОКТАВЫ.

Въ Болдинѣ Пушкинъ сталъ впервые писать октавами (*«Домъ въ Коломенѣ»* и *«Осень»*). Трудно не поставить этого въ

1) Н. О. Лернеръ, Замѣтки о Пушкинѣ — *«Пушкинъ и его современники»*, вып. XVI, стр. 73—5. — Приводимъ англійский подлинникъ этихъ первыхъ пяти строкъ:

Oh! poverty. And have I learnt at last
Thy bitter lesson? Then forbidding thing,
That hath such sway upon this godly earth,
Stern foe to comfort; sleep's disquieter,
What have I done that thou shouldest press me thus?

связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди произведений Барн Корнуолля мы также находимъ октавы,— цѣлыхъ четыре большія вещи, писанныя этимъ размѣромъ. Порядъ слѣдуютъ: «Diego de Montilla. A spanish tale» (Діего де Монтіла. Испанскій повѣсть)— 86 октавъ, и «Gyges» (Гигесъ. Задумчивая у Геродота исторія Лидійскаго царя Кандавла, его жены Лайсы и юноши придворнаго, именемъ Гигесъ)— 39 октавъ. Заглавъ, поэма «The Flood of Thessaly» (Фессалійскій потопъ) имѣеть «Dedicatorystansas» (Посвященіе) въ 19 октавъ; и, наконецъ, «The Genealogists. A Fragment» (Генеалогисты. Отрывокъ) содержитъ 57 октавъ.

Это первое обстоятельство, чисто вѣнчаное, осложняется цѣлымъ рядомъ другихъ— по существу.

Во-первыхъ, и «Діего де Монтіла», и «Гигесъ» открываютъ, такъ же, какъ и «Домикъ въ Коломнѣ», болѣе или менѣе простирающими разсужденіями о поэзіи и стихотворныхъ размѣбрахъ вообще и сбъ октавахъ (*ottava rima*) въ частности.

ДІЕГО ДЕ МОНТИЛА.

I.

Ottava rima, попросту октава,
Разгѣръ ирлестный, созданъ, чтобъ писать
Все съ эпиграммами, и легкая забава
Какъ будто — стихъ въ октавахъ набросать,
А между тѣмъ, куда труднѣе, право,
Чѣмъ стансы въ духѣ Спенсерса создать
Иль героическій куплетъ въ октавахъ стихъ
Шиллера требуетъ, отблокъ мастерокъ.

II.

Октава, ты должна скользящую струю
Стремиться, какъ потокъ можъ камешками дна,
Съ журчащимъ сладостнымъ (эдѣсь вдался я, не скрою,
Сравненіемъ въ Шекспира), — и должна

Свободно течь, не должны наѣть строкою
Корить поэта, смѣять подгонять; вольна
Должна строка быть отъ бывшихъ каноновъ,
И пусть слова текутъ, свободны отъ законовъ¹).
(Переводъ Г. А. Еличича).

ГИГЕСЪ.

I.

Я часто думалъ, что я быль-бы радъ
Въ часы досуга руку упражнять
Октавами (ottava rima) — кладъ
Поэту, что умѣть складать
Съ тройными созвучьями) — такъ легко въ нихъ радъ
Веселье, брань, любовь, память вѣщать;
А здѣсь, гдѣ яко въ женщинъ красвой,
Здѣсь строчки сами побѣгутъ игриво²).

(Переводъ Г. А. Еличича).

II.

1) The octave rhyme (Ital. *ottava rima*)
Is a delightful measure, made of ease
Turn'd up with epigram, and, though it seem a
Verse that a man may scribble when he please,
Is somewhat difficult; indeed, I deem a
Stanza like Spenser's will be found to tease
Less, or heroic couplet; there, the pen
May touch and polish, and touch up again.

III.

But, for the octave measure — it should slip
Like running water o'er its pebbled bed,
Making sweet music (here I own I dip
In Shakespeare for a simile), and be fed
Freely, and then the poet must not nip
The line, nor square the sentence, nor be led
By old, approved, poetic canons; no
But give his words the slip, and let'em go.

IV.

2) I've often thought that if I had more leisure
I'd try my hand upon that pleasant rhyme.
The old *ottava rima* (quite a treasure
To poets who can make their triplets chime

Далѣе въ «Діего де Монтілла» мы находимъ, какъ сожалѣнія о классическомъ прошломъ—«увы! прѣбили ваши, боги и нимфы, славные дни»¹⁾), такъ и насмѣшки надъ памъ:

Внесите мнѣ, прекрасныя сестры (восемь или девять),
Что обитали яркое на Парнасскомъ холмѣ!
Если бы эта, столь чистая иѣкогда гора была все еще божественной,
И вы все такъ же встрѣчали бы на ней своего великаго учителя,
Все такъ же сплетали бы лавры на главы поэтовъ
И погружали свои кувшины въ славный источникъ,—
То я попросилъ бы у васъ однѣ — два листочка; хотя напередъ
Я взялся бы за кружку, ибо, бланусь, я жажду²⁾.

Не то же ли самое, въ сущности, и у Пушкина? «Парнасскій пноходецъ», Пегасъ

Старъ, зубъ ужъ лѣтъ. Иль вырытый колодецъ
Исаохъ. Пороюсь крапивою Парнясъ;
Въ отставѣ Фебъ живеть, а хороподецъ
Сторушекъ-Музъ ужъ не преликаетъ насы.
(«Ломикъ въ Коломнѣ»).

Разница здѣсь развѣ лишь въ степени.

Какъ и у Пушкина, у Корнуоля разсказъ ведется вездѣ крайне неизинужденно. Сперва авторъ никакъ не можетъ обрат-

Smoothly): 'is equally adapt to pleasure,
To war, wit, love, or grief, or mock-sublime:
And yet — when pretty woman's in the case,
The lines go tripping with a better grace.

1) ... ah, your glorious day,
Ye nymphs and deities, how hath passed away..

2) Hearken! ye gentle sisters (eight or nine)
Who haunted in old time Parnassus' hill.
If that so worshipp'd mount be yet divine,
And ye there meet your mighty master still,
And still for poet heads the laurel twine,
And dip your pitchers in the famous rill,
Pit trouble ye for a leaf or two; though first I
'll just try the jug, for faith, I'm somewhat thirsty.

титься къ темѣ, хотя «читатель и Діего оба ждутъ» его («while th'reader and Diego, both, are waiting»). А разъ приступивъ, немедленно отвлекается въ сторону, порою очень надолго. Въ «Генеалогистахъ», напримѣръ, читатель, по произволу автора, переносится изъ Китая на Везувий и присутствуетъ при изверженіи, что записывается по совокупности ни много, ни мало, какъ 18 октавъ. При этомъ Барн Корнуоль дважды тщетно пытается вернуться къ разсказу и только на третій разъ это ему удается: «But to resume» (XXXVII), «So to resume» (XXXVIII), «So I'll return to Foh» (XL).

Въ «Діего де Монтілла», какъ и въ «Домикѣ въ Коломнѣ», имѣется вдова, только не есть одной, а есть двумя дочерьми. По примѣчательно, можетъ быть, что и здѣсь мы находимъ то же противоположеніе красоты гордой и простой, какое Пушкинъ далъ въ своей повѣсти. Сравнимъ: Грамматія

Входила въ церковь съ шумомъ, величано;
Молчала гордо (гдѣ была горда!)
..... Нараща передъ ней
Казалась, отдавая, еще бѣдной.

У Барн Корнуоля двѣ сестры, Аврелия и Аврора. У старшей — «гордый и царственный взглядъ» (proud and regal look); младшая же — скромна и блѣдна (meek and pale), «бѣдняжка», (poor girl) и «въ присутствіи сестры почти незамѣтна» (scarcely noticed when Aurelia near).

У обоихъ поэтовъ мораль скрыта, дается «in a way», въ самомъ разсказѣ. Но такъ же, какъ въ Пушкинѣ, Барн Корнуоль не прочь въ заключеніе прибавить и явную («Гигѣстъ»):

XXXIX.

Читатель! Вотъ и все, разсказъ я кончили свой,
Мораль, насколько смогъ, я вывелъ, указалъ,
Но жесто есть и петинъ другой:
Что въ наши дни родь женщинъ лучше стать;

Онъ не такъ дурилъ, какъ были въ вѣкъ былой, —
И помни, чтобъ уронъ мой даромъ не пропалъ:
Разъ лучше женщины теперь, чѣмъ раньше были,
То я достойнѣе, чтобъ болѣе ихъ любили¹).

(Переводъ Г. А. Елачича).

Настроеніе Корнуоля, какъ видимъ, достаточно легкомысленное.

Еще «Діего де Монтвиль» — «печальная повѣсть» (sad tale), съ одними лишь «проблесками веселости» (a smack of pleasantry). Но «Гигесъ» по самому замыслу своему веселъ — вполнѣ легкомысленная. Суть въ томъ, что на лебединой груди (swan-like breast) красавицы Лансы — алый съ зелеными листиками цветокъ (A purple flower with its leaf of green) — чудесная игра природы. Король Кандавль разсказываетъ объ этомъ юношѣ Гигесу (должно быть, въ награду за его прямѣрную скромность). Случайно оказывается, что это любимейший цветокъ Гигеса (It chanced to be the flower the boy liked most). Юноша гораетъ желаніемъ видѣть его, признается въ этомъ королю — и глупый Кандавль (shame upon the silly king!) приводить его ночью въ логовище Лансы. За свою глупость онъ и получаетъ достойное воздаяніе.

«Ченеалогистъ» — щуточная поэма изъ китайской жизни: сынъ столяра, Чангъ-Хо, влюбленъ въ дочь живописца, Фо-Хи, но отецъ послѣдней препятствуетъ браку, какъ неравному — свой родъ онъ ведетъ прямо отъ луны.

Всѣ то, что въ самыхъ краткихъ чертежахъ можно сказать объ этихъ пьесахъ Барн Корнуоля, писанныхъ октавами.

1) Reader, this trifle's ended: I have told
The tale and shown the moral «in a way»:
Jet doch my page another truth unfold,
Namely, that women of the present day
Are not so bad, nor half, as those of old.
Then, cast not thou the lesson quite away,
That — as they're better than they were before,
Why, men should love'em (wisely) more and more.

«Домикъ въ Коломбѣ» ставить обычно въ связь съ поэмой Байрона «Белло»¹). Настоящія указанія на Барн Корнуоля имѣло этого не колеблютъ. Барн Корнуоль самъ подразумѣвалъ въ данномъ случаѣ Байрона.

Въ «Гигесъ» мы находимъ такія строки:

X.

Но къ повѣсти. Начну свое писанье,
(Хотъ лучшіе ипогіе напишутъ невирнѣбрь),
И подевмотрѣть не приложу старанья,
Какъ тантъ другое, тотчасъ стиль, размѣръ;
Я даже Байрона оставлю безъ вниманья²).

(Переводъ Г. А. Елачича).

Утверждая свою независимость отъ другихъ поэтовъ, Барн Корнуоль тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что онъ какъ разъ думалъ о всѣхъ нихъ и особенно о Байронѣ, когда приступилъ къ своей поэмѣ. А отсюда уже одинъ шагъ до безосознательныхъ хотя бы реминисценцій. Особенно хорошо это «даже» (even): «Я даже Байрона оставлю безъ вниманія».

И въ «Діего де Монтвиль» (XLV) вспоминаетъ онъ о лордѣ Байронѣ; цитируетъ слова его о «благородномъ городѣ Кадикѣ» (right noble city, as Lord Byron says).

Обычно, правда, вкусы Барн Корнуоля уводили его далеко въ прошлое, къ Шекспиру, Чосеру, Боккаччо. Отдалъ онъ имъ должную дань и здѣсь. Потому, вѣроятно, у него въ «Гигесъ» такая кровавая развязка (Ланса убиваетъ Кандавля въ отместку за

1) Въ своей статьѣ о «Домикѣ въ Коломбѣ» (Пушкинъ, Сочиненія, ред. Венгерова, III, стр. 88) Валерій Брюсовъ указываетъ сие на поэму Альфреда Мюнса «Намуна» («Намунія»), но безъ особыхъ оснований. Но тому же она и по октавами написана.

2) Now to my tale, which I would fain indite
(Though many a living bard can scribble better)
Without deploying to the left and right
To see how others touch this style and metre;
I'll even keep Lord Byron out of sight.

его глупость и дѣлаетъ королемъ Гигеса). После Байрона это кажется намъ уже не нужнымъ. Но общий строй и тонъ пьесы, помимо вышеприведенныхъ прямыхъ признаковъ, не оставляетъ сомнѣй въ томъ, что образцомъ для Бары Корнуоля былъ все-таки именно Байронъ, создатель этого рода поэзіи.

Роль же Бары Корнуоля по отношенію къ Пушкину представляется намъ въ такомъ случаѣ ролью посредника. Онъ какъ бы напоминаетъ Пушкину о Байронѣ¹⁾. Сдѣлать это ему было тѣмъ болѣе легко, что его произведенія порою дѣйствительно весьма и весьма напоминаютъ Байроповскій. Иные мѣста въ нихъ, таль и кажется, принадлежать самому автору «Донъ-Жуана» и «Бенев», какъ будто обѣяны духомъ этого сѣбѣгато, божественнаго легкомыслія.

Возьмите, напримѣръ, строфы LVII — LIX «Діего де Монтілла»:

LVII.

Влюбленный нашъ, Донъ Диего де Монтілла,
Печальный проводилъ въ Кадисѣ дни свои;
Быть въ Аргосѣ, быть можетъ и въ Севильѣ,
И въ Трафальгарѣ (хотѣ не въ модѣ въ наши дни);
Подъ каскетты щелкъ плясать онъ сидѣлъ
Въ угоду дамъ, подчасъ пилъ, тѣмъ и бѣгъ лады
Не волнамъ направляль со дщерями по водѣ.
Мамашъ, пославшихъ ихъ (здоровья ради) въ море.

LVIII.

Мамаша плачутъ: «Моя Тереза что-то
Бѣдна, грустна, блѣднѣетъ, совсѣмъ,
Теряетъ аппетитъ», — смахнувъ слезу заботы,
Что изъ слуха всегда привнесена, — затѣмъ
Донъ Диего дочерей передаютъ съ охотовъ
. Испитывая воздухомъ и — обхожденьемъ всѣмъ.

1) Замѣтимъ, впрочемъ, что среди Байдишскихъ стихотвореній есть одно, свидѣтельствующее, что Пушкинъ обращался тогда мыслью къ Байрону и безъ всякаго, повидимому, посредства. Это — «Менъ родословная», «волынное подражаніе Лорду Байрону».

Доволенъ (онъ, — но о любви и о словѣ,
На удивленіе дѣлъ, что чаяли иного,

LIX.

Играли глазками, вадуали всей душою
Лѣзъ, жаждущихъ мужей, которымъ предрекли,
Что будетъ въ супругъ въ шесть футовъ вышеширокъ
(Хотѣ пять три четверти равно сойти-бы могли),
Съ очами черными, съ курчавой головою
И посомъ греческимъ, — и прочий вздоръ плели...
Нашрасно все: слагалъ онъ пѣсни въ горѣ
И думать счастливо обѣ Аврорѣ²⁾.

(Переводъ Г. А. Еланова).

LVI.

1) Our lover, Don Diego de Montilla,
In moody humour pass'd his time at Cadiz;
Drove out to Areos, or perhaps Sevilla,
Saint Lucar-Trafalgar (which I'm afraid is
Not now in fashion)— danced the Sequidilla,
Sometimes with castanets to please the ladies,
Ate, drank and sail'd upon the dark blue waters,
Where mothers begg'd he'd take (for health) their daughters.

LVIII.

They used to say, «My poor Theresa's grown
Lately quite pale and grave, poor dear; and she
Has lost all appetite» — and then they'd moan
And wipe their eyes, where tears were sure to be,
And leave their daughters with the Don, alone,
To be cured by sea-air — and gallantry.
The Don was satisfied, and never gazed
Or talk'd of love; the girls were quite amazed.

LIX.

They look'd and sigh'd, as girls can look and sigh
When they want husbands, or when gossips tell
That they shall have a husband six feet high
(Though five feet nine or ten might do as well),
With curly hair, Greek nose, and sweet black eye;
And other things on which I cannot dwell:
It was useless: he was puzzling o'er some rhyme
Or thinking of Aurora all the time.

Или въ «Гигесѣ»:

XXI.

Тамъ при дворѣ Лидійскій мальчикъ жилъ,
Одинъ изъ тѣхъ, что девамъ мѣшь вполиѣ;
Онъ въ играхъ славилъ всѣхъ отлѣчнѣй смыть,
Въ охотахъ, въ танцахъ, въ пѣніи, въ войнѣ,
Но въ творчествѣ стиховъ онъ несравненнѣй былъ;
И скромностью своей известенъ былъ въ странѣ:
Такъ, что когда царь пѣть желѣтъ своей хваленія,
Опь некрение зѣвать безъ всякаго заѣрѣнья.

XXII.

Холодными все-же не быть опь притомъ,
(Сего мъ разскажѣть, я самъ такъ заключить),
Не слишкомъ робкимъ быть, но не быть наглецомъ,
Не чадъ отъ тонности, но все-жъ и не грубиля...
Эхъ! Будь талантливъ я, сказали бы обо всемъ
Я въ четырехъ словахъ: онъ женщинаинъ былъ миль.
Тѣ часто думали: «Будь Гигесъ посмѣти!»
Но знали: все придется, какъ станетъ онъ вароетѣ¹⁾).
(Переводъ Г. А. Елатица).

1)

XXI.

There was a Lydian boy who «pleased at court»;
A youngster such as girls would smile to see,
Excellent in each brave and gentle sport,
War and the chase, the song, the dance, was he;
But scribbling tender verses was his forte,
And Gyges was quite famed for modesty,
And when the king would praise his queen, the youth
Jawn'd, in a way provoking; 't was in truth.

XXII.

And yet he was not altogether cold
(This I conclude, the story does not tell);
I mean, he was not sheepish, nor too bold,
Nor did he swear, nor languish like a belle:
Pshaw! had I had my wits I might have told
This in five words; he pleased the women well.
They said indeed at times, «a little bold»;
But this they knew would change, when he grew older.

Позволяю себѣ столь обширные извлечения въ виду совершенной новости ихъ для русской публики въ настоящемъ презрѣ, когда и въ самой Англіи Барі Корнуоллъ незаслуженно забываютъ.

ЗАКЛІПАНІЕ.

Въ Болдинѣ Пушкинъ написалъ, между прочими вещами, не-
большую пьесу «Заклинаніе». У Барі Корнуолла мы находимъ
стихотвореніе подъ такимъ же наименованіемъ (An Invocation —
Заклинаніе, Призваніе) и съ такимъ же точно началомъ (if — если,
коль). Сравнимъ:

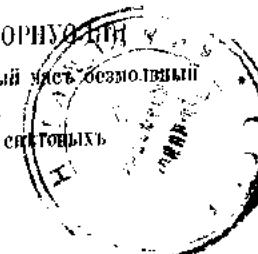
ЗАКЛІПАНІЕ (ПУШКІНА).

O, если правда, что тѣ вош,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лути
Скользятъ на камни гробовые;
O, если правда, что тогда
Пустынѣ тихія могилы —
Я тѣни зову, я жду Ленны:
Ко миѣ, мой другъ, сюда, сюда!
(Извѣнь, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Батъна, хладна, какъ злыйдай день,
Искажена посѣдѣй мукой.
Приди, какъ давнишня зѣода,
Какъ легкій звукъ иль дуновеніе,
Иль какъ ужасное видѣніе,
Миѣ все равно: сюда, сюда!})

Зову тебя не для того,
Чтобы укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобы взлѣдать тайны гроба:
Не для того, что иногда
Сомнѣніемъ мучу... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

ЗАКЛІПАНІЕ (КОРНУОЛЛ).

Коль тѣ этиотъ малый чистъ беззмѣнныи
Духи властью полны,
Чтобы изъ чертоговъ спасенныхъ

На вѣтерахъ почина
Врачатель и глазамъ лодкины
Стать зрямыми, какъ смертный зрямъ,—

Приди, Марселя, о ты,
Чы солнечны черги,
Былую красоту храня!
Клянусь, что стать бы я,
Какъ на видѣній дивныхъ суть,
Еще разъ на тебя глядѣть!

Хотя-бы ты демономъ пришла,
Бездомной тѣнью зла,
Кровавычи прізракомъ, какъ тогъ,
Что въ барабаны бѣть,
Тревожа сонъ бойца, — все-жъ я
Зову твою, хочу тебѣ!

Хочу спросить о мертвцахъ,
Объ изъ обительяхъ — гробахъ,
И, чуя тишину могилъ,
Жалѣть, кто безъ молитвъ почилъ;
И я бъ узналь, до конихъ поръ
Мят гробъ отерочить пришоворъ.

Хочу узнать я, долго-ли
Должны лежать въ глуби земли
Усошіе, даце-ли имъ знать
Иначаль и радость, можно-ли снять
Въ таинственныхъ тѣней странѣ?
Тебя зову! Извѣсь ко мнѣ!

Но ты и тамъ сияла душой
И ранѣе, чѣмъ кто другой,
Достигнешъ свѣтозарныхъ круть,
И будешь, какъ мгновеній дучъ,
Межъ звѣздъ скользить по небесамъ,
Дари съ высотъ улыбкѣ намъ.

Тогда ты ижной красотой,
Какъ прежде, будь моей звѣздой,
Чтобы я могъ въ тиши ночей

Подъ ласкою твоихъ лучей
Передъ тобой стоять, мечтая,
И чувствовать улыбку рая¹⁾.

(Переводъ Г. А. Елагина).

Какъ видимъ, не только въ началь, но и въ дальнѣйшемъ сходство несомнѣнное. Пушкинъ принимаетъ въ общемъ и пѣнг Корнуоля: у обоихъ за условно частью предложения (если), слѣдуетъ прямое обращеніе — Лепла, Марселя; да же, каждый готовъ видѣть «возвлюбленную тѣнь» въ какомъ бы образѣ она къ нему ни явилась, даже самому ужасомъ; наконецъ, послѣдняя часть у обоихъ поэтовъ одинаково содержитъ выясненія тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ каждого изъ нихъ привыкать свою возвлюбленную.

I) II.

If, at this dim and silent hour,
Spirits have a power
To wander from their homes of light,
And on the winds of night
To come, and to a human eye
Stand visible, like mortality —

III.

Come thou, the lost Marcella, thou —
And on thy sunny brow
Bear all thy beauty as of old,
For I dare behold
Whatever sights sublime there be,
So I may once more look on thee.

IV.

Or be thou like a demon thing,
Or shadow hovering,
Or like the bloody shapes that come
With torch and sound of drum,
Searing the warrior's slumbers, I
Will welcome thee, and wish thee nigh.

V.

And I would talk of the famous
brave,
Of the dead, and their house the
grave,

And feel its wondrous silentess,
And pity those whom none may bless,
And see how far the gaping tomb
Stretches its spectral arms — and hear my
doom.

V.

And I would know how long they lie
On their dark beds who die,
And if they feel, or joy, or weep,
Or ever dare to sleep
In that strange land of shadows. Thou
Whom I do call, come hither — now.

VI.

But there thou art, a radiant spirit,
And dost inherit
Earlier than others thy blue home,
And are free to roam
Like a visiting beam, from star to star,
And shed thy smiles from skies afar.

VII.

Then, soft and gentle beauty, be
Still like a star to me;
And I will ever turn at night
Unto thy soothing light,
And fancy, while before thine eyes,
I am full in the smile of Paradise.

Пушкинъ мастерски сокращаетъ при этомъ растянутаго Корнуоля, мысль развивается у него чрезвычайно стройно, вся пьеса имѣеть только три строфы — соответственно тремъ частямъ ея.

Пушкинъ исправляетъ также у Бары Корнуоля мѣста малохудожественные. Наиболѣе яркий примѣръ: «украсное видѣніе» не имѣеть у него при себѣ ил «факеловъ», ил «барабановъ».

Рѣзкое расхожденіе между Пушкинымъ и Корнуолемъ замѣчается только въ послѣдней части. Что заставляетъ воязта тревожить своимъ замыслами тѣль возлюбленной? У Корнуоля — живой интересъ къ потустороннему. У Пушкина — совсѣмъ другое чувство, — земное, слишкомъ земное. Соответственно этому у Корнуоля пьеса заканчивается въ тонахъ тихихъ, умиротворяющихъ — созерцаніемъ дальней звѣзды — Марселя; у Пушкина — страстнымъ призыва.

Интересующимся религіей Пушкина не мѣшаетъ имѣть въ виду это сравненіе съ Бары Корнуолемъ. «Тайны гроба» и здѣсь, какъ всегда, не занимаютъ нашего поэта.

ЭХО.

Въ 1831 году Пушкинъ писалъ стихотвореніе «Эхо». Его стали потомъ постоянно сопровождать указаніемъ: «Изъ Томаса Мура». Основаніемъ для этого обыкновенно служила и служитъ ссылка на Гаевскаго. А Гаевскій въ своей рецензіи на «Матеріальную» Анненкова писалъ въ 1855 г. слѣдующее:

«...Стихотвореніе «Эхо» не есть вполнѣ самостоятельное и павѣяно членіемъ Т. Мура. Главная мысль въ немъ принадлежитъ самому Пушкину, но некоторые подробности и даже размѣръ стихотворенія обличаютъ влияніе автора «Ирландскихъ мелодій»¹⁾.

Далѣе слѣдуетъ для сравненія стихотвореніе Мура съ такимъ же названіемъ: «Эхо». И все.

Что же даетъ намъ это сравненіе?

¹⁾ «Отечественные Записки» 1855 г., т. 100, отд. III, стр. 61.

ЭХО.

Реветь ли забѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремѣтъ ли гропъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ —
На великий звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и вадовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И идешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ пѣть отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

E G H O. [T. Moore].

How sweet the answer, makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes
And far away, o'er lawns and lakes
Goes answering light.

Jet Love hath echoes truer far,
And far more sweet,
Than e'er beneath the moonlight's star,
Of horn or lute, or soft guitar,
The songs repeat.

This when the sigh, in youth sincere,
And only then,—
The sigh that's breath'd for one to hear,
Is by that one, that only dear,
Breath'd back again!¹⁾.

1) Переводъ Л. Поливакова:

«Какъ сладостенъ отголосокъ музыки въ ночи, когда она, возбужденный любовью или рогожъ, восстаетъ и несетъ далеко по долинамъ и озерамъ, повторяясь вѣжно!»

Что это за «нѣкоторыя подробности», о которыхъ говорить Гаевскій? Звуки «рога» развѣ? — Размѣръ же — читатель видѣть — въ лучшемъ случаѣ только схожий: у Пушкина въ строфѣ шесть стиховъ, у Мура — пять; у Пушкина короткий стихъ (двухстопный) стоитъ четвертымъ и шестымъ, у Мура — вторымъ и пятымъ.

Между тѣмъ у Барѣ Корнуоли также есть стихотвореніе «Эхъ»: «A sea-shore echo» (Прибрежное эхо).

Стою у дикихъ береговъ,
И внемлю блокоту орловъ
И слышу волны голодный ревъ, —
Всѣдѣ вокругъ
Пустые гроты шлютъ на звѣй
Отвѣтный звукъ.

Мнѣ вѣтеръ любъ, что надъ волной
Летитъ, играя съ глубиной,
Ноеть въ пещерѣ онъ пустой
Позижу водѣ;
Тотъ голосъ изъ глуби земной
Мечту поетъ.

Онъ словно первозданный крикъ,
Какъ тотъ, съ которымъ міръ возникъ,
Онъ — странной вѣчности языкъ,
Что старъ, какъ свѣтъ,
Онъ до глубинъ земли проникъ, —
Но гдѣ-жъ отвѣтъ?

Шлютъ отзвукъ грохоту громовъ
Со всѣхъ онъ скаль и береговъ:

«Но эхо любви и вѣриѣ, и отраднѣе, нежели то эхо, которое повторяетъ пѣсни рога или лютня или нѣжной гитары подъ лунными сѣтами».

«Это эхо раздается во время искренней юности, и только тогда, когда разохъ, предназначенный лишь слуху мыслей, повтореньеъъ отвѣтъ этой единственности мыслей!»

Пушкинъ, Сочиненія, ред. Л. Поливанова, т. I, стр. 359.

Огнесь-ли дышѣть бури ревъ,
Бричить-ли вазъ,
Отвѣта ждетъ, — отвѣтъ готовъ
Ему можно скать.

И только Эхъ скать ни въ чёмъ
Не слышитъ отклика другомъ;
Въ молчаніи блѣдноть и иѣмомъ
Оно затрепетъ, —
Мечтанье, какъ фіалъ съ пылью,
Тотъ голосъ ищетъ.

О Нимфа-Эхъ! — вышла ты
Изъ хаотичной темноты,
Дочь первозданной красоты!
Тебя каскаль
Душъ первый солнца съ пылоты
И первый ватъ.

Какъ первородныхъ духовъ сонъ,
Всегда одна, поэта сонъ;
Тебя звать Нашъ съ зеленыхъ лонъ, —
Всему отвѣтъ
Давала ты, на твой же звонъ
Отвѣта пѣть.

Вѣла — надъ головой твоей;
Тебѣ не строють алтарей
И сказа, ложный другъ любей,
Не шлѣгъ цветы, —
И вотъ, какъ все здѣсь, межъ тѣней
Минула ты¹⁾.

(Переводъ Г. А. Елачича).

1) I stand upon the wild sea-shore —
I see the screaming eagle soar —
I hear the hungry billows roar,
And all around
The hollow answering caves out-pour
Their stores of sound.

The wind, which moaneth on the waves,
Delights me, and the surge that raves,
Loud-talking of a thousand graves —
A watery theme!
But oh! those voices from the caves
Speak like a dream!

«Подробностей» здесь — ужь если начать считать ихъ — больше: и «грохотъ громовъ» и «гласъ бури и валовъ»...

Размѣръ — идентичный, пе схожій, по буквально совпадающей: шесть стиховъ въ строфѣ I, II, III и V — четырехстопные, въ IV и VI — двухстопные. Рифмы въ четырехстопныхъ стихахъ у Пушкина и Корнуоля постоянно мужскія, у Мура же встрѣчаются и женскія (въ первой строфе). Вообще мелодія Мура мягкая, звуки веекутся и стелятся, у Пушкина же съ Корнуолемъ — мелодія суровая и энергичная, звуки сдержанно рокотутъ.

Но, — что самое главное, — и у Пушкина, и у Корнуоля мы находимъ слѣдующія строки, буквально совпадающія:

И щемишь отвѣтъ; Тебѣ жъ иѣть отзыва...	Thou answeredst all; but none now care To answer thee! (Ты отвѣчала всѣмъ; никто теперь Не отвѣтить тебѣ!)
--	---

Оба, — и Пушкинъ и Корнуолъ, — имѣютъ въ виду Эхо. Только въ заключеніе, въ последней строкѣ Пушкинъ дѣлаетъ примѣненіе этихъ словъ къ поэту: «Таковъ и ты, поэтъ!»

They seem long hoarded, — cavern-hung,—
First uttered ere the world was young,
Talking some strange eternal tongue
Old as the skies!

Their words unto all earth are flung:
Jet who replies?

Large answers when the thunders speak
Are blown from every bay and creek,
And when the fire-tongue tempests speak
The bright seas cry,
And when the seas their answer seek
The shores reply.

But Echo from the rock and stone
And seas earn back no second tone;
And Silence pale, who hears alone
Her voice divine,
Absorbs it, like the sponge that's thrown
On glorious wine!

— Nymph Echo, — older than the world,
Who wast from out deep chaos hurl'd,
When beauty first her flag unfurl'd,
And the bright sun [curl'd],
Laugh'd on her, and the blue waves
And voices run.

Like spirits on the new-born air,
Lone Nymph, whom poets thought so fair,
And great Pan wooed from his green lair,
How love will flee!
Thou answeredst all; but none now care
To answer thee!

None-none! Old age has sear'd thy brow;
No power, no shrine, no gold has thou;
So Faun, the barlit, leaves thee now,
A frail, false fraind!
And thus, like all things here below,
Thy fortunes end!

Это значитъ, что Пушкинъ цѣлкомъ заимствовалъ у Корнуоля его тему (вѣдь, въ этихъ словахъ — основная мысль всей пьесы). А затѣмъ изъ этой первоначальной темы сдѣлалъ, по обыкновенію своему, свое собственное употребленіе.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою типично Пушкинское «плодражаніе» съ заимствованіемъ темы и вполнѣ самостоятельной ея переработкой и поправками, — также типично пушкинскими, — въ отношеніи краткости и въ то же время большей полноты: хотя у Пушкина всего двѣ строфы противъ восьми Корнуоля, но мѣръ его звуковъ, которыхъ отвѣчаетъ эхо, гораздо богаче и разнообразнѣе, нежели таиной Корнуоля.

ОБВАЛЪ.

У Пушкина есть еще одно стихотвореніе, написанное размѣромъ «Эхо» — известный «Обвалъ» 1829 г. Здесь этотъ размѣръ появляется впервые въ поэзіи Пушкина и тѣмъ какъ бы заставляетъ предполагать появление и новыхъ «вылій» на нашего поэта, никогда не устававшаго въ своемъ «ученичествѣ», по прекрасному выражению Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

Хронология не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы отнести и «Обвалъ» на счетъ «влій» Бары Корнуоля. Точная дата «Обвала» — 29—30 октября 1829 года¹⁾. Книга же четырехъ поэтовъ, вышедшая въ свѣтъ въ томъ же 1829 г., могла появиться въ самомъ началѣ его. Такъ что Пушкинъ имѣлъ возможность получить ее черезъ своихъ поставщиковъ гораздо раньше октября и, такимъ образомъ, своевременно ознакомиться съ произведеніями Корнуоля.

Но еще Дружининъ высказалъ по поводу «Обвала» предложеніе о томъ, «что на Пушкина производилъ великое впечатлѣніе Робертъ Бёрнсъ. «Намъ всегда казалось, что конструкція строфъ въ «Обвалѣ» (часто Бёрнсовская) не есть случайность», — писалъ

1) П. О. Лернеръ, Труды и дни, изд. 2, стр. 198.

оиъ во второй изъ своихъ статей подъ общимъ заглавиемъ: «А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій¹⁾».

Конструкцію строфъ въ «Обвалѣ» дѣйствительно можно назвать «чисто Бѣрнисовской». Достаточно перелистать стихотворенія англійскаго поэта, чтобы убѣдиться въ этомъ. Пѣсъ въ такомъ размѣрѣ у Бѣрниса очень много, въ то время какъ, напримѣръ, у Барри Корнуолля въ сборникѣ ихъ всего только и есть одна. Читай Пушкинъ одновременно обояхъ этихъ поэтовъ, — онъ, естественно, гораздо скорѣе обратить бы вниманіе на этотъ размѣръ у Бѣрниса, нежели у Корнуолля.

Дружининъ очень интересовался членіемъ Пушкина, его библіотекой. Теперь мы знаемъ, что въ Пушкинской библіотекѣ есть дѣйствительно сочиненія Бѣрниса, притомъ изданія того же самаго 1829 года и отчасти «разрѣзанія»²⁾. Но и эти новыя данныя не позволяютъ намъ заключать вмѣстѣ съ Дружининымъ о томъ «великомъ (sic) впечатлѣніи», какое яко бы производилъ Бѣрнисъ на Пушкина.

Такое заключеніе было бы болѣе, чѣмъ поспѣшнымъ. Самъ Дружининъ тутъ же указываетъ, что Пушкинъ никогда не говорилъ о Бѣрнисѣ. Какое же это «великое впечатлѣніе»? Самое большее, что мы могли бы предположить для Бѣрниса, это — то, что Пушкинъ читалъ его и, можетъ быть, взялъ отъ него размѣръ для своего «Обвала».

Могли бы предположить, — если бы ничего не знали о Барри Корнуолль. Но вѣдь размѣромъ «Обвала» написано также и «Эхо», относительно связи которого съ «Прибрежнымъ Эхомъ» Корнуолля теперь врядъ ли могутъ быть какія-нибудь сомнѣнія.

Далѣе, и по существу, — если не говорить даже о такихъ «подробностяхъ» (выражаясь въ терминахъ Гаевскаго), какъ «шумъ волнъ», «крикъ орланъ» etc., — то по характеру своему, по своей манерѣ, столь же суровой и энергичной, «Обвалъ» весьма и весьма «напоминаетъ» «Прибрежное Эхомъ» Корнуолля.

1) «Библіотека для Чтенія» 1855 г., ч. СХХХ, отд. III, стр. 74.

2) Б. Л. Моджалиевскій, назв. соч., стр. 180.

Наконецъ, — что, можетъ быть, самое главное, — если сравнивать обоихъ англійскихъ поэтовъ въ ихъ отношеніи къ нашему, то Барри Корнуолль психологически окажется несравненно ближе къ Пушкину, нежели Бѣрнисъ. Порою насмѣшливый, порою страстный, но всегда ясный и мужественный, съ сильнейшей тягой къ реальному, Барри Корнуолль обнаруживаетъ несравненно болѣе духовнаго средства съ Пушкинымъ, нежели жесткюще-мягкій, проишковенный романтикъ Бѣрнисъ.

Поэтому позволительно вообще усомниться, могло ли когда-нибудь быть особенно «велико» впечатлѣніе Пушкина отъ чтенія Бѣрниса. Корнуолль же опять прямо штудировалъ.

По всему этому, при выборѣ между Бѣрнисомъ и Барри Корнуоллемъ предпочтительнѣй было бы указывать на послѣдніго, какъ на источникъ заимствованій Пушкина не только для «Эха», но и для «Обвала». Въ такомъ случаѣ, значитъ, знакомство ихъ должно было состояться еще въ 1829 году и тогда же привести свои плоды. Въ поискахъ Форту, наиболѣе отвѣчавшихъ его пѣсамъ — выразить возможно полнѣе свои недавнія Кавказскія впечатлѣнія — Пушкинъ паткнулся, кажется намъ, на готовый размѣръ «Прибрежнаго Эха» Корнуолля, — размѣръ, какъ нельзя болѣе гармонировавшій своею отрывистой и скагою силой съ ликостью горнаго пейзажа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ умножить число цитатъ еще одной.

Пушкинъ всегда готовъ быть сдѣлать своимъ девизомъ Мольера: «Je prend mon bien, oй je le trouve». По праву великаго. Теперь же, въ Болдинѣ, онъ не безъ сочувственной улыбки, вѣроятно, читалъ слѣдующія, проницнутыя юморомъ, строки Барри Корнуолля («Діего де Монтила», IV):

Оружье п... забыть. Любовь я днесъ пою
И мужа. Такъ Вергилия начало,
Чуть измѣнивъ, къ себѣ я примѣю.
Принадлежалъ я — и вотъ грѣха не стало;

Такихъ, что поровнять стянутъ и выдать за свою
Вещь цѣшую, писателей не мало;
Но скверно то, что ихъ съ поличными накрываютъ
Когда совѣты они того не ожидаютъ¹⁾.

(Переводъ Г. А. Елачича).

H. Яковлевъ.

Два сербскихъ юнака въ изображеніи Пушкина.

(Ко дню 35-лѣтія дѣятельности Ильи Александровича Шляпкина).

...И вынужденъ призвать конъ
добрыхъ и храбрыхъ Сербовъ: подъ
сербскія трехлѣтнія знамена въ пол-
ной упѣренности, что они и въ на-
стоящемъ случаѣ покажутъ себя до-
стойными своихъ славныхъ предковъ...
(Илья Сербскаго манифеста о войнѣ съ
Австроіей, 17 июля 1914 г.).

Пушкинъѣхъ изъ Крыма въ Кишиневъ, полный «умиленія»
и неизгладимыхъ «замѣтъ сердца». Онь только что разстался съ
«милымъ» семействомъ Раевскихъ, въ кругу котораго провѣль,
по выражению письма къ брату Льву отъ 24-го сентября 1820 г.,
«счастливѣйшая минуты жизни» своей. Надо было «сторопиться» на
службу. Онъ явился въ Клиническъ, въ распоряженіе генерала
Инзова, 21-го сентября.

Но въ первые дни пребыванія здѣсь поэтъ врядъ-ли жилъ
чѣмъ-либо другимъ, кроме своихъ яркихъ и ягучихъ воспоми-
наній о только что пробѣжавшихъ дняхъ Гурзуфа. Въ городѣ
вокругъ него была повсюду нестрая суетолока и шумъ,—между
тѣмъ, какъ поэтъ, черезъ три дня по пріѣздѣ къ Кишиневу, жа-
ловался своему брату, въ названіи письмѣ: «Теперь я однѣ
въ пустынной для меня Молдавіи». «Жаръ», который «проснулся»
въ его груди «тамъ, межъ хижинокъ татарь», не могъ остыть на
разстояніи, отдѣляющемъ его此刻ъ отъ Раевскихъ. Хотѣлось
снова туда — «увидѣть опять полуденный берегъ и семейство

1) «Arms and — but — forget. Love and the man
I sing, that's Virgil's method of beginning,
Alter'd a little just to suit my plan.

I own the thing, and so there's not much sinning:
Most writers steal a good thing when they can,
And when 't is safely got 't is worth the winning.
The worst of 't is we now and then detect' em,
Before they ever dream, that we suspect'em.

Раевского» или, по крайней мѣрѣ, хотѣлось, пока, жить хотя бы этими «замѣтами сердца».

Было скучно... Умилощія душу воспоминанія смыкались часто тоскливыми мыслями о «разлукѣ», и поэту казалось тогда, что онъ снова, какъ на Кавказѣ, «чолонъ» пустоты:

... Гдѣ же вы, мишути умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежний жаръ и нѣга вдохновенія?
Придите вновь, года моей весны!

Но живой, какъ искра, умъ Пушкина не могъ, конечно, долго оставаться безучастнымъ къ тому, что было вокругъ. То — свое поэзъ оставилъ для себя, для своей поэзіи и бережно прикрылъ его молчаніемъ души своей. Для жизни же и для окружающихъ онъ скоро сталъ снова такимъ же, какимъ бывъ всегда,— другомъ и приятелемъ, собесѣдникомъ и сотрапезникомъ,— даже здесь, «въ грязи молдавской»¹⁾.

Въ тогдашнемъ Кишиневѣ было много своеобразно-интереснаго, на чёмъ могло остановиться вниманіе Пушкина; но, конечно, первѣе и ярче всего другого была особенная пестрота населенія. Въ этомъ отношеніи Кишиневъ и его окрестности предоставили поэту гораздо большие разнообразія, чѣмъ даже только что оконченное путешествіе по Кавказу и Крыму, и поэть, пріобрѣвшій, за время этого путешествія, нѣкоторые навыки наблюдателя, могъ ими пользоваться здѣсь въ полной, при желаніи, мѣрѣ²⁾.

1) Подробности о начальномъ періодѣ Кишиненской жизни поэта будутъ представлены въ моемъ исследованіи о Пушкинѣ, которое приготавливается къ печати.

2) См. общую характеристику населенія Кишинева въ то время и статью А. И. Янниирского «Пушкинъ въ Бессарабіи» — въ Собр. соч. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, II, 158.

Но изъ пестрой толпы Кишиннова Пушкинъ выдѣлился прежде всего сербовъ,—не такъ ихъ самихъ, какъ то, что было связано тогда, въ представлении Россіи и даже Европы, съ именемъ этого племени. О такомъ первенствѣ я заключаю изъ оснований указаній поэзіи Пушкина (увидимъ дальше) и подчеркиваю это, какъ весьма любопытный фактъ.

Въ Кишиневѣ и въ Бессарабіи вообще жило въ то время не мало сербовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были большими политическими дѣятелями у себя на родинѣ, но обстоятельства заставили ихъ бѣжать и скрываться въ предѣлахъ Южной Россіи. Многие изъ нихъ принадлежали къ партии запамятаго Карагеоргія,—но онъ въ 1817 г. былъ убитъ въ Сербіи, и они жили, пока, у частъ, въ членіи болѣе подходящей для себя, если случится, политической коньюнктуры. Въ Кишиневѣ нашли пріютъ, напримѣръ, воеводы Симоновичъ, Чарапичъ, Иличъ, Лазаревичъ, главный секретарь Карагеоргія Джуричъ; въ Хотинѣ съ 1813—17 гг. жиль семья Карагеоргій; въ настоящее время тамъ оставалась его семья и господарь Алекса Карагеоргіевичъ. Въ статьѣ П. А. Лаврова «Пушкинъ и Славяне» имѣется слѣдующая любопытная справка¹⁾: «Какъ много было сербовъ на югѣ, можно судить по тому, напримѣръ, что среди подписчиковъ на извѣстную поэму сербскаго поэта Симы Мильтиновича «Сербянку» мы насчитали до 75 сербовъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сербской территоріи Бѣлграда, Шабца, Смедерева, Ужицъ, Крушевка, Фрунѣй Горы, Сараева, Мостара, Боки, Котора, Рисна и даже Черногоріи,— и все это были жители Одессы, Кишинева, Хотина, Измаила, Аккермана».

Но забудемъ, что въ Кишиневѣ жилъ въ 1819—25 гг. и этотъ «сербскій Оссаіамъ» Сима Мильтиновичъ Сарайлія, который съ 1821 г. работалъ здѣсь надъ поэмой «Сербянка»²⁾.

1) «Пушкинские дни въ Одессѣ» — Сборн. Позор. Унив., Одесса, 1900, стр. 96.

2) Вышла въ свѣтъ въ 1826 г. въ Лейпцигѣ, вмѣстѣ съ первою книжкою его стихотвореній; средства на изданіе далъ Іоанн Ризничъ W. Gerhard — тѣль

Ко времени пребывания Пушкина въ Бессарабії начался на Балканахъ последній актъ той великолѣбной трагедіи — ополен

самый «ученый кѣмецъ», о которомъ упоминаетъ, не называя, впрочемъ, имена, Пушкинъ въ предисловіи къ «Иѣнняю Западныхъ Славянъ», изданіи въ 1828 г., въ Лейпцигѣ, любопытное собраніе «Wila. Serbische Volkslieder und Holdenmährchen», 2 ч., Gedichte, III и IV Band; въ этомъ собраніи помѣщены, между прочими, переводы изъ «Сербінки» — «Zemlji Georg», «Milosch Obrenowitsch», II ч., 64—70, 81—88, а также пѣсни изъ изѣбнаго собранія «Guzla» Mérime. Но для моей статьи гораздо интереснѣе то, что Gerhard пользовался въ этомъ изданіи болыптою помощью со стороны Милутиновича, сть которымъ познакомился въ Лейпцигѣ, въ половинѣ 1826 г., когда тотъ печаталъ «Сербінку». Милутиновичъ много помогъ ему по части glossarium'a, — въ объясненіи сербскихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей, упоминаемыхъ въ этомъ изданіи пѣсень (см. ч. II, 189—317); указаніе издателя о помощи Милутиновича — на 288 стр. Мало этого, мы имѣемъ адѣль биографію Милутиновича, написанную Gerhard'омъ, очевидно, со словъ самого поэта. Приведу нѣкоторую выдержку изъ этой биографіи въ цѣляхъ дальнѣйшаго сопоставленія съ статьи (II, 287—288): Милутиновичъ родился въ Сараевѣ въ 1791 г.; участвовалъ въ восстаніи Карагеоргія; «Nach dem bald darauf folgenden Frieden blieb er noch eine Zeitlang in Serbien, und zog hierauf weiter, um seine inzwischen ausgewanderten Eltern, von deren Schicksal er keine Kunde bekommen konnte, aufzusuchen. Vergebens hatte er zu diesem Zwecke die Wallachey durchreiset. Inzwischen war sein Vater, in der Hoffnung ihn dort zu finden, nach Belgrad gegangen, aber Vater und Sohn verfeindeten sich, obgleich der Zufall wollte, dass Beyde an einem Tage, Jenerstromaufwärts, dieser stromabwärts, die Donau fuhren. Nach einigen Jahren fand endlich Milutinowitsch, nachdem er Bulgarien und Serbien durchstreift, und sich vielseitige Kenntnisse der Länder, Sitten und Sprachen angeeignet, seine Eltern in Kischaow in Bessarabien wieder. Dort, wo sich die ersten serbischen Wejwoden aufhielten, blieb Milutinowitsch einige Zeit im väterlichen Hause; seine Mutter Angelia starb bald nach seiner Ankunft. Den Wunsch der Vaters und Sohnes, nach ihrem Vaterlande zurück zu kehren, vereitelte die in der Moldau und Wallachey ausgebrochene Revolution. Hier war es nun, wo Milutinowitsch seine Serbianka zu dichten anfing. Er hörte die serbischen Helden oft von der Vergangenheit sprechen und fühlte sich begeistert, ihre merkwürdigsten Thaten zu besingen. Nach Verlauf von vier Jahren war das Gedicht beendigt und der Verfasser begab sich über Odessa nach Deutschland, um in der Breitkopf- und Härtelschen Offizin zu Leipzig, wo die gesammelten Volkslieder seines Freundes Wuk Stephanowitsch erschienen waren, den Druck des Werkes zu besorgen. Im Sommer 1826 machte ich hier die Bekanntschaft dieses redlichen, kenntnissreichen und talentvollen Mannes. An seiner Hand wagte ich mich den Winter darauf in die Goldminen serbischer Poesie, und er ist es, welchem ich der grössten Theil der in diesem Glossarium enthaltenen Mittheilungen über die Sitten und Gebräuche seiner Landsleute und ihrer Nachbarn verdanke. Im Mai des Jahres 1827 berief ihn Fürst Milosch zurück nach Serbien, um ihm eine der ersten Stellen in seiner Kanzley anzunvertrauen...».

борьбы за свободу и за свои «очаги», которая тогда велась съ турками съ 1804 г. Правда, знамя восстанія было теперь въ рукахъ грековъ; первые же и главные участники этой эпохи — сербы не принимали уже участія въ борьбѣ, — по крайней мѣрѣ официально, удовольствовавшись достигнутыми результатами.

Душой восстанія 1804 года былъ Карагеоргій; онъ еще въ 80-хъ годахъ XVIII в. участвовалъ въ войнѣ съ турками. Это восстаніе окончилось взятиемъ Бѣлграда, въ 1806 г., и Карагеоргій сдѣлался господаремъ Сербіи. Но въ 1813 году турки снова овладѣли Сербіей, — и Карагеоргій бѣжалъ въ Россію, въ Хотинъ. Здесь онъ жилъ до 1817 г. «подъ щитомъ Россійскімъ»; хотя его жизнь и была, повидимому, спокойна, но онъ напоминалъ собой «погасший вулканъ, готовый ежеминутно вспыхнуть»¹⁾.

Передъ Пасхой 1815 г. начался второй актъ борьбы Сербіи съ турками: восстаніе въ Таковѣ воеводы Милоша. Вонъ и дипломатъ, онъ въ 1817 г. достигъ Сербскаго престола. Но этотъ же 1817 годъ оказался для Карагеоргія роковымъ. Тамъ бездѣйствіемъ въ Хотинѣ, онъ согласился поддержать подымавшуюся гетерію и явился въ Сербію, чтобы поднять снова восстание, — но 12-го или 13-го июля былъ, коварнымъ образомъ, убитъ своимъ заистливымъ соперникомъ Милошемъ.

Таковы основные этапы этой Сербской борьбы. Къ 1817 году на борьбу съ турками выступаетъ уже гетерія; но главные моменты этого послѣднаго периода будутъ значительно позже, — съ началомъ «прекраснаго и блестательнаго шага» Испаніи, какъ выражался Пушкинъ въ письмѣ своемъ отъ мая 1821 г.²⁾

Оба предводителя сербовъ — Карагеоргій и Милошъ — весьма интересовали собой современниковъ, оба представлялись красными героями; впрочемъ, обычай, Карагеоргій пользовался болыптишими предпочтеніями. Въ «Кнежевина Србија» сравниваются

1) «Отеч. Зап.» 1818, I, 45—58, статья П. Н. Синѣвова: «Писмо къ брату». Хотинъ, 5 марта 1816; см. также «Сынъ Отеч.» 1816, ч. 31, 140—149.

2) Почтило бунта Испаніи — 11-го марта 1821 г. (см. «Рус. Арх.» 1866, 1150).

оба героя по заслугамъ и достоинству, но на вопросъ, кто изъ нихъ выше, мы отвѣта не находимъ: они — «два вајвећа сина книтне Шумадије, два најкориснија радника на пољу нове српске историје»¹⁾. Milivoj Šrepel въ статьѣ «Puškin i hrvatska književnost», называя обоихъ «јунак'ами srpskoga ustanka», пишетъ, что «ovaj je ustavak ne samo zanimalo, nego i zanosio najbolje duhove u Evropi»²⁾.

Отношение Россіи къ эпохѣ Карагеоргія и Милоша вообще было исконно самаго живого и дѣйственнаго вниманія. Намъ пришлось помочь Сербіи, въ это время, не только дипломатическими выступленіями или деньгами, но и оружиемъ. Во второй половинѣ

1) Изд. 1876, у Београду, 328—30.

2) «Ijetopis Jugoslav. Akad.», XIII, 1899, 181. Въ любопытной, хотя и панегирической по отношенію къ Милошу книжѣ Караджича: «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича», С.-Пб. 1825, имеется слѣдующее сравненіе этихъ двухъ геросовъ: «Несчастіе, подвиги и геройство Сербскаго народа обращали на оный въ продолженіе XIX ст. вниманіе всей Христіанской Европы. Храбрые сыны Славянскаго племени, подъ предводительствомъ неустрашимыхъ начальниковъ, между которыми отыскался знаменитый Георгій Петрович Черный, состязались съ исполникомъ сплою Турецкой Монархіи. Память этого воина и доблестныхъ его сподвижниковъ, по справедливости, внесена была въ скрижали Исторіи; но, сколько паче кажется, имена, обыкновенно приходившія къ раздаче виноватъ своихъ, и въ семъ дѣлѣ действовала болѣе по внушенію обстоятельствъ и случая, нежели по чѣрнѣ истинныхъ заслугъ и прочихъ достоинствъ. Имя Георгія Петровича Черного, храбраго воина, усерднаго слуги братіи и отечества за полѣ браны, но не ознакомившаго своей жизни подвигами гражданина юродолюбиваго и занятнавшаго свои дѣла непомѣрно строгостю, приближавшейся къ зѣрствѣ,носится походу, между тѣмъ, какъ сдеа ли гдѣ имѣютъ понятіе о характерѣ и дѣлахъ пынѣшнаго Вождя Сербскаго народа, который, не уступал своему предшественнику въ храбрости и недостоинствахъ воина и полководца, далеко превзошелъ его въ доблестяхъ гражданина и правителя, который, возставъ противъ притѣсненій и самовластій, не имѣлъ ни дненожныхъ, ни какихъ другихъ, постороннихъ способій, начинаястнук обезоруженными своими соотечами, воспротившись тридцати шести тысячному Турецкому гарнизону, кроме другой арміи, побѣдить притѣснявшихъ его, стяжалъ своему отечеству спокойствіе...» (стр. II). Здѣсь же (стр. V) читаемъ указаніе, что эта книга Караджича — книга рукоюной биографіи его (Милоша), сочиненной на Ибменскомъ языке. Эта книга издается въ библиотекѣ Пушкина (см. Каталогъ ея, составленный Б. Л. Модзлевскимъ, № 143). У Караджича есть издание этой книги и на сербскомъ языке: «Милош Обреновић, кнѧзь Сербіи, или Грађа за Српску Историју нашега времена», у Будиму. 1828.

1810-хъ годовъ такое вниманіе сдѣвалось еще болѣе значительнымъ¹⁾. Въ 1816 г. Карагеоргій пріѣзжалъ даже въ Петербургъ представляясь Александру I.

Мнѣ думается, что проф. Кулаковскій вполнѣ правъ, указывая, что «еще въ Лицѣ и въ родительскомъ домѣ Пушкинъ могъ слышать пѣніяющіе воображеніе разсказы о героической борьбѣ Сербовъ, о подвигахъ суроваго гайдука Карап-Георгія»²⁾; о томъ же онъ могъ знать кое-что и изъ журналовъ.

Кишиневъ даѣтъ поэту возможность не только по рассказамъ ознакомиться съ исторіей этой борьбы Сербіи, но даже лично видѣть и слышать пѣкоторыѣ изъ ея участниковъ. Соратники Карагеоргія, пріѣзжившіе здѣсь, успѣли уже окружить своего недавно почившаго вождя ореомомъ истиннаго героя и жили, конечно, воспоминаніями о немъ. Здѣсь же въ Кишиневѣ, какъ разъ къ пріѣзу туда Пушкина, забуряла гетерія, изъ-за которой, три года назадъ, сложилъ свою голову Карагеоргій. Все это не могло не захватить поэта, — тѣмъ болѣе, что и герой Сербія, и гетеристы служили дѣлу «свободы»; а послѣднее было для тогдашняго Пушкина однимъ изъ желанныхъ упоминаній сердца³⁾.

Въ дневникѣ Липранди читаемъ⁴⁾, что Пушкинъ «собиралъ изутию, болѣе отъ выходцевъ, въ особенности отъ Сербовъ,

1) См. мое изданіе «О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ», С.-Пб. 1912, стр. 314 и д. Изъ русскихъ произведеній, отмѣтившихъ выступленіе Карагеоргія, могу, напр., назвать: «Пѣсни о избавлении Сербіи», изд. въ 1806 г. на русскомъ и сербскомъ языкахъ М. П. Антоновскимъ, издателемъ, между прочимъ, журнала «Вечерняя Заря»; въ «Вѣсти Евр.» 1808 г. № 2, напѣсано: «Георгій II Черный, предводитель Сербовъ»; между произведеніями Вѣлгарина есть «Славянская военная картина», подъ заглавиемъ: «Сербскій бивакъ», гдѣ описанъ бивакъ Карагеоргія (Сочин., С.-Пб. 1830, XI, 203—211).

2) Рѣчь «Славянские мотивы въ творчествѣ Пушкина» — «Русск. Физиологи». Вѣстн. 1899, № 3—4, стр. 2.

3) Ср. набросокъ Пушкина 1821 г.:
(Гречанка, я люблю тебя)
Затмилася прелести друга.
Горю тебе...
Я твой на вѣкъ, Ильефері!..

4) «Рус. Арх.» 1866, 1201.

пѣсни и т. п.; но въ Одессѣ я узналъ отъ него, что многое растерялъ». Въ другомъ лѣстѣ дневника сказано о томъ же подробнѣе (стр. 1266): «Пушкинъ могъ получить нѣкоторыя сведения о Сербіи отъ Алексѣева... Николая Степановича, который, по поступленію Киселеву, занимался вышинской изъ архива дипломатическихъ сношеній съ Сербою нашихъ главнокомандующихъ, напечаталъ отъ Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона, Каменскаго и Кутузова. Главное же, — Пушкинъ очень часто встречался у меня съ Сербскими воеводами, поселившимися въ Кипшиневѣ, Вучичемъ, Ненадовичемъ, Живковичемъ, двумя братьями Македонскими и пр., доставлявшими мнѣ материалы... Отъ помянутыхъ же воеводъ онъ собиралъ пѣсни и часто при мнѣ спрашивалъ о значеніи тѣхъ или другихъ словъ для перевода. На короткое время пріѣзжалъ Стойковичъ, профессоръ Харьковскаго Университета; онъ былъ Сербъ, по видѣлся съ Пушкинымъ раза два». Къ названному необходимо прибавить имя поэта Милутиновича, жившаго тогда въ Кипшиневѣ, знакомство съ которымъ Пушкинъ врядъ-ли могъ обойти, такъ какъ оно должно было быть для него весьма интереснымъ. Милутиновичъ былъ полонъ пѣсень, преданий и рассказовъ о Сербіи и обѣ ея юлахъ и уже приступалъ къ своей эпопѣ о нихъ.

Липранди, правда, указываетъ (стр. 1261), что интересъ къ Сербіи сталъ явно обнаруживаться у Пушкина лишь «во вторую половину» пребыванія его въ Кипшиневѣ, начиная съ весны 1821 г., — когда онъ возвратился изъ Каменки и Киева, а главное, когда вспыхнуло восстание Испиданти. Но толчокъ къ талому интересу былъ данъ, очевидно, раньше, — первыми впечатлѣніями поэта по пріѣздѣ въ Кипшиневъ¹⁾.

1) Въ дневникѣ Липранди (стр. 1279) читаемъ еще о записи славянской пѣсни, сдѣланной Пушкинскимъ во время путешествія по Бессарабіи въ декабре 1821 г. Въ статьѣ П. А. Лавроса «Пушкинъ и Славянъ» (Сборн. Новорос. Унив., Одесса, 1900, стр. 111) избѣгается стѣдующее заключеніе о знакомствѣ Пушкина съ сербскими языками: «Пушкинъ вполнѣ овладѣлъ сербскими языками, знакомство съ которыми слѣдуетъ относить еще ко времени его пребыванія на

Изъ собранія Сербскихъ пѣсень Караджича видно, что эпоха выступленій Карагеоргія — Милоша сравнительно обильно изобразилась въ Сербской народной поэзіи, при чемъ нѣкоторыя изъ такихъ пѣсень сохранили въ себѣ смѣлъ полной свѣжести. Вполнѣ естественно предположить, что кое-какія изъ этихъ пѣсень могъ слышать и Пушкинъ — отъ Кипшиневскихъ сербовъ. Впрочемъ, его собственнѣя стихотворенія на сербскіи темы являются скорѣе отголосками не пѣсень, а разсказовъ и преданий; по крайней мѣрѣ, ближайшей связи съ пѣснями у этихъ стихотвореній я не нашелъ¹⁾.

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина на тему о сербскихъ юлахъ было стихотвореніе: «Дочери Карагеоргія». Подъ первоначальнымъ текстомъ его, имеющимся въ записной тетради Пушкина, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, стоитъ помѣта: «Кипшиневъ 5 окт.». Слѣдовательно, это стихотвореніе явилось и первымъ²⁾ въ его Кипшиневской музѣ вообще, что весьма замѣнительно. Очевидно, что изъ всѣхъ впечатлѣній, которыхъ пришло перенести поэту во дни первого знакомства съ Кипшиневомъ, впечатлѣніе отъ образа Карагеоргія было для него однимъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ.

Хотя это стихотвореніе и бѣдно фактами, по оно писано, вѣтъ всякой сомнѣнія, на основаніи слышанныхъ Пушкинскимъ разсказовъ и удержано въ себѣ нѣкоторый ихъ, такъ сказать, колоритъ

югъ Россіи. Впрочемъ, съ такимъ заключеніемъ въ полной его мѣрѣ сдава ли можно согласиться.

1) Называю наиболѣе интересныи изъ пѣсень разбѣрской эпохи въ «Српске народне пјесме», Књига четврта, Београд, 1896: Почетак буше противъ дахија — № 24; Овѣт то изв. Црне горе — № 25 (здесь начало нѣсколько сбоготвѣстуетъ началу пѣсни Пушкина о Милоши, то же и конецъ, стихи 290—360); Узникане Узника — № 27; Чапић Мустај бег и Караджорђије — № 38; Растакак Караджорђија са Србијом — № 40; Скопљак војдти на Шумадију — № 41; Усташак кнеза Милоша на Турке — № 45; Бoj на Чачку — № 46.

2) Не считалъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ набросковъ.

и настроение. Пoэтъ не скрыть здесь своего восхищения Карагеоргемъ, которое перенесло къ нему также отъ рассказчиковъ. Карагеоргій — «гроза Луны, свободы воинъ, покрытый кровью святой»¹⁾, «преступникъ и герой», достойный «п ужаса людей, и славы»; его кинжалъ — «братоубийствомъ изощренный»; онъ — «сумрачный, ужасный до конца».

Конечно, между этими штрихами далеко не все принадлежать народно-поэтическому представлению о Карагеоргіи. Въ этомъ портретѣ мы видимъ, наоборотъ, и много романтическаго — Пушкинскаго, соответствующаго тогдашнему настроению и миросозерцанію поэта. Его поэтика мѣстами грѣшила даже мелодраматизмомъ; указываю, напримѣръ, на такія выраженія, какъ: «на пламенной груди рукой окровавленной», «возбудивъ свирѣпой мести жаръ», «падь твоей певинной колыбелью убийства новаго обдумывай ударъ»; еще больше такихъ штриховъ, конечно, въ черновыхъ редакціяхъ этого стихотворенія. Между эпитетами Карагеоргія на первомъ же мѣстѣ стоитъ у Пушкина — «свободы воинъ»²⁾. Романтическое чувствуется и въ самой концепціи стихотворенія, — въ этомъ контрастѣ между сумрачнымъ преступникомъ-отцомъ и певиннымъ младенцемъ-дочерью³⁾.

Ближайшихъ поводовъ къ написанию этого произведения мы не знаемъ. Въ цѣлой для насъ книжѣ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» (М. 1810), въ которой имѣется бiографія Карагеоргія до 1808 г., составленная на основаніи разсказовъ, слышанныхъ авторомъ отъ самихъ

1) Въ черновикѣ стихотворенія, находящемся въ рукописи Рус. Муз. № 2367, л. 18 об., къ стиху «Покрытый кровью святой» приписано Пушкинскимъ: «отца и брата». Слѣдовательно, ему извѣстно было не одно преданіе о Карагеоргіи. Фактическихъ данныхъ, имѣющихся въ этомъ стихотвореніи, коснусь ниже.

2) Ср. писанное весной 1820 г. стихотвореніе «Миѣ бой знакомъ». А. И. Яцпинирский въ статьѣ «Пушкинъ въ Бессарабіи» даже указываетъ, что стихотвореніе о Карагеоргіи вызвало у Пушкина «едва ли славянскими симпатіями, а не обиціемъ гуманнымъ чутствомъ» (Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, II, 170). Но съ такимъ обобщенiemъ согласиться трудно.

3) Подробности о концепціи этого стихотворенія будутъ предложены въ моемъ изслѣдованіи о Пушкинѣ, которое приготавливается къ печати.

сербовъ, читаемъ (стр. 128): «У Чернаго Георга четыре дочери, изъ коихъ одна за мужемъ за однѣмъ Сербскимъ чиновникомъ, и два сына». Но Пушкинъ ни одной изъ дочерей въ Кипшиневѣ и вообще въ Бессарабіи не видѣлъ. Липранди даетъ слѣдующую справку по этому поводу, которой не вѣрить нельзѧ основанія¹⁾: «Пушкинъ никогда не видѣлъ дочери Карагеоргія. Мать ея, въ началѣ 1820 года, прѣѣзжала на какое-то время въ Кипшиневъ, провожая обратно въ Россію старшаго сына Карагеоргія, корнета нашихъ войскъ, скоро умершаго. Въ Кипшиневѣ находился младший сынъ, въ послѣдствіи князь, обучался подъ надзоромъ жившаго въ Кипшиневѣ воеводы Вучича, но какъ съ мальчикомъ никакъ нельзя было совладать, то она взяла его и мѣсяца за три до приѣзда Пушкина возвратилась въ Хотинъ. Пушкинъ же, что я знаю подождѣтельно, никогда въ Хотинѣ не бывалъ, а при томъ въ это время дочь Карагеоргія имѣла не болѣе 6—7 лѣтъ»²⁾.

Черезъ 13 лѣтъ Пушкинъ снова обратился, въновь, къ образу Карагеоргія. Я разумѣю XI пѣснь изъ собранія «Пѣсни западныхъ славянъ», имѣющую заглавіе: «Пѣсня о Георгіи Черномъ». Она, какъ и слѣдующая за ней — XII: «Воевода Милошъ», написана едва ли не въ серединѣ 1833 г., во всякомъ случаѣ до «Сказки о рыбакѣ и рыбѣ», помѣщенной 14-мъ октября 1833 г. и называемой Пушкинъ «18-я пѣсня сербская». Съ этой сказкой обѣ пѣсни, особенно первая, имѣютъ много общаго какъ въ раз-

1) «Рус. Арх.» 1866, 1265.

2) Въ книжѣ М. Милинѣвскаго «Кнез Милош у причама», Изданіе чиновніе задужбике, у Београду, 1891, есть разсказъ: «Караджорђе кѣрина, 299 и сл., где говорится о помощь Милоша двумъ дочерямъ Карагеоргія. Въ изд. «Serbische Volkslieder, in's deutsche iibertragen von P. von Goetze», St.-Petersb. — Leipzig, 1827, 104—6, приводится интересная пѣсня «Tschaerai-Georg's Gewahlin», въ которой говорится о матери и дочери Карагеоргія; въ примѣткѣ къ этой пѣснѣ издатель, приводя факты изъ жизни Карагеоргія, ссылается на указанную книгу Бантышъ-Каменскаго.

мѣрѣ, такъ и въ стилѣ. Впрочемъ, определить болѣе точно время написанія этихъ пѣсень не возможно, ибо до настѣнѣ не дошло ихъ черняковъ съ какимъ-либо вѣнчаниемъ указаниемъ на хронологію¹⁾.

«Пѣсня о Георгіи Черномъ» разсказываетъ о томъ же фактѣ, по поводу которого (главнымъ образомъ) писано и стихотвореніе «Дочери Карагеоргія», т. е., объ убийствѣ отца, точнѣе отчима. Безъ сомнѣнія, Пушкину были извѣстны и многіе другіе факты изъ жизни героя, но онъ остановился, при томъ дважды, именно на этомъ, — какъ на наиболѣе стилистомъ.

Поэтъ зналъ объ этомъ убийствѣ — можно съ увѣренностью сказать — изъ устныхъ разсказовъ въ Бессарабіи; быть можетъ, кое-что даже записать себѣ на память.

Многіе изслѣдователи предполагали, что источникомъ пѣсни о Георгіи Черномъ и служили Пушкину устные разсказы²⁾. Но въ такое рѣшеніе вопроса объ источникахъ можно внести, кажется, большую опредѣленность. Дѣло въ слѣдующемъ.

1) См., напримѣръ, сѣдующія соответствія стилю «Сказки о рыбакѣ и рыбѣ»: «Старый Петро пуще осердился» — «Еще пуще старуха бранится»; «Отпусти мнѣ неполное слово» — «Отпусти ты, старче, меня въ море»; «Старикъ каляется въ ноги» — «Въ ноги онъ старухѣ поклонился»; «Не взглянула на сына старый Петро» — «На него старуха не взглянула» и т. д. Въ академической коллекціи рукописей Пушкина, принадлежавшихъ Л. И. Майкову, имеется листокъ съ набросками Пѣсни о Георгіи Черномъ, оставшейся необработанной. На верху этого листка нѣсколько строкъ французского письма, — кажется, къ графу Бонкендорфу; В. И. Сапонъ, а за нимъ г. Лернеръ относятъ это письмо къ серединѣ 1834 г. Но наброски пѣсни относятся едва ли не къ той же серединѣ 1833 г. Въ пѣснѣ, кромѣ Георгія, названы Бунчукъ и Янко, размѣръ ея тотъ же, что и въ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбѣ» (см. «Пушкинъ и его современники», IV, 16).

2) См., напримѣръ, книжнѣ А. И. Назеленова, Исторія русской словесности, ч. II, С.-Пб. 1894, 166; проф. П. А. Кулаковскій въ рѣчи «Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина» («Русск. Филолог. Вѣстн.» 1899, № 3—4, стр. 5), дѣлаетъ слѣдующее смѣлое предположеніе: «Болѣе чѣмъ, вероятно, что «Пѣсня о Георгіи Черномъ» была набросана Пушкинымъ еще въ Бессарабіи подъ живымъ впечатлѣніемъ разсказовъ о гибели самого Ка-Георгія»; также, отчасти, статья П. А. Лаврова «Пушкинъ и Славянъ» (Сборн. Повор. Ун., Одесск., 1900, 100); Гюреъ въ статьѣ «Poškin i hrvatska književnost» («Ljetopis jugoslav. akad.», XIII, 128), пишетъ, что Пушкинъ «могao ga je saznati iz novina».

Изъ извѣстнаго примѣченія Пушкина къ этой пѣснѣ слѣдуетъ, что онъ зналъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ версіи объ убийствѣ Карагеоргіемъ отца. Мало этого, вышеуказанная прописка Пушкина — въ одномъ изъ черновиковъ стихотворенія «Дочери Карагеоргія» — «отца и брата» — указываетъ, что поэтъ, еще въ Бессарабіи, слыхалъ и о другомъ убийствѣ, совершенномъ этимъ героемъ, т. е. объ убийствѣ брата.

О отличительныхъ подробностяхъ версіи, изложенной въ пѣснѣ Пушкина, таковы: «словно два волка въ оврагѣ грызутся», бранится въ пещерѣ старый Петро со своимъ сыномъ: «гдѣ тебѣ съ сultаномъ тягаться, воевать съ Бѣлградскимъ пашою»; сынъ оскорбляетъ отца братомъ; въ гибкѣ отецъ выходитъ изъ пещеры и хочетъ «отираиваться въ Бѣлградѣ» — «объявлять убѣжище сербовъ»; сынъ догоняетъ отца, просить «отпустить невольное слово» и трижды уговариваетъ его вернуться; наконецъ, Георгій «горько заплачалъ» и «выстрѣлилъ тутъ же»; при возвращеніи въ пещеру его встрѣчаетъ мать; на ея вопросъ объ отцѣ Георгій отвѣчаетъ, что «старикъ пьянъ напился и заснулъ на Бѣлградской дорогѣ»; тогда мать «догадалась» и прокляла его, называя Чернымъ; съ тѣхъ поръ онъ и прозывается «у людей» Черный.

Пушкинская версія представляетъ собою много отличнаго по сравненію съ обычными народными версіями. Отсылая за подробностями къ названной статьѣ П. А. Лаврова (стр. 98—101), а также къ книжѣ М. Вукашевича о Карагеоргіѣ, позволю себѣ остановиться на существенномъ. Пушкинская версія, сознательно или иѣть, забываетъ, что въ дѣйствительности былъ убитъ не отецъ, а отчимъ; имя Петро принадлежитъ отцу Карагеоргію, отчима же звали, по указанію Караджича¹⁾, Петровић; отчимъ въ это время былъ дѣйствительно уже старикомъ, но мать Карагеоргія была еще, безъ сомнѣнія, не старой, ибо это убийство, по указанію того же Караджича, произошло въ 1788 году; многія преданія говорятъ, что Карагеоргій самъ не рѣшился убить и

1) «Милош Обреновић, кнѧзь Сербіи», у Будину. 1828, стр. 2.

видю, самому Милютиновичу. Приведу его целикомъ, въ виду того, что онъ могъ быть известенъ и Пушкину¹⁾: «Beym Ausbruche des östreichischen Kriegs begleitete Georg mit einem Haufen die Bewohner seines Dorfes über die Sau nach Oestreich, wo sie Schutz vor den Türken suchten, die das Land vor dem Ausbruch eines Kriegs durch Plünderei und Mordthaten zu verheeren pflegten. Seine Mutter hatte unlängst wieder geheyrathet. Ihr Gatte, Georgs Stiefvater, war Aeltester im Dorfe, und hatte auch mit zur Flucht gestimmt. Am Ufer der Sau fanden sie nicht gleich Ueberfahrt, und die Ausgewanderten bargen sich einstweilen in Büschchen, bis vom jenseitigen Ufer Schiffe gesandt werden konnten. Nachdem aber drei Tage verstrichen, ehe diess geschah, verlor Georgs Stiefvater den Muth und rieth zurückzugehen. Niemand wollte seinem Rathe folgen. Da ging er allein fort, drohend, wenn sie nicht mitgingen, sie in Belgrad zu verrathen. Alles wehklagte. Georg stand auf und rief ihm nach: «Vater, bleib doch bey uns, kehre wieder um und theile unser Schicksal!» Jener wollte nichts davon hören, sondern ging durch den Wald immer weiter. Georg rief noch einigemal und bat ihn dringend, sie durch Muthlosigkeit nicht alle in gewisses Verderben zu stürzen, aber Jener hörte nicht. Da nahm Georg seine Gewehr und schoss ihn nieder, indem er leise rief: «Besser du allein, als wir Alle!» Diess sind die näheren und wahren Umstände seines Vatermordes».

Очень можетъ быть, что этимъ рассказомъ Милютина я воспользовался Пушкинъ въ 1833 г., — по памяти или, скорѣе, на основаніи своей записи, — для своего стихотворенія, тѣльше, что этотъ разсказъ былъ, по словамъ Милютина, самый близкій къ действительности.

Могу указать еще на одинъ вѣроятный источникъ стихотворенія Пушкина, — это разсказъ объ убийствѣ, находящійся въ книжѣ Д. Н. Бантыши-Каменского: «Путешествіе въ Молдавію,

Валахію и Сербію» (М. 1810). Этотъ разсказъ тѣмъ цѣненъ, что записанъ авторомъ со словъ самихъ сербовъ въ 1808 г.¹⁾. Пушкинъ могъ знать книгу Бантыши-Каменского еще въ Бессарабіи, — если не въ 1820, то въ слѣдующихъ годахъ; онъ могъ, конечно, заглядывать въ нее и въ 1833 г., когда писалъ свою пѣсню.

Этотъ разсказъ въ общихъ чертахъ близокъ къ версіи Пушкина, особенно въ самомъ концѣ (стр. 120): «Турки, желая отомстить Сербамъ за чинимыя Черными Георгомъ убийства, осуждаются на смерть двадцать шесть главныхъ Сербскихъ военачальниковъ и одного Архимандрита и готовятся напасть на самого его вооруженною силою. Со всѣхъ сторонъ стекаются Сербы къ Чёрному Георгу; одинъ только престарѣлый отецъ, извѣшій съ нимъ до того времени, хочетъ его оставить — упрекаетъ его въ чинимыхъ имъ убийствахъ, въ пролитіи певиной крови, и въ неминуемой гибели, угрожающей всѣмъ его соотечественникамъ. Онъ хочетъ идти къ Туркамъ, предать имъ своего сына и всѣхъ его соумышленниковъ. Тщетно Чёрный Георгъ умоляетъ его; онъ не внемлетъ его представлѣніямъ — отправиться въ Бѣлградъ, Чёрный Георгъ слѣдуетъ за нимъ — въ послѣдний разъ просить его воротиться; старикъ упорствуетъ въ отказѣ — и паконецъ сынъ находитъ себя принужденнымъ застрѣлить отца своего»; самый конецъ (стр. 128): «настоящее имя его Георгій Петровичъ; зовутъ же его Чёрнымъ не по смуглому лицу его, а потому, что въ то время, какъ онъ убиль отца своего, мати его дала ему сие название».

Характерными особенностями этихъ двухъ версій, т. е., помѣщенной въ собраціи Gerhard'a и у Бантыши-Каменского, являются: 1) непричастность матери къ убийству и 2) то, что убиваешь самъ Георгій, а не кто-либо изъ его товарищей. Обѣ

1) Въ статьѣ «Дн. Ник. Бантыши-Каменскій» («Рус. Стар.» 1888, № 11, 516) читаемъ: «Командировка къ Сербію доставила ему случай обозрѣть Южную Россію и вѣсъ страны по пути къ цѣли его поездки; результатомъ сной было изданное имъ описание его путешествія по Молдавіи, Валахіи и Сербіи».

подробности находятся палико и въ пѣснѣ Пушкина, но очень рѣдки въ пародныхъ преданіяхъ. Это и даетъ возможность считать именно оба послѣдніе разсказаѣ вѣроятными источниками пѣсни Пушкина.

Я выше говорилъ, что поэтъ зналъ еще обѣ ужасомъ убийствъ, совершенномъ Карагеоргіемъ, — а именно обѣ убийствъ брата. Онъ слышалъ обѣ этомъ, очевидно, также въ Бессарабіи; но въ позіи дальше намека на этотъ фактъ въ стихотвореніи «Дочери Карагеоргія» онъ не пошелъ. Въ статьѣ П. П. Свѣнтина «Письмо къ брату»¹), въ патетической формѣ, сообщается: «Римъ удивлялся Бруту, осудившему на смерть своихъ сыновей, и почти никто не знаетъ, что Георгій, уличивъ брата своего въ грабежахъ и разболахъ, велѣлъ повѣсить его при своихъ глазахъ». Въ указанной книжѣ Балтыша-Каменского сообщается обѣ этомъ слѣдующее (стр. 126): «онъ прошлаго года (т. е. 1807-мое) велѣлъ повѣсить роднаго брата своего, за сдѣланія имъ разныхъ преступлений! Если поступокъ сей и служитъ обвиненіемъ ему въ неблюдѣніи правъ родства, то не менѣе оправдываетъ его въ точномъ исполненіи правосудія»²).

—

Пушкинъ не могъ обойти интересомъ и другого большого героя Сербіи — воеводы Милоша. Послѣдній выступалъ на попреку арену политической дѣятельности въ одно время съ Карагеоргіемъ, а именно въ 1804 г. Въ этомъ году онъ былъ сдѣланъ воеводой, «то есть, предводителемъ войска въ строжайшемъ смыслѣ слова», какъ поясняетъ это Караджичъ³). Съ уходомъ Карагеоргія, въ 1813 г., въ продѣли Россіи, Милошъ принялъ на

1) Хотинъ, 5 марта 1816 г. — «Отеч. Зап.» 1818, 45—58; см. «Сынъ Отеч.» 1816, ч. 31, 140—149.

2) См. также «Serbische Volkslieder, in's deutsche fibertragen von R. von Goetzen», Petersb.—Leipzig. 1827, 205—211. См. рассказъ «Кара-Георгъ обесено братомъ Мариникомъ», въ книжѣ Михаилова «Кара-Георгъ» у говору и у творцу, Београд. 1904, 98—101.

3) Называвшая книга «Кнѧзь и подиши Милоша», стр. 2.

себя дѣло защиты Сербіи и въ 1815 году сталъ главой нового восстания противъ турокъ. Въ 1817 году мы видимъ его княземъ Сербіи, и онъ правитъ до 1839 года.

Доблестный юнакъ, дипломатъ и правитель, въ частности же врагъ и убийца Карагеоргія, Милошъ долженъ быть стать известнымъ Пушкину, въ разсказахъ и, быть можетъ, пѣсняхъ, одновременно съ Карагеоргіемъ. Кишиневскіе изгнанники-воеводы, лежащая память资料 своего Карагеоргія, не могли не говорить и обѣ его врагѣ, тогдашнемъ князѣ. Мало этого, Пушкинъ слышалъ въ Кишиневѣ, безъ сомнѣнія, не мало разсказовъ и о страшныхъ мукахъ, которыми мучили сербовъ турки во время восстания Милоша и передъ нимъ¹).

Пѣсня Пушкина «Воевода Милошъ» замѣтно отличается отъ пѣсни про Карагеоргія: она по формѣ представляетъ собою лирическій плачъ или, также, гимнъ, и гораздо менѣе конкретна по содержанию. Въ этой пѣснѣ двѣ части, при чемъ вторая является, во многомъ, повтореніемъ первой. Комментируя пѣсню далѣйшему исторіи, мы видимъ, что ея содержаніе относится къ ранней весне 1815 года, — къ начальному моменту восстания Милоша.

Штернъ указываетъ, что и пѣсня о Милошѣ написана подъ вліяніемъ соответствующихъ страницъ поэмы «Сербіанка»²). Но изъ сопоставленія мы видимъ, что сходство между изложеніемъ Пушкина и Милутиновича дальше общихъ мѣстъ не идетъ и, во всякомъ случаѣ, оно гораздо менѣе значительное, чѣмъ при темѣ о Карагеоргіи. А. И. Яцкинскій даетъ слѣдующее заключеніе³):

1) Проф. И. А. Кулаковскій, называвший рѣчи «Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина» («Русск. Филолог. Вѣсти» 1899, № 3—4, стр. 6) говоритъ: «Нѣть сомнѣнія, что въ Бессарабіи Пушкинъ слышалъ исчада разсказовъ о кнѧзе Милошѣ, смилившемъ Кара-Георгія... а быть можетъ, слышалъ о немъ и пѣсни, какъ о новомъ юнакѣ». См. также Ц. А. Лавровъ, назв. статья, 108; А. И. Яцкинскій, назв. статья о «Пѣсняхъ западныхъ славянъ», 308.

2) I изданіе, 1826, I кн. 60, III кн. 74. Назв. статья Штернъ, стр. 130; см. статью Степановича «Изъ Пушкинской юбилейной литературы у славянъ» — изъ Юбил. сборн. Кнѧзя №, К. 1899, отд. 11, 76—77.

3) Указ. статья о «Пѣсняхъ западныхъ славянъ», 309.

«Находить сходство между «Сербіанкой» и пѣснью Пушкина очень трудно: общіе моменты, даже въ болѣе близкой формѣ, найдутся и въ любомъ стихотвореніи сербскихъ поэтовъ-патріотовъ, вдохновившихъ свой народъ на борьбу противъ турокъ, и даже въ любой газетной статьѣ второй половины 70-хъ годовъ, когда выработался особый стиль при описаніи турецкихъ звѣрствъ».

Въ нашемъ распоряженіи вѣтется сейчасъ указаніе на болѣе вѣроятный источникъ, который могъ быть подъ руками Пушкина, когда онъ въ 1833 году, напоминая, должно быть, разсказы, слышанные въ Бессарабіи, писалъ свою пѣсню о Милошѣ. Это уже названная книга Караджича «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича» (С.-Пб. 1825); эта же книга была издана затѣмъ на сербскомъ языке въ Будимѣ, въ 1828. Издание 1825 года нашлось въ библиотекѣ Пушкина; причемъ, — обращаю вниманіе, — между страницами 38—39 и 80—81 сохранились бумажные закладки, какъ указалъ Б. Л. Модзалевскій¹⁾ и что видѣть я самъ. Пушкинъ могъ знать обѣ этой книгѣ, между прочимъ, еще въ 1826 г., — изъ рецензіи о пей, помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ», ч. XI, № 20, отд. I, 283—7; въ рецензіи пересказывается кратко история Милоша. На эту книгу могуъ напомнить его тогда же или немножко позже и Погодинъ.

Позволю себѣ дать вѣсколько выписокъ изъ этой книги, — для комментированія пѣсни Пушкина и для того, чтобы показать зависимость пѣсни отъ этой книги. Но прежде приведу для письма первую половину самой пѣсни:

Надъ Сербіей смигнулся ты, Боже!
Затѣдяютъ насть волки-янычары,
Безъ вины наль головы рѣзутъ,
Нашахъ женъ обижаютъ, изорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ девокъ заставляютъ въ насмѣшку

1) См. описание библиотеки Пушкина, № 148.

Распѣвать зазорыя пѣсни
И извѣзть бусурманскія пласки.
Старики даже съ нами соглашы:
Унимать насть они перестали —
Ужъ и пѣвъ нестерпимо искалъ.

Въ этихъ строкахъ изображается печальное положеніе Сербіи передъ моментомъ возстанія Милоша, весной 1815 года.

Изъ книги Караджича Пушкинъ, по крайней мѣрѣ, могъ знать, что Милошъ, до своего возстанія, былъ въ довѣріи и у турокъ, и у сербовъ: у турокъ потому, что не присоединился, пока, къ бунтовавшимъ бандамъ сербовъ и даже усмирялъ ихъ для турокъ; у сербовъ же потому, что удерживалъ турокъ отъ грабежа въ Сербіи (стр. 27). Но Милошъ, наконецъ, потерялъ вѣру въ турокъ и въ Солимана-Пашу, — когда послѣдний нарушилъ клятву и казнилъ въ Бѣлградѣ, въ 1814 г., около 300 сербовъ. Милошъ боялся, что турки изведутъ и его самого. Обдумывая планъ возстанія, онъ бѣжалъ изъ Бѣлграда «въ деревню Цернузтю, посреди Рудницкаго хребта горъ, гдѣ въ одной неиступленной долинѣ на крутизѣ горы построилъ себѣ домъ и нѣкоторыя хозяйственныя заведенія» (стр. 33). «По причинѣ же новыхъ со стороны турокъ насилий и изъ опасенія подвергнуться ихъ мученіямъ, скрылись въ сіе жилище Милоша Мутафъ, Симонъ Пастрамадъ и Благой изъ Кипла... равно какъ и многие другіе Момаки, опасавшіеся, что турки лишатъ ихъ жизни» (стр. 33). Забѣгая впередъ, скажу, что эта деревня Цернузтѧ, въ горной долинѣ, и есть, должно быть, упомянутое въ пѣснѣ Пушкина «Великое ущелье», — гдѣ «гроза готовится на турокъ», гдѣ «дружину свою собираетъ старый сербинъ, воевода Милошъ».

Третья строка пѣсни Пушкина, очевидно, намекаетъ, глависѣ и скорѣе всего, на названное дѣло въ Бѣлградѣ, въ 1814 году. У Караджича Пушкинъ могъ прочесть сказанное¹⁾: «По при-

1) Стр. 25—6. Терминъ «янычары», употребленій Пушкинымъ, см., напр. на стр. X у Караджича.

бытии Кегая-Паши въ Ягодину, явился къ нему простой народъ съ жизненными припасами; а затѣмъ вѣльть онъ, подобно тому, какъ въ Чачакѣ и Крагосвацѣ, ловить всѣхъ мнѣмыхъ зачинщиковъ возмущенія и другихъ знатныхъ людей и заковывать ихъ въ кандалы. Спустя нѣсколько дней, выступилъ онъ съ войсками своими и привелъ всѣхъ сихъ пленниковъ въ цѣлахъ, въ Бѣлградъ. Когда же возмущеніе совершенно прекратилось и народъ успокоился, то пленники сіи, числомъ сто пятнадцать человѣкъ, выведены были 17 декабря 1814 г. за городъ,—и всѣмъ имъ предъ четырьмя городскими воротами отсѣчены были головы, и головами ихъ украшены стѣны Бѣлграда. Игуменъ же Терновскій, купилъ съ тридцатью шестью другими, которые въ разныхъ мѣстахъ были погибши, живые посажены были на колыа. Такимъ образомъ погибли въ семь возмущеніи какъ сіи сто пятнадцать человѣкъ, которыми Солиманъ-Пашею въ Бѣлградѣ отсѣчены головы или которые посажены на колы, такъ и подобное же число другимъ образомъ схваченныхъ и умерщвленныхъ, всего же около трехъ сотъ человѣкъ лучшихъ и отличнейшихъ людей; а около пятидесяти человѣкъ попало въ неволю».

Бунтъ Милоша начался, фактически, съ его выступленія въ Таково. Въ книжѣ Караджича объ этомъ разсказывается на стр. 39—41, при чёмъ въ экземпляре, имѣющемся въ библіотекѣ Пушкина, здесь, между 38—39 стр., сохранилась, какъ разъ, бумажная закладка.

Приведу это мѣсто цѣлкомъ, — такъ какъ оно, вѣроятно, и было главнымъ руководящимъ источникомъ пѣсни Пушкина: «Милошъ прибылъ въ недѣльѣ Ваи рано по утру въ Таково, созвавъ тамъ передъ церковью народъ и началь публично совѣтствоваться съ нимъ и со старѣшинами о томъ, что имъ подлежитъ дѣлать. Все собраніе было того мнѣнія, что борьбы съ турками избѣгнуть нельзѧ, и что должно съ ними сражаться дотолѣ, пока они истреблены будуть. Удивительнѣе всего при семъ случаѣ было то, что даже старцы, которые въ прежнія времена всегда гнушались всякаго возстанія и отъ сего отврашали другихъ,

ныне сами на онѣ согласились и кричали, что ить иного способа къ спасенію¹⁾), и что надлежитъ сражаться съ Турками и обороняться противъ нихъ. Всѣ они начали въ одинъ гомъ кричать и просить Милоша, чтобы онъ принялъ верховное надъ ними начальство и ихъ не оставлялъ. Па сіе Милошъ имъ отвѣтствовалъ, что онъ согласенъ принять верховное надъ ними начальство, если они будутъ ему повиноваться и станутъ любить другъ друга, какъ братья, и прощать другъ другу причиненныя оскорблѣнія: на что всѣ и согласились. За сіи отпрашивался Милошъ со старымъ своимъ и нынѣ вновь за имъ послѣдовавшимъ. Момакомъ и Цернузти. Тамъ, послѣ продолжительнаго размѣшанія и совѣтованія, вошелъ онъ во внутренній свой покой, надѣлъ Воеводскую свою одежду, преоялся въ броню серебряную и въ такомъ уборѣ вышелъ къ Момакамъ, держа въ рукахъ Воеводское знамя, которое дотолѣ было гдѣ-то скрыто я которое онъ отдалъ Симону Пастрамцу, сказавъ притомъ: «се я, и сіи объявлю войну противу Турокъ». Всѣ предстоявшіе, увидѣвъ Милоша въ семь нарядѣ, встрепетали отъ восторга... ибо каждый мыслилъ про себѣ: «и нѣ дѣйствительно наступила война, и онъ съ нами согласенъ». Пастрамацъ водрузилъ въ землю принятое имъ изъ рукъ Милоша знамя, и подъ онимъ начали собираться воины. Милошъ же возвратился въ свой покой и, сѣвъ съ писцами, велѣлъ писать повсюду окружныя грамоты, чтобы всѣ, отъ мала до велика, принялись за оружіе и нападали на Турокъ, гдѣ только узрятъ кончикъ зеленаго сукна... Но сему возванію возстать весь народъ, началь собирати, скрытое въ нихъ и дуллахъ оружіе и имъ спою опознаться».

Вѣроятно, этимъ мѣстомъ, повторяю, и руководился, главнымъ образомъ, Пушкинъ, когда писать свою пѣсню. Конецъ пѣсни,

1) Ср. «Сюю Пушкина:

Старки даже съ нами согласны:
Унимать нась они перестали —
Ужъ, и имъ нестерпимо насыти».

по смыслу, вполне соответствует концу этого места, — где говорится о сборѣ сербскихъ воиновъ:

Вы бросайте ваши бледные думы,
Уходите въ Велікое ущелье —
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый сербъ, воевода Милошъ.

Беру изъ книги Караджича еще одно мѣсто, которое считаю текстуально близкимъ къ нѣсколькомъ строкамъ первой части пѣсни¹⁾ (стр. X): «...присоединились и другіе бунтовщики изъ Янычаръ и начали производить въ Сербіи неслыханные злодѣянія; женъ и дѣтей побрали къ себѣ, мужей и отцевъ ихъ вѣшли, сажали на колъ и умерицвляли безъ суда и безъ вины, заставляли молодыхъ лѣвицъ производить всякихъ пеблагонристическихъ пляски и пр., и пр.». У Пушкина читаемъ:

Надихъ женъ обнажаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ девокъ заставляютъ въ пасмушки
Роетъвать зазорный ямы
И плоскать бусурманскія пляски.

Я считаю вторую половину пѣсни Пушкина, во многомъ, повторениемъ первой половины, — нового здѣсь только указаніе на Велікое ущелье, въ укоризнѣ же гусляровъ слышится тѣ же рѣчи о бѣдственномъ положеніи сербовъ²⁾:

1) Рѣчь здѣсь идетъ о поэзияхъ 1804 г.

2) Германъ «гусляръ» употребленъ Пушкинымъ, приѣхъ ли не изъ подразданія Мѣримѣ или во всякомъ случаѣ изъ однаковою, какъ и у того, смыслѣ. Въ книгѣ Мѣримѣ «La Guzla, ou choix de poésies Illustriées», Paris, 1827, читаемъ (стр. X): «La plupart sont des vieillards fort pauvres, souvent en guenilles, qui courent les villes et les villages en chantant des romances et s'accompagnant avec une espèce de guitare, nommée guzla, qui n'a qu'une seule corde faite de crin». Во II ч. изданнаго собрания Герхарда, ч. иѣнѣ: «Die beiden Sänger (изъ Ка-пина) изображаются слѣдующее изображеніе гусляра:

Seit du letztes Jahr durch Kotor zogest,
Mit dir trugest die alhorne Gussle,
Heldenlieder zu der Gussle sangest.
Manche lobtest, andre nicht erwähnest.

Гусляры наше въ глаза укоряютъ:
Долго ли памъ миролить янычарамъ?
Долго ли памъ терпѣть эмирумъ?
Или вы ужъ не сербы — цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?

Эти строки, повторяя, въ общемъ, содержаніе первой половины пѣсни, не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго и, потому, могли быть написаны Пушкинъмъ независимо отъ какого-либо источника. Исключение представляетъ только строка: «Или вы ужъ не сербы — цыганы», въ которой чувствуется что-то реальное и, именно, характерное³⁾. Но такое сопоставленіе съ цыганами могъ Пушкинъ дать на основаніи Киприановскихъ рассказовъ о дѣйствіяхъ сербовъ.

Итакъ, первая часть пѣсни Пушкина написана, по моему мнѣнію, на основаніи указаннаго мѣстъ книги Караджича; строки же о бѣдствіяхъ сербовъ во второй части я считаю композиціей самого поэта.

Впрочемъ, необходимо сдѣлать одну оговорку. Хотя большинство стиховъ близки, такимъ образомъ, къ опредѣленному книжному источнику, тѣмъ не менѣе, вся вообще картина бѣдствій Сербіи, изображенная въ пѣснѣ, представляется собой, по содержанію, какъ бы общее мѣсто темъ такого рода²⁾.

1) См. указанную статью А. Н. Яцмірскаго, стр. 399.

2) Въ книгѣ Караджича Пушкаря могъ читать, напримѣръ, еще такое описание (стр. 28—9): «Въ салѣтвіе тѣхъ распоряженій разсыпалась Турки между народомъ и стали посредствомъ жесточайшихъ насилий и варварскихъ мученій отбирать, отыскивать и исторгивать оргікіе и аршинную одежду. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Гербіца... схватили они одного жителя, привязали его къ жерди и жгли живого у огня,—дабы принудить его сказать, где скрыты серебряный красть, привязывавшій спереди для украшеній, и пистолеты, которые, по мнѣнію ихъ, должны были у него находиться. На женщинъ нахваливали они мужскія исподніца и били ихъ по пятамъ; мужчины и женщины надѣвали на голову наполненные золотомъ коробы, якъ которыхъ ударили потомъ снизу рукой, дабы наполнить золото ртуть и посыпать имъ; некоторые изъ нихъ они за руки и за ноги животомъ вилзъ, и накладывали имъ на спину камни. Все сие суть только примѣры мученій, неслыханныхъ, во времена нашихъ изъ Европы, не говоря уже

Здесь, напримеръ, находится много параллелей образамъ народныхъ сербскихъ пѣсень на ту же тему; и вновь возможно, что Пушкинъ, создавалъ въ 1833 г. эту пѣсню, вспоминая и кое-какія изъ народныхъ, слышанныхъ имъ въ Бессарабії¹⁾. Этимъ объясняется, между прочимъ, замѣчательно удачный эпитетъ «старый сербінъ», прымѣненный Пушкинымъ къ имени Милоша; онъ употребленъ здѣсь именно въ народно-эпическомъ смыслѣ, такъ какъ Милошу въ 1815 г. было, на самомъ дѣлѣ, только 35 лѣтъ²⁾.

Остановлюсь еще на географическомъ терминѣ «Велійское ущелье». П. А. Лавровъ правъ, недоумѣвая, откуда могъ взять Пушкинъ такое имя, ибо «нигдѣ не упоминается Велійское ущелье при разсказѣ о восстаніи Милоша»³⁾. А. И. Яцмірскаго видѣть⁴⁾ здѣсь искашеніе имени Валево; это — мѣстечко, въ которомъ турки ожидали восстанія войска Милоша и которое 14—16-го мая было взято однимъ изъ сербскихъ воеводъ⁵⁾. Но съ такимъ ука-

о другихъ, какъ то, что одному человѣку давали по двѣстѣ ударовъ палками, разбивали ему носы бабою, которою бояты были и т. д. Если же не могли найти причины умериковать кого-либо публично, то убивали его жайѣ, какъ напримѣръ, когда кто искъ либо для приданія иль городъ, или когда заставали гдѣ кого-либо единога». См. также сербскій текстъ въ названиемъ изданіи 1828 г., стр. 68 и сл.

3) Указанію, напримѣръ, на обсюю, иллюстрирующую въ IV г. Собрание пѣсень Караджича, Београд, 1896, № 25, подъ заглавіемъ «Лонетак буне присто дахија» (изъ Црне горе), тѣ которой начело и конецъ многими напоминаются подробности пѣсни Пушкина. Интересна пѣсня о бѣдствіи Сербіи въ 1812 г., послѣ бѣгства Карагеоргія, напечатанная въ книжѣ «Карађорђе у говору и у твору». Среди М. Милутиновића, Београд, 1904, 112.

2) Онъ родился въ 1780 г.

3) Названія статья, стр. 103.

4) Названія статья, стр. 399.

5) См. М. Вукіћевић, «Историја српскога народа», Београд, 1906, II, 95—96. Въ книжѣ Караджича, изданіе 1828 г., разсказывается иначе, 88: «Кад Турци поизаду, да је Милош дошао, па још съ тоносима, они се попадаше, па се ону исту ногу дигну, те побегну въ Валево. Оказавши Срби да у Турци утекли, склони скоче на копче, те ји потерају донекле, но Милош остане одмарашуји се и говориши: «Којигод сам од мене бежи, срећан му ћут! ја му не смстам; него да се мокномъ Бену, не би ли и они осташа сви (Турци) побегли између насъ. См. также разсказъ «На Валеву» въ книжѣ Милутиновића «Књеа Милош у

замѣчу едва ли можно согласиться, зная, какъ Пушкинъ былъ всегда остороженъ при использованіи историческими, географическими и другими фактами. Кроме того, операция у Валевы произошла послѣ факта восстанія Милоша, 14—16-го мая, между тѣмъ, какъ пѣсня Пушкина говоритъ о самомъ начальномъ моментѣ этого восстанія и, даже, о послѣднемъ времени передъ пѣснѣ¹⁾. Поэтому думаю, что «Велійское ущелье» играетъ у Пушкина ту роль, которая фактически принадлежала указанной выше деревнѣ Церквѣ. Въ силу такихъ соображеній я не могу согласиться съ мнѣніемъ А. И. Яцмірскаго и оставлю вопросъ о «Велійскомъ ущельѣ» открытымъ.

Вторая закладка въ Пушкинскомъ экземпляре книги Караджича находится между 80 и 81 страницами. На этихъ страницахъ говорится о переговорахъ между турками и Милошемъ относительно мира и упоминается, между прочими, Вуличъ Вуличеянъ, котораго Милошъ оставилъ въ стапѣ за себя. Вуличъ раньше думалъ бѣжать въ Карагеоргіемъ въ Бессарабію, но ему пришлось задержаться въ Сербіи. Не объ этомъ ли Вуличъ говорится Пушкинъ въ тѣхъ своихъ наброскахъ Ильи о Георгіи Черномъ, которые находятся на листѣ, найденномъ въ Майковской коллекціи Пушкинскихъ рукописей?²⁾.

Таковы въ изображеніи Пушкина эти два сербскихъ воеводы,— славѣ которыхъ соревнуются наилѣпшее сербское воіско, славно защищая, подъ трехцвѣтными знаменами, свои очаги и родную землю.

Николай Трубицкій.

Великіе Сорочинцы,
Полтавской губерніи.

причама», издание чучићеве задужбине, у Београду, 1891, 118—д. Бл. Glos-sariorumъ названія собрания Gerhardъ сказано обѣ этомъ мѣстѣ, на основаніи, очевидно, указаний Милутиновића: «Waljevo—Stadtchen in heutigen Serbien, in einem alten Thalgebiet na den Ufern der Kolubara gelegen und wegen einer faulen Quelle berühmt, die zum Baden und Trinken gebraucht wird».

1) Ср. у Пушкина: «тамъ гроза готовится на турокъ».

2) См. «Пушкинъ и его современники», вып. IV, 16.

Такъ ли оно характерно для лицейского периода, когда нерифмованные стихи такъ исключительно рѣдки у Пушкина, и когда, по свидѣтельству брата поэта, «Пушкинъ не постигалъ стиховъ не-рифмованыхъ»?¹⁾. Самъ г. Лернеръ приводить въ опроверженіе своего мнѣнія два хвалебныхъ отзыва — Алексѣева и Поликанова.

Но самое главное — это совпаденіе стиховъ не только по содержанию, но и по формѣ. Поэты повторили одну мысль, въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Такое «совпаденіе» при состязаніи невозможно. Н. Лернеръ приводить два примѣра состязаній, где поэтамъ давалась лишь общая тема («Роза», «Рыцарская баллада»), и на эту общую тему поэты давали, несомнѣнно, самостоятельную разработку. Здесь же «задача» была, очевидно, не только тема, но и ея разработка. Необходимо допустить, что поэты перелагали на стихи уже существовавший въ той или другой формѣ текстъ. Дѣйствительно — существуетъ такое французское стихотвореніе:

Tout est à moi, car je l'achète
Et le paie en deniers comptants
Disait l'or, éllevant la tête.
Tout bas, dit le for, je l'arrête;
Tout est à moi, car je le prends.

Это стихотвореніе находится въ одной изъ книгъ библиотеки Пушкина: «Anthologie Franquise», 1816 г. Составители этой Антологіи ярликальство Арио²⁾. Послѣдний, однако, опровергъ это

1) Ibid. t. I, стр. 474, Проявленіе П. О. Морозова къ стихотворенію: «Послушай, дѣдушка...», 1816 г.

2) Это стихотвореніе помѣщено въ Автологіи за подпись Агналь, въ то время, какъ авторъ «Листка» подписывался Агналь, но та же ороография имени Агналь подъ стихотвореніемъ «La Solitude» въ той же Автологіи, въ то время, какъ остальные стихи Арио подписаны правильно. Самъ Арио въ своихъ «Mémoires d'un Sexagénaire» пишетъ о различныхъ способахъ ороографировать его имя. Въ оглавлении Автологіи и «Золото и жемчуг», въ «единеніе» выдѣлены имена прочихъ стихотворений Агналь и присвоены Агналь имѣть съ одной эпиграммой abbé Fr. Agnaud (1721—1781, известный «Глюкстру»). Врядъ ли

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Источники стихотвореній: «Все мое — сказало злато» и «Глухой глухого звали».

Въ примѣчаніи къ стихотвореніямъ 1827 г.¹⁾ Н. Лернеръ сопоставляетъ стихотвореніе Пушкина «Все мое — сказало злато» со стихотвореніемъ А. Д. Илличевскаго изъ «Опытовъ въ антологическомъ родѣ», стр. 87, СХСШ: «Золото и жемчуг».

«Мое все! Золото кричало:
За что ни вздумаю, плачу». —
— Мое, жемчуг отвечало:
И граблю, что ни захочу.

Не допуская возможности случайного совпаденія, Н. Лернеръ высказываетъ слѣдующую догадку: «Извѣстно, что въ Лицѣ устраивались иногда если по поэтическія, то версимиаторскія состязанія: Весьма возможно, что оба товарища написали по четверостишию на одну и ту же тему, состязаясь между собой, — п четверостишие Пушкина такимъ образомъ относится къ лицейскому периоду, быть можетъ даже къ его первымъ годамъ. Для позднѣйшаго, «настоящаго» Пушкина оно какъ будто слишкомъ элементарно».

Гипотеза Н. Лернера весьма рискованна. Дѣйствительно — , такъ ли ужъ «элементарно» для 1827 г. это четверостишие?

1) См. соч. Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона, томъ IV, стр. XLIX.

въ своемъ собраниі сочиненій, гдѣ онъ пишетъ: «Еще одна басня была напечатана подъ моимъ именемъ въ некоторыхъ сборникахъ, но она еще меньше принадлежитъ мнѣ; это басня подъ заглавиемъ «Золото и жезло». Она превосходна. Въ настоящей книжѣ она не помещена, и это, мнѣ кажется, достаточно доказываетъ, что я не ея авторъ» (*Fables*, éd. 1825, p. 343).

Очевидно «Золото и жезло» Пушкина и Илличевского — переводы этой басни. Переводчики — независимы одинъ отъ другого. Илличевский переводить слово «fer» — «жезло», Пушкинъ — «булатъ». «Je le prends» у Илличевского «граблю», — а у Пушкина правильно — «возьму». Очевидно — переводы самостоительны. Въ общемъ Пушкинъ вольно обошелся съ оригиналомъ, чѣмъ Илличевской, и эта вольность характерна именно для «настоящаго», а не лицейского Пушкина.

Французская Антологія 1816 г., откуда Пушкинъ, вѣроятно, заимствовалъ этотъ текстъ, пользовалась извѣстностью въ Россіи. Она послужила образцомъ для «Опыта русской антологіи» М. Яковлева (1828 г.); во крайней мѣрѣ въ краткомъ Предисловіи составитель упоминаетъ только о классической греческой и французской антологіяхъ, при чёмъ про постѣднюю пишетъ: «Французская Антологія, изданная въ Парижѣ въ 1816 году, состоитъ изъ однихъ мѣлкихъ стихотвореній, какъ оригиналъныхъ, такъ и переведенныхъ съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и другихъ языковъ». Несомнѣнно ее имѣть въ виду Илличевский, когда пишалъ въ Предисловіи къ «Опытамъ въ антологическомъ родѣ»

«Золото и Жезло» принадлежитъ этому постѣднему. Abѣt Arnaud прибѣзжалъ къ стихотворной феѣ рѣдко, близкии частими же были споры съ Мармонтелемъ. Въ его «*Œuvres complètes*» (Paris, 1808) стихи не вошли. Есть еще одинъ поэти съ похожими именами — Basile d'Arnaud (1718—1805). Нѣкоторые стихи его за подписью d'Arnaud помышлены въ Антологіи 1816 г. Его стихи пользовались печальною репутацией, да и самъ онъ былъ не высокаго о нихъ мнѣнія. Большой извѣстностьюользовались его романы, но пѣ съ особой славы ему не доставили. Про него вспоминаетъ Пушкинъ въ статьѣ «Мѣбле-Лобанова...», гдѣ пишетъ, что взглѣдъ современныхъ романистовъ на человѣческую природу «такъ же будетъ смѣющій и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арио и г-жи Котенъ».

(1827) слѣдующее: «Впрочемъ, петчинко, коими отъ (сочинитель) пользовался, известны: изъ нихъ почерпали всѣ, писавшіе въ семъ родѣ, не исключая и лучшихъ стихотворцевъ; ибо оригиналъыхъ мѣлкихъ стихотвореній въ нашей словесности еще не много, тогда какъ иноzemныя, и въ особенности Французскага, изобилуютъ ими безъ всякаго сравненія съ нашимъ» (стр. VI—VII). Сашъ Илличевскій широко пользовался этой Антологіей — на целую третью его «Опыты» состоять изъ переводовъ стихотвореній, находящихся въ этой книжѣ (около 95 изъ 270). Оттуда же имъ заимствовано и странное дѣленіе стиховъ на роды. Вѣроятно, изъ этой же Антологіи перевелъ и несколько стихотвореній В. Л. Пушкинъ. Заимствованіе французскихъ оригиналъвъ какъ Илличевскимъ, такъ и В. Л. Пушкинымъ имѣло изъ Антологіи 1816 г. доказываются хотя бы тѣмъ, что они переводили стихи съ тѣхъ сокращеннѣй и измѣненнѣй редакцій, въ которыхъ стихи эти печатались въ Антологіи. Напр., стихи Илличевскаго «На смерть пастушки» (*«Опыты»*, стр. 75) и стихи В. Л. Пушкина «Ца кончину ***» (*«Московскій Телеграфъ»* 1827 г., ч. XIV, см. собр. соч. В. Л. Пушкина, изд. «Сѣверъ», стр. 103) представляютъ переводъ стихотворенія Demoustier *«Sur la mort d'une jeune fille»*, которое въ Антологіи 1816 г. насчитываетъ 12 строкъ. Эти 3 четверостишия являются лишь извлечениемъ изъ стихотворенія Demoustier *«Sur la mort d'une jeune fille de la compagnie»*, насчитывающаго 44 стиха (см. *«Almanach des Muses pour l'an XI (1803)»*, p. 31).

Появленіе въ 1826—27 гг. среди стиховъ Пушкина перевода такого «антологического» или «альманахнаго» стихотворенія не должно удивлять. Къ французской антологической новинѣ (*«poésie fugitive»*) Пушкинъ иногда возвращался и въ зрѣломъ возрастѣ. Извѣстно, что имъ переведено изъ Arnault *«La Solitude»*; затѣмъ, эпиграмма на Надеждину «Мальчишка Фебу гимнъ поднести» заимствована изъ эпиграммы Pons de Verdun, а шутка «Глухой глухого звать...» — подражаніе такой же антологической шутки Pellisson'a, на что указалъ еще Авенсьонъ въ 1855 г.

Французский текстъ послѣдней щутки, долго остававшійся неизвѣстнымъ, опубликованъ былъ Н. Лернеромъ въ «Русской Старинѣ» (декабрь 1911 г., стр. 654—657).

Вотъ этотъ текстъ:

EPIGRAMME.

Un sourd fit un sourd ajourner
Devant un sourd en un village,
Et puis s'en vint haut entonner
Qu'il avait volé son fromage.
L'autre répond du labourage:
Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage
Et les renvoya sans dépens¹⁾.

Стихотвореніе Пелліссона, какъ сообщаетъ издатель сочиненій его, заимствовано съ латинскаго; оригиналъ его написалъ Janus Secundus (Jan Everserts), бельгійскій неолатинскій поэтъ, авторъ извѣстнаго сборника «Basia» (1511—1536).

Вотъ латинскій текстъ этого стихотворенія, также воспроизведеній Н. Лернеромъ.

SURDUM JUDICIUM.

Cum surdo his est surdo, sub judice surdo,
Ut similem simili jungit ubique Deus.
Hie petit pretium pro mensis quinque locatis
Edibus, hic noctu se moluisse refert.
His iudex: an non ex aequo mater ubique est?
Quid porro restat? tollite uterque simul.

Кромѣ того, Н. Лернеръ приводитъ русскій переводъ древнегреческой антологической эпиграммы, доказывающей, что и Janus Secundus является синь таки только переводчикомъ (притомъ чрезвычайно близкимъ къ греческому тексту, съ которымъ его эпиграмма совпадаетъ почти дословно). Г. Лернеръ, осно-

1) *Oeuvres diverses de Monsieur Pellisson de l'Académie Française, MDCCXXXV*
T. I, p. 216.

вываясь на томъ, что Пушкинъ называетъ свою эпиграмму «старинной», «предполагаетъ, что Пушкинъ, быть можетъ, зналъ не древній подлинникъ, а пьесу нового латинскаго стихотворца¹⁾».

Трудно утверждать,—ведь ли Пушкинъ сочинилъ Пелліссона, или нетъ, ноѣроятнѣе предположить, что его эпиграмму оль зналъ не по тексту, цитируемому г. Лернеромъ, а во тексту «Anthologie Française», где приведена эта эпиграмма. Текстъ Антологіи отличается отъ вышеприведшаго и подпись имъ имемъ Saint-Gelais²⁾ (1491—1558). Вотъ текстъ Антологіи:

Les trois sourds.

Un sourd fit un sourd assigner
Devant un sourd dans un village,
Puis s'en vint son droit entonner;
La demande était d'un fromage:
L'autre répond du labourage;
Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage
Et les renvoya sans dépens.

(T. I, p. 40).

Вѣроятно, Пушкинъ довѣрился составителю Антологіи, почему и назвать эту эпиграмму «старинной»³⁾, считая ея авторомъ

1) Г. Лернеръ пишетъ этого родичающагося въ Голландіи и умершаго во Фландріи, именуетъ почему то на французскій мадъ — Jean Second. При этомъ онъ считаетъ нужнымъ упомянуть, что сынъ его перенесъ Мирабо. Предпочтение, отданное г. Лернеромъ юношескимъ опытамъ знаменитаго оратора передъ прочими французскими поэтами, неновато. Вѣдь иѣную литературу бурно выволыни подражанія «Понѣмъ» Dorat; эти подражанія вызвали про-записки, разоблачившій поэта, точный переводъ Montonnet de Clairtons. Всобщее одобрение заслужилъ переводъ Tibaut, пожелавшаго дать точный стихотворный переводъ «Понѣмъ». Переводили также «Понѣмъ» Simon и Логинъ.

2) Что, безусловно, липшо основанія. Въ собрани сочиненій Saint-Gelais, написанномъ Prosperомъ Вланшемайнемъ въ 1873 г. (*Oeuvres complètes de Melin de Saint-Gelais*), весьма авторитетномъ и полномъ, этого стихотворенія нѣтъ, такъ что не слѣдуетъ предполагать, что Pellisson это занималось у предшественника.

3) Впрочемъ, это слово нельзя считать неприменимымъ къ Пелліссону. Пушкина отдѣляло отъ Пелліссона ровно столько же лѣтъ, сколько есть отдѣлять отъ Кантемира.

современника Magot. Текстъ Антологіи встрѣчается и въ другихъ сборникахъ. Напр., это стихотвореніе безъ подписи помѣщено въ «Nouvelle Bibliothèque de ville et de campagne» (Genève. 1788, Poésies diverses, T. II, p. 262).

Не трудно понять, почему, несмотря на указание Анищенкова, текстъ шутки Пеллиссона оставался неизвѣстнымъ. Не трудно также понять, почему стихи Пеллиссона печатались безъ его подписи. Paul Pellisson-Fontanier (1624—1693), весьма почтенный писатель (имя его упоминается въ любой исторіи французской литературы), былъ мало извѣстенъ, какъ поэтъ. Преданный другъ Фуке, онъ былъ министромъ Людовика XIV, не оставилъ и друга и въ несчастіи и поплатившійся за написанныя въ защиту Фуке Записки пятью годами Бастиліи, герой общизвѣстной, трогательной исторіи о прирученнѣ въ темницѣ наукѣ, авторъ часто цитируемой «Исторіи Академіи», — Пеллиссонъ въ позднѣйшее время былъ непредставимъ въ роли поэта. А между тѣмъ, онъ былъ недурнымъ поэтомъ. По онъ принадлежалъ къ числу «régisœux», даже носилъ «пресъёзное» имя (Hermelinus), словомъ слишкомъ былъ замѣшанъ въ той поэтической сектѣ, которую Буало отлучилъ отъ своего Париасса, — и въ XVIII вѣкѣ его забыли, какъ поэта. Не только шутка о глухихъ, но и другія стихотворенія печатались или анонимно, или за чужой подписью. Такъ, стихотвореніе «Прокожий и Горлица», переведенное Дмитревымъ (и болѣе вольно гравюрою Хвостовыимъ), принадлежитъ Пеллиссону. Межъ тѣмъ, въ «L'utile et agréable Almanach amisanit» 1774 г. это стихотвореніе, судя по примѣчанию въ собраниі сочиненій Дмитрева подъ ред. Флоридова, помѣщено анонимно; въ пазванной выше «Nouvelle Bibliothèque» 1788 г. оно напечатано за подпись Fourcroy, а въ «Anthologie Française» 1816 г.— за подпись Louis le Laboureur¹⁾.

1) Впрочемъ, долженъ говориться: некоторые стихи Pellisson'a помѣщались за его подписью и въ позднѣйшее время. Имеются они и въ «Anthologie Française».

Именно этимъ забвенiemъ о Пеллиссонѣ, какъ о поэте, и слѣдуетъ объяснить то, что въ его произведеніяхъ не находили, да, очевидно, и не слишкомъ сильно искали подлинникъ Пушкинскихъ «Глухихъ». Этими же и объясняется, что одинъ изъ комментаторовъ рискнулъ подставить вместо имени Pellisson¹⁾ созвучное имя Palissot (1730—1814), автора если не единственной, то во всякомъ случаѣ самой значительной литературно-сатирической поэмы XVIII вѣка «La Dunciade». Подстановка эта оказалась неудачной, по непонятна та убийственная ironia, съ которой г. Лернеръ о ней пишетъ, и еще менее понятенъ эпитетъ «фантастичный», которымъ онъ сопровождаетъ имя Палиссо,— имя во всякомъ случаѣ не безызвѣстное въ литературѣ²⁾.

Общепринятый текстъ «Глухихъ» врядъ ли слѣдуетъ считать правильнымъ. Въ тетради Румянцевскаго Музея № 2387 это стихотвореніе читается такъ³⁾:

Глухой глухаго звать къ суду суды глухова
[Вотъ имъ] [Украдена] Глухой лъ [украдена]
[Вчера], [онъ] [крича[ть]] мои [моя] корова
шигъ сведеніа
возопилъ
Помилуй [закричалъ] глухой тому въ отвѣтъ
Сей поступью владѣть еще покойный дѣдъ
жъ
Суды [рѣшилъ]: почто [ти] звать братъ на брата
[Не⁴ тогъ и не другой⁵, а⁶]
[Вы правы, лишь одна тутъ] дѣвка виновата
дѣтина правъ кругомъ

1) Или по другой орографіи Pélisson. Эта орографія встречается подъ портретомъ Пеллиссона, гравированнымъ Эделинкомъ.

2) См. «Путешествие въ замокъ Сирей» Батюшкова, тѣкъ цитируется «Пеллиссонъ».

3) То что въ прямыхъ скобкахъ [], то замѣкнуто; то, что отмѣчено извѣздочкой *, то восстановлено, начиная съ открывающей скобки [, или, если извѣздочка постѣ скобокъ, то восстановлено все, помѣщенное въ скобкахъ. Извѣздочка постѣ скобокъ, то восстановлено все, помѣщенное въ скобкахъ. Курсивомъ здесь набрано написанное другимъ чернилами, нежели все стихотвореніе.

4) Передѣлано, изрѣятно, изт. «И».

разврата
Чтобъ не было
Судья рѣшилъ. [Терпѣть не мѣз]
[разврата]
е молодца
Единицъса]¹) [жъ] хотѣ дѣвка виновата

Набранное курсивомъ — написано, вѣроятно, позднѣе — иными чернилами. Это и слѣдуетъ считать окончательнымъ вариантомъ двухъ заключительныхъ строкъ, которые и слѣдуетъ печатать:

*Судья рѣшилъ: чтобъ не было разврата,
Жените молодца, хотѣ дѣвка виновата.*

Присутствіе одного 5-ти стопнаго стиха среди 6-ти стопныхъ не можетъ порочить этой редакціи. Да и въ принятой редакціи почему то избираютъ въ послѣдней строкѣ надписаныя, зачеркнутыя и затѣмъ восстановленыя слова — «Ни толь и не другой», хотя ниже читаемъ не зачеркнутый вариантъ «Дѣтина правъ кругомъ»²⁾.

II.

Объ эпиграммѣ «Скажи, что новаго».

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г. помѣщена эпиграмма Пушкина «Любопытный»: «Что жъ новаго? — Ей Богу, ни-чего! и т. д. Это — одна изъ сравнительно немногихъ пробъ Пуш-

1) Это слово имѣеть внутри какія-то исправленія, такъ что буква сиа написана на мѣстѣ другой, зачеркнутой (что то вредѣ «то») и плохо разборчива.

2) Варочскъ замѣчу, что слово «азъ» восстановлено независимо отъ восстановленія «Не толь и не другой». Послѣдовательность вариантовъ, слѣдовательно, такова: сперва — «Вы правы, лишь одна туть дѣвка виновата», затѣмъ «Ни толь и не другой, а дѣвка виновата», затѣмъ «Дѣтина правъ кругомъ, я дѣвка виновата», и наконецъ Пушкинъ возвращается, не зачеркнувъ послѣднаго варианта, къ формѣ «Ии толь и не другой...». Но ни одно изъ этихъ окончаний его не удовлетворяетъ, и ойтѣ пишетъ нановъ поющающее эдѣсь окончаніе.

кина въ области краткой эпиграмматической сказки въ духѣ J.-B. Rousseau и его русскаго истолкователя князя П. А. Вяземскаго (особенно въ духѣ «Черты мѣстности» и «Чистосердечнаго отвѣта», помѣщенныхъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г.: см. письмо Шушикова князю Вяземскому отъ февраля 1825 г.). На это указываетъ размѣръ стихотворенія — пятистопный ямбъ, — метръ, играющій совершенно особую роль въ эпиграммахъ Пушкина.

Сюжетъ для этой «сказки эпиграмматической» Пушкинъ взялъ изъ собственной лицейской эпиграммы 1816 г.: «Скажи, что новаго».

Но и лицейскую эпиграмму слѣдуетъ признать не оригинальной. Объ этомъ свидѣтельствуетъ существованіе слѣдующей эпиграммы графа Д. И. Хвостова 1806 г.:

Целья о новости стерпѣть твоихъ мифъ врагъ.
Узнай въ моемъ отвѣтѣ,
Что нового нѣть ничего на свѣтѣ,
Но новое и то, что ты дуракъ.

(Собр. сочиненій, томъ VII, № 115).

Общая мысль различно разработана поэтами. Графъ Хвостовъ, объектъ ее въ форму обычнаго эпиграмматического обращенія. Пушкинъ, и въ 1816, и въ 1828 г. избралъ форму діалога — излюбленную форму французскихъ эпиграмматистовъ конца XVIII в. (François de Neufchâteau, Pons de Verdun и др.). Это различіе заставляетъ предположить, что здесь мы имѣемъ дѣло не съ переводами одного оригинала. Вѣрѣй — эпиграмма Пушкина является простой реминисценціей Хвостовскаго четверостишія.

Лицейская эпиграмма Пушкина печатается типографски не исправно. Пушкинъ строго соблюдалъ слѣдующее правило французскихъ поэтовъ: стихи равностопные писались *оъ колонку*, но стихи разностопные никогда въ колонку не висались и болѣе короткіе писались отступя немного вправо. Это, на первый взглядъ не существенное правило, на самомъ дѣлѣ весьма важно уже по

одному тому, что французы же *меряли* отъ него отступлений. Я думаю, что все бы отнеслись отрицательно къ изданию стихотворений Пушкина, гдѣ послѣднія были бы воспроизведены въ видѣ сплошныхъ прозаическихъ строкъ, безъ дѣленія на стихи. Если же издатели считаютъ нужнымъ сохранять зрительную форму стиховъ, то должны воспроизводить ее съ соблюденіемъ всѣхъ существовавшихъ на то правилъ¹⁾. Соблюденіе этого правила, пребывающаго нынѣ, къ сожалѣнію, въ забвѣніи, дастъ возможность отличать правильные, сознательно разностопные стихи, имѣющіе французское происхожденіе, отъ тѣхъ вольно-разностопныхъ, симѣвшіхъ стиховъ, которые явились къ намъ изъ Германии (напр., «Перчатка» Шиллера въ переводѣ Жуковскаго) и которые печатались въ одну колонку. Интересующая часть эпиграммы должна печататься такъ:

Скажи, что нового, ии слова
Не знаешь ли гдѣ, какъ и кто
О братець, отважись — я знаю только то
Что ты дуракъ... но это ужъ не ново.

Такъ она написана къ рукописи, симѣюсь которой помѣщена въ собраніи сочинений Пушкина изд. Брокгауз-Ефрона, томъ I, стр. 377. Мы могутъ возразить, что первая строка начинается лѣвѣе второй. Но происхожденіе этой неправильности таково. Первоначально первыя двѣ строки были написаны такъ:

Что нового, сей ей ии слова
Не знаешь ли гдѣ, какъ и кто

Затѣмъ слово «сей ей» было вычеркнуто и сѣда приписано «Скажи», благодаря чему слово «что» оказалось написаннымъ съ большой буквы и помѣщеннымъ въ одну колонку со вторымъ

1) Слѣдуетъ оговориться, что въ большинствѣ случаевъ въ изданіяхъ сочинений Пушкина это правило соблюдено, особенно, если изданія исходятъ изъ современного Пушкину печатного текста. Но при воспроизведеніи стиховъ, напечатанныхъ лишь въ рукописи, правило этикъ часто пренебрегаютъ.

стихомъ. Именно изъ этой первоначальной редакціи Пушкинъ исходитъ при передѣлкѣ эпиграммы въ 1828 г.

Этотъ способъ воспроизведенія даетъ возможность судить, *какие стихи Пушкинъ считал равностопными*. Отсюда мы сумѣемъ пайти ошибки Пушкина въ счетѣ стопъ. Ритмическая ошибки немаловажны при изученіи ритма стиховъ поэта. Особенно интересны случаи сбоянія пяти и шестистопного ямба, наблюдаемые у всѣхъ поэтовъ и подчиненные иѣкоторой закономѣрности.

Какъ разъ въ настоящей эпиграммѣ мы имѣемъ такой случай. Третій и четвертый стихъ написаны въ колонку — ихъ Пушкинъ считаетъ, очевидно, равностопными. Между тѣмъ, въ 3-мъ стихѣ шесть стопъ, а въ четвертомъ только пять. Этую характерную ритмическую ошибку невозможно замѣтить при современномъ способѣ воспроизведенія стиховъ, когда всѣ 4 стиха печатаются въ одну колонку.

III.

О куплетѣ Трике.

Какъ истинный французъ, ии карманѣ
Трике припѣзъ куплетъ Татьянѣ
На голось, знаемый дѣтьми:
Reveillez-vous, belle enfantie.

Упоминаемая здѣсь пѣсенка — одно изъ популярнейшихъ произведеній Dufresny (1648—1724), драматурга и автора иѣсколькоихъ известныхъ въ свое время романсовъ и куплетовъ¹⁾.

1) Изъ его романсовъ иѣкоторые переведены на русский языкъ. Такъ В. Л. Пушкинъ перенесъ «Le Contrat» (Par-devant le dieu de Cyb  re) подъ названіемъ «Договоръ съ Нисою» (безъ окличностей и безъ приказныхъ словъ). Графъ Д. И. Хвостовъ перевелъ пѣсенку «Вчера, смотря быстро на рѣчку» (оригиналъ иѣтъ неизвѣстенъ). Въ Антологіи, составленной І. М. Брюсовой, «Французская лирика XVIII в.», данъ переводъ И. Сухотина стихотворенія Dufresny «Les lendemains», во приписанъ Грекуру. Это послѣднее стихотвореніе переведено также И. Бахтина («Четыре степени любви») и Вл. Озерова («Разсчитывала Пастушка»).

Пѣсенка, о которой пишетъ Пушкинъ, распѣвалась на слѣдующія слова:

Réveillez-vous, belle endormie.
Si ce baiser vous fait plaisir,
Dormez profondément, ma mie,
Dormez, ou feignez de dormir.
Craignez que je ne vous réveille,
Favorisez ma trahison.
Vous soupirerez, votre cœur veille,
Laissez dormir votre raison.
Pendant que la raison sommeille,
On aime sans y consentir,
Pourvu qu'amour ne nous réveille,
Qu'autant qu'il faut pour le sentir.
Si je vous apparaiss en songe
Profitez d'une douce erreur,
Goûtez le plaisir du mensonge
Si la vérité vous fait peur¹⁾.

Въ этой редакціи пѣсня распѣвалась на протяженіи всего XVIII вѣка, а какъ показываютъ стихи Пушкина, и въ началѣ XIX. Много пѣсенокъ сочинялось «sur l'air: Réveillez-vous, belle endormie», какъ это принято было писать въ заголовкахъ этихъ пѣсень²⁾. Очевидно про одну изъ такихъ пѣсенокъ Пушкинъ пишетъ далѣе:

Межъ всѣхъ пѣсень альманаха
Быть напечатанъ сей куплетъ;
Трикѣ догадливый поэтъ,
Его на сѣть явилъ изъ праха,

1) Тема этого стихотворенія не разъ разрабатывалась во французской поэзіи до Dufresny. Такъ, близокъ этому роману по содержанию сонетъ Ronsard'a «Marie, levez-vous, vous êtes paresseuse», — и особенно сонетъ G. Colletet (1598—1659) «La belle endormie» — «Mignonne, levez-vous, déjà la belle Automne»...

2) Одной изъ наиболѣе раннихъ извѣстныхъ мѣт пѣсенокъ съ такимъ подзаголовкомъ является пѣсенка Hamilton'a (1616—1720) — «Chanson pour Madame de Matignon». Это — тотъ самыи Hamilton, про котораго Пушкинъ пишетъ въ «Запискахъ Моро де Бразе» (1836—37 гг.) и раньше — «Къ сестрѣ» 1814 г. См. примѣчаніе къ послѣднему стихотворенію въ изд. соч. Пушкина Брокгауза.

И симѣло — вы keto belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

Трудно сказать — имѣть ли здѣсь Пушкинъ въ виду какую-нибудь опредѣленную пѣсенку, или же такой пѣсенки на этотъ мотивъ, где бы говорилось о belle Nina, и вовсе не существуетъ. Послѣднее предположеніе мнѣ кажется вѣрѣе, такъ какъ мы не можемъ ожидать документальной, исторической точности въ такихъ деталяхъ романа¹⁾.

На ряду съ приведенной выше редакціей пѣсеньки существуетъ другая, чаще встречающаяся и, вѣроятно, болѣе точная. Эта вторая редакція особенно отличается отъ приведенной выше первымъ куплетомъ:

Réveillez-vous, belle dormeuse,
Si ce baiser vous fait plaisir;
Mais si vous êtes scrupuleuse,
Dormez, ou feignez de dormir.

Въ одной изъ книгъ библіотеки Пушкина приведена эта пѣсенка въ послѣдней редакціи. Книга эта — Chansonnier Fran ais, Paris. 1829²⁾. (Томъ первый, стр. 106). Ионкто, ею Пушкинъ

1) Вѣроченье. Пушкинъ былъ все же документаторъ. Поздравительные куплеты на мотивъ «Réveillez-vous, belle endormie» существовали. Въ «Chansonnier», о которомъ говорится ниже, имѣется 3 такихъ отдѣльныхъ куплетовъ и стихотвореній поздравительного характера на этотъ мотивъ. Въ нихъ упоминаются имена Th ophile,  g erie, Cl m ne, C l m ne, — но «belle Nina» я не встрѣтила. Вотъ одинъ изъ «куплетовъ» — для характеристики этого рода творчества:

Il faut vous appeler Julie,
Ce nom nous tire d'embaras,
Il rime trop bien   jolie
Pour qu'il ne vous convienne pas.

Авторомъ стихот. куплетовъ и даже специалистомъ въ этой области лирики былъ Vicomte de la Poujade (1704—1773).

2) См. Б. Л. Модзалевскій. Описание и т. д. № 725. Книга эта, собственно, относится не къ 1829 г. Это — поддѣлка книгопродавца. Издание она значительнѣе раньше (вѣроятно, въ концѣ XVIII вѣка, такъ какъ въ предисловіи о Colle говорится: un des meilleurs chansonniers de ce si cle) и состояла изъ 4 основ-

не пользовался, когда писать Евгения Онегина, какъ о томъ говорить во-первых дата книги, во-вторыхъ, расхожденіе въ чтеніи стиха. Но надо полагать, мотивъ пѣсенки, приложенный къ этому сборнику, не отличался отъ того «знамаго дѣтскаго», который былъ известенъ, очевидно, и самому Пушкину.

Мотивъ этотъ приложенъ въ концѣ томика¹⁾ (air noté, № 62).

Мотиву этому нельзя отказать въ нѣкоторой, хотя и старомодной грациѣ. Во всякомъ случаѣ онъ объясняетъ, почему чувствительная пѣсенка, написанная вовсе не для дѣтей, стала въ 1820-хъ годахъ дѣтскимъ достояніемъ, вмѣстѣ съ «Malbrouk s'en va-t-en guetre» и «Il pleut, il pleut, bergère». Прозрачность, легкая усвоемость мотива — вотъ тѣ качества, которыя свойственны дѣтской музыке. Взрослыхъ въ тѣ годы занимали уже иные мотивы, — музыка Бебера, Моцарта и Россини.

IV.

О «Возвышенномъ Галль».

Въ статьѣ И. Бикермана («Пушк. и его совр.», вып. XIX—XX, стр. 56—57 и 59) разбирается вопросъ о томъ, къ кому относятся томикъ и двѣ дополнительныя. Книгопродавецъ, второй дополнительный томъ, очевидно, испортилъ (такъ какъ послѣднія страницы его подкасаны къ первому дополнительному), а остальные переброшюровать, при чемъ замѣнилъ титульный листокъ новымъ, отличающимся отъ цириллическими буквами, шрифтомъ и новизной орографіи (современные въѣто f, орографія fran ais вмѣсто fran ois и т. д.), выдасть такими образомъ старый, разрозненный экземпляръ за новый, полный, состоящий изъ 5 томиковъ.

1) Чайковский совершенно не воспользовался этимъ мотивомъ въ «Евгении Онѣгинѣ». Его Трикѣ мало изѣбѣтъ сходства съ Пушкинскими, а куплетъ онъ поетъ на такой мотивъ, что его не приладить къ стихамъ Дюфренна. Въ «Нижней Джамѣ» онъ проявилъ большую историчность, вѣдя въ эту оперу старые тексты и старую музыку.

ситетъ слова «Вольности» — «Открой миѣ благородныи сѣль того возвышенного Галла, кому сама, средь славныхъ бѣть, ты гимны смилье виушама». Г. Бикерманъ считаетъ, что донынѣ неопровергнутыи доказательствомъ датировки этой оды 1819 г. были ссылка на то, что этотъ «возвышенный Галль» — никто иной, какъ А. Сиѣніе, стихи котораго появились въ 1819 г. впервые въ печати. На самомъ дѣлѣ это «доказательство» было одиць иль наиболѣе сомнителныхъ. Дѣйствительно, произведенія А. Сиѣніе появились не раньше 9 (21) августа 1819 г., такъ какъ въ еженедѣльномъ ббліографическомъ журнальѣ: «Bibliographie de France» они названы только въ № отъ 28 août 1819, а «Вольность» уже существовала 5 (17) августа 1819 г. (дата письма Вяземскаго, где говорится о «Вольности»). Затѣмъ — къ Шенѣ мало приложими штированныя слова. Для Чушкиша Шенѣ быть «иѣвецъ любви, добраꙗ и мира, пѣвецъ возвышенной мечты». Политическіе стихи Шенѣ неизначительны и при этомъ вовсе не «внушены вольностью». Его дѣя «Jen de Raiss» и «Sur les Suisses revolt es» были опубликованы при его жизни и остались не замѣченными. Во второй изъ нихъ (относящейся къ Іамбес), какъ и въ другихъ Іамбес, Шенѣ нападаетъ на «убийца, взлѣдывающаго Робеспьеромъ», и заявляетъ себя умѣренѣйшимъ по политическимъ воззрѣніямъ человѣкомъ. Врядъ ли кто могъ когда-либо считать Шенѣ смильмъ революціоннаго поэтомъ.

Иль поэты, жившихъ во времена Французской Революціи, только одинъ — знаменитый Ecouchard-Lebrun — «Пиндарь XVIII вѣка», — единственно могъ подойти подъ характеристику Пушкина. Этогъ поэты, изъ крушѣній поэтовъ своей эпохи, написали рядъ революціонныхъ оды. Особенно известна его оды «Ode au vaisseau le Vengeur» (1794 г.), где поэты пишетъ:

Toi que je chante et que j'adore
Dirige, ô Libert ! ton vaisseau dans son cours...

Lebrun настолько рѣзко перешелъ на сторону революціи (а позже — бонапартизма), что Desorgue въ эпиграммѣ, на-

правленной противъ Лебрена, говоритьъ, заодазривая поэта въ материальной заинтересованности:

Si la poste avait des trésors
Lebrun serait soudain le chantre de la peste.

Во всякомъ случаѣ, какъ авторъ одѣ, Лебренъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ, въ томъ числѣ и М.-Ж. Chénier (брата Andr  ), автора знаменитаго революціоннаго *Chant du D  part*, исполненаго нынѣ во Франціи паравѣтъ съ Марсельской.

Такимъ образомъ, помѣтка въ Гайдовской тетрадкѣ, на которую ссылается И. Бикерманъ, есть чесомѣтная ошибка. Авторъ имѣть въ виду именно *Экушаръ Лебрена*, а не *Пиго-Лебрена*, прозалка, написавшаго въ стихахъ, если не ошибаюсь, только каки-то юмористическіе куплеты. Г. Лященко, у которого Бикерманъ заимствовалъ свѣдѣнія обѣ этой помѣткѣ, отождествилъ этихъ двухъ Лебреновъ и бывъ по своему правъ. Во всякомъ случаѣ выраженіе Н. Лернера¹⁾ о томъ, что къ Пиго-Лебрену слова Пушкина не примѣтны, подтвержденное цитатой изъ Ап. Григорьева, бѣть мимо цѣли и во всякомъ случаѣ не доказываетъ, что Пушкинъ имѣть въ виду именно Andr   Ch  nier.

Б. Томашескій.

P. S. Когда настоящія замѣтки уже печатались, оригиналъ «Золота въ Желѣзѣ» былъ помѣщенъ сперва И. Е. Цеглевымъ въ «Дѣлѣ» (отъ 11 декабря 1915 г.), а затѣмъ появился въ IV т. Академическаго изданія Сочиненій Пушкина. Въ послѣднемъ изданіи редакторъ приписалъ это стихотвореніе Я. Б. Руссо, не сообщивъ, къ какому основали онъ это сдѣмаль. Въ извѣстныхъ миѣ собраніяхъ сочиненій J.-B. Rousseau этого стихотворенія не находится.

Б. Т.

¹⁾ «Рѣчь» № 98 (5112) отъ 6 апреля 1915 г.

Сюжеты Пушкина.

(Отрывочные замѣтки).

1.

Къ литературной исторіи стиховъ Пушкина
К*** (Щастливъ, кто близъ тебя, любовинъ упоеный).

Въ исторію творческихъ устремленій Пушкина не внесена до сихъ поръ таинственная запись начальныхъ строкъ

К***

Щастливъ, кто близъ тебя, любовинъ упоеный,
Безъ гонки робости твой ловить щѣткѣй взоръ,
Движенія милыя, игривый разговоръ
И сѣль улыбки незабвенной...¹⁾.

Ни внутренній анализъ содержанія, ни виѣшний признакъ положенія паброска въ черновикахъ Румянцевскаго Музея (тетрадь № 2364, л. 41 об.) не опредѣляютъ еще путей къ объективной иллюстраціи замысла. Занимая изслѣдователей лишь со стороны вопроса о его заговоркѣ, отрывокъ этотъ скоро затѣстороны вопроса о его заговоркѣ, отрывокъ этотъ скоро затѣ

ется въ «хронологической пыталъ», въ построй рубрикѣ сомнительныхъ біографическихъ ассоціацій²⁾). Между тѣмъ, связанныхъ

¹⁾ Соч. Пушкина, Изд. Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 26. Иль рукописи вольѣ за четырьмя стихами начать быть пятой стихъ, но написана одна только строка К.

²⁾ См. сводный комментарій къ отрывку,—ibid., стр. 63—66.

лый съ рядомъ популярнымъ романомъ «Нанть-Пьера Гард»¹⁾—

Je l'aime tant,
Je l'aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le repète cependant
A chaque instant que je respire,—

Пушкинскій набросокъ долженъ быть также введенъ въ извѣданныя грани французской эротической лирики XVIII вѣка. Въ элегіяхъ Н. Ж. Леонара мы легко укажемъ и самый источникъ Пушкинскихъ вариаций.

Настроениемъ нераздѣленной любви, мотивомъ отвергнутаго чувства осложненіе любовную пастораль, уже оживленную творчествомъ Беркена и Парни, Флоріана и Геснера,—«г. Леонардъ — какъ говорить В. А. Жуковскій въ своей переводной статьѣ²⁾ («Иппокрена или Утѣхи любословія» на 1799 г., ч. IV, стр. 82)— «заслужилъ и получилъ почтенное място между Писателями нашего вѣка. Посвятивъ хорошия способности свои пріятному и кроткому роду настурійской Поззіи, не могъ онъ пріобрѣсть той славы, которая идетъ въ смысь за успѣхами, а не рѣдко и за простыми опытами въ блистательнѣйшихъ родахъ Литературы. Чтобъ хорошо чувствовать Автора Идилий, должно весьма по-бить стихи и Натуру; — два вкуса, которыми всякъ хвалится, но рѣдко кто ихъ имѣеть». Съ конца столѣтія, однако, произведения Nicolas-Germain Léonard'a (1744—1793) становятся прочимъ достояніемъ русскаго литератураго обихода. Его прозу усердно переводятъ П. Ю. Львовъ, М. Т. Качевовскій (объ этомъ вскорѣ упоминаетъ Пушкинъ въ *Отрывкѣ изъ литературныхъ льни-*

1) Извѣстный пѣвецъ (1764—1823), авторъ популярныхъ романовъ: «Bélisaire», «Le Ménétrel» и «Je t'aime tant», памятный Петербургу своимъ публиченіемъ въ 1802 г.

2) Этотъ переводъ (изъ «Spectateur du Nord») — живой показатель литературахъ, склонитѣй и интересовъ юного Жуковскаго.

писей¹⁾): «Г. Качевовскій переводъ *Терезу и Фальдони* — что за бѣда?», съ его идиліями знакомить «Пріятное и полезное прѣпровожденіе времени», «Минуты Трудолюбца», элементы лирики его даны въ переводахъ А. Ф. Лабзина, М. В. Милонова, И. А. Второва и другихъ²⁾.

Готовую канву — традиціонный фонъ недовершеныхъ поэтическихъ образовъ — Леонардъ даль въ своей элегіи *L'amant timide*.

Heureux qui près de toi soupire
Et qui t'embrasse de ses feux!
Heureux qui te voit lui sourire,
Et qui lit son sort dans tes yeux.
Réduit à brûler en silence,
Je n'ai pas le même bonheur;
On peut aimer sans espérance,
Si j'en juge d'après mon coeur.

.....
.....
.....

Основное единство творческой мысли, строго выдержанное и въ общей архитектоникѣ плана, и въ существенныхъ деталяхъ

1) «Сѣверные Цифры на 1830 годъ», стр. 235.

2) «Новая Клементина, или письма Генріетты де Бервиль», соч. г. Леонарда, пер. съ фр. А. И., Москва, 1799 г.; «Алексисъ. Настурійская поэзія». Пер. съ фр. А. И., Москва, 1801 г.; «Леонардъ. Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ», П. Ю. Львовъ, С.-Пб. 1796; «Минуты трудолюбца, или сбраніе разныхъ М. 1804; тоже, изд. 2, М. 1810; «Минуты трудолюбца, или сбраніе разныхъ сочинений», пер. съ фр. С.-Пб., 1788; «Модное Ежем. Издание или Библиотека сочинений», пер. съ фр. С.-Пб., 1779; «Модное Ежем. Издание или Библиотека сочинений», пер. съ фр. С.-Пб., 1779; «Модное Ежем. Издание или Библиотека сочинений», подраж. Леонарду, М. Милонова, С.-Пб., 1819, стр. 227; Идилии и др. малкия стихотворенія Мих. Милонова, С.-Пб., 1817; Идилии и др. малкия стихотворенія Мих. Милонова, С.-Пб., 1817; Лит. и муз. алманахъ (подражанія Леонарду) Я. Савастянова, С.-Пб., 1817; Лит. и муз. алманахъ (подражанія Леонарду) Я. Савастянова, С.-Пб., 1817 (пер. «Les plaisirs du rivage», приписывается П. Бедеву, см. Полн. собр. соч., 1911, т. I, стр. 26).

его выполнения, исключает сомнение в однородности сравниваемых произведений. Точно переводя начальный стих Леонара — *Hélico qui près de toi...* — «Щастливъ кто близъ тебя...», Пушкинъ отбрасываетъ заглавие (*«Робкій любовникъ»*) и, разбивая Леопаровскую антитезу (любовникъ увесной и робкій, отвергнутый), переносить его уже сразу въ первую строфу:

Щастливъ, кто близъ тебя, любовникъ увесной,
Безъ тойной робости твой ловить сѣтный взорь...

Богатство изобразительныхъ средствъ своей поэзии оживляя далѣе оригиналъ, какъ къ прообразу возвратись къ нему и впослѣдствіи въ «Щастливъ, кто избранъ своеиравно...»¹⁾ — Пушкинъ до конца исперниваетъ творческий канонъ Леопара, въ первыхъ четырехъ стихахъ котораго мы и усматриваемъ кнечь къ литературной исторіи замысла.

2.

Пушкинъ и Арно²⁾.

Редактируя для второй книги «Современника» за 1836 годъ переведную статью «Французская Академія»³⁾, Пушкинъ дасть въ ней мѣсто не только обстоятельной характеристики А. В. Арно въ поминальныхъ рѣчахъ Скриба и Вильямена, но и въ нѣсколькихъ вступительныхъ строкахъ къ ней первый и единственный облизалъ имя покойнаго академика съ фактами Русской литературной исторіи:

1) Зависимость здѣсь въ той же концепціи произведеній, съ сохраненіемъ въ характернѣйшей детали его — «...молчаливо, скорая каждого любви» (*Réduit à brûler en silence...*).

2) Доказать этоѣ уже быть сданы паки въ типографію, когда въ газетѣ «День» отъ 11 декабря 1915 г. появилась замѣтка Н. Е. Іщеголова «Пушкинскому», указаніе которой на французский источникъ «Усадиенія» совпало съ единими изъ пунктовъ настоящаго общаго очерка г. Окемана. Ред.

3) «Современникъ», т. II, стр. 24—52; Библ. всѣхъ писателей, подр. ред. С. А. Венгерова, Пушкинъ, т. VI, стр. 282.

«Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а пынѣ совсѣмъ забыты. Такова участъ поэтовъ, которые пишутъ для публики, угоджая ея мнѣніямъ, привыкшись къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Две или три басни, остроумная или грациозная, даютъ покойнику Арно болѣе права на титулъ поэта, нежели всѣ его драматическая творенія. Всѣмъ пзвѣстенъ его *Lisztok*:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Ou va tu? Je n'en sais rien, etc.

Участъ этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своюю смертью повторялъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Испиланти перенесъ его на греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боецъ чернокурдовый
Съ белымъ локономъ на збу.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онь помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ¹⁾.

Нѣсколько раньше, 18-го января 1836 года, Пушкинъ использовалъ первый стихъ Арно для своего посланія къ Д. В. Давыдову — «Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою...» (*A vous poète, à vous guerrier*), и его

1) La Feuille a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davoutoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davoutoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poésie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poète, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Horoste,
Avec d'une feuille de chêne
Fait une feuille laurier.

призвательный ответь 10-го августа — «Ты по шерсти ногладяль самолюбіе мое, отыскавъ Богъ спасть гдѣ и врозу, и стихи Арио, о которыхъ я и знать не зналъ» — исперниваетъ имѣвшейся у насъ запасъ данныхъ объ отношеніи великаго поэта къ крупнейшему представителю литературы Императорской Франціи. Однако, супровая и въ краткости свой неубѣдительная оценка Арио, данная «Современникомъ», если и должна быть учтена, какъ поздній приговоръ нашего литературного Парнасса, — далеко еще не опредѣляетъ ни истиннаго значенія Арио, ни подлиннаго отношенія къ нему Русской литературной традиціи. Немного дать пестрой биографической каны Арио, нѣсколько цитать и сопоставлять не только уяснить спорность Пушкинскихъ строкъ, но еще ближе заставлять связать столь чуждыя, казалось, другъ другу имена.

Antoine-Vincent Auvault родился въ Парижѣ 22 сентября 1766 г. Съ юныхъ лѣтъ пробуя свои силы и въ оперѣ, и въ драмѣ, и въ прозѣ, и въ лирикѣ, онъ одинаково не успѣвалъ во всѣхъ видахъ литературнаго творчества, хотя одинъ изъ его романовъ — «L'Absence», случайно положенный на музыку, вызвалъ въ 1786 г. одобрение Лагарна въ письмѣ къ графу А. П. Шувалову (у Пушкина сохранился томъ «Correspondance littéraire» съ упоминаніемъ объ этомъ¹⁾). Неудачи вскорѣ заставили Арио искать покровительства двора; его сближеніе съ граверомъ Преванскимъ вполнѣ объясняетъ посвященіе будущему Людовику XVIII «Марія въ Минтурнѣ». Успѣхъ, связанный съ трагедіей, во многихъ отношеніяхъ былъ знаменателенъ: литературная свѣжесть сюжета, юношескій лавость гражданственности, самыи образъ великаго демагога, его величие въ изгнаніи и униженіи — характерны не столько для авторскихъ тенденцій, сколько для настроений и момента эпохи. Сентябрьскія убийства, однако, вынуждаютъ Арио, вслѣдъ за его покровителемъ, на время удалиться изъ Франціи; законъ объ эмигрантахъ влечетъ его арестъ и возвращеніе, декретъ Комитета Общественнаго Спасенія даетъ

свободу автору «Марія». Его литературана производительность не ослабѣваетъ: трагедіи и водевили быстро смѣняютъ другъ друга (*Lucrèce, La tentation de St. Antoine, Phorisque et Mélidor, Horatius Coelus, Cincinnatus, ou Conspiracy de Spurius Melius*, и др.), римскіе сюжеты отвѣчаютъ запросамъ дня, намеки на дѣятелей живой политической сцены съ восторгомъ подхватываются и театромъ, и жизнью. Вмѣстѣ съ Бонапартомъ свершая Итальянскій походъ, съ нимъ толкуя о Гомерѣ и Оссаѣѣ во время Египетской экспедиціи, Арио участвуетъ въ подготовкѣ 18 Брюмера, а въ «Oscar, fils de Dermid» воспѣваетъ «тихія чувства любви и дружбы». Трагедія «Vénitien ou Blanche et Montcassin» (интересовавшая, очевидно, Пушкина)¹⁾ уже не только посвящена первому консулу, но и сохранила навсегда печать его участія. Какъ замѣчаетъ Скрибъ, «Бонапартъ любилъ развязки разнѣльныя и хотѣлъ, чтобы даже въ театрѣ всѣ препятствія уничтожались штыкомъ» — въ соответствии съ тѣмъ и Montcassin — герой пьесы, — вопреки замыслу автора, — на сценѣ бытъ умерщвленъ. Съ 1799 года ревностный членъ Института, съ 1805 — Вице-Президентъ сго, лично близкій Наполеону администраторъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія, Арио означеновалъ періодъ Имперіи не столько новыми трагедіями (*Don Pédre ou le Roi et le Laboureur, Scipion, Triomphe de Trajan, Zénobie*, и т. д.), сколько издѣліемъ басенъ и юмористовъ. Долго не приданая имъ никакого значенія, изрѣдка и неохотно помѣщая ихъ въ «Les Veillées des Muses», «Le Mercure», «Le Miroir des Spectacles, des Lettres, des Mœurs et des Arts», Арио, лишь уступая просьбѣ друзей, въ 1812 году выпустивъ отдельной книгой свои «Fables et poésies». Здѣсь Арио уже созадать, какъ говорить Скрибъ, «новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать имъ Лавантену, имъ Флориану; здѣсь иѣтъ веселой простоты перваго, иѣтъ изящной и грациозной чувствительности второго: здѣсь энніграмма, здѣсь сатира, здѣсь, сдѣланной вслѣдъ баснописцемъ, Юве-

1) Б. Л. Медзальевский, Библіотека Пушкина, стр. 266, № 1064.

1) Б. Л. Медзальевский, Библіотека Пушкина, стр. 144, № 555.

иаль». Периодъ Стадней и Реставрація едва не стать для Арио роковыемъ: ордонансъ 16 января 1816 г. изгонялъ его изъ Франціи,— и лишь изрывъ общественнаго сочувствія, громко заявившій себѣ и въ восторженномъ иріемъ его сочиненій, и въ успѣхѣ новой трагедіи — «Germanicus» (1817), смягчили для него тяжелыя дни скитаній. Возвращенный въ 1819 году въ отчество, Арио затѣваетъ «Biographie nouvelle des contemporains» (1820—25), въ 1822 г. издастъ «Vie politique et militaire de Napoléon», въ 1825 г. участвуетъ въ предпринятіи графомъ Г. В. Орловымъ переводѣ басенъ Крылова на французскій языкъ¹⁾ («О предисловіи г-на Лемонте» къ этому собранію появилась статья Пушкина въ «Московскомъ Телеграфѣ»²⁾), въ 1826 и 1828 гг. относятся его пьесы «Guillaume de Nassau» и «Les Guelfes et les Gibelins», — наконецъ, въ 1833 г. начинаетъ онъ выпускать «Souvenirs d'un sexagénaire», прерванныя его смертью 16 сентября 1834 года.

Арио-драматургъ — мало известенъ Россіи³⁾. Декоративный разгуль его трагедій, хладный павось то революціонной гражданственности, то классического цезаризма — остался чуждъ нашему театрально-литературному обиходу въ силу причина, разумѣется, политическихъ, а не художественныхъ: трагический авторъ школы Дюси, онъ все же, какъ говорилъ Вильменъ, «прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты».

Несколько иной была судьба его «замысловатыхъ и энigmatическихъ басенъ», какъ характеризуетъ ихъ князь И. А. Вяземскій⁴⁾. Вмѣсть съ «Листкомъ», они быстро усваиваются у

1) Сборникъ 2 Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, томъ VI, стр. 271.

2) 1825 г., ч. V, № 17, стр. 40.

3) Лишь въ журналахъ появлялись незначительные отрывки: «Алкіона» (драмат. явленіе, г. Ариольда) — «Улей», 1811 г., т. I, стр. 168; «Оскаръ» — «Благочестивый» 1821 г., № 15; «Марій на болотахъ Минтиуринскихъ» — «Сперван Монерия» 1832 г., № 21—22.

4) ИзъЕстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитрева — при «Сочиненіяхъ И. И. Дмитрева» 1823 г., ч. I, стр. XLII.

насъ во многочисленныхъ переводахъ, хотя самое имя Арио — изъ опасеній цензурныхъ — въ никѣ сперва лишь не упомянуто, а затѣмъ и совершенно забыто. И. И. Дмитревъ разповременно включаетъ въ издание своихъ сочиненій четыре перевода изъ Арио²⁾: «Магнитъ и желѣзо», «Человѣкъ и эхъ», «Орель и канунъ», «Верблюдъ и носорогъ»; въ 1816 г. году князь Вяземскій печатаетъ въ «Вѣстникѣ Европы»³⁾ заимствованную изъ Арио «Разбитую статую»; въ «Трудахъ Общества любителей Россійской словесности» за 1817 г., ч. VII, появляется «Листочекъ» В. Л. Чулковна [«Куда, листочекъ, ты летишь Изсохшій, пожелтѣлый?»]; въ «Вѣстникѣ Европы» за 1817 г. (ч. ХСIII, стр. 23) помѣщается «Листокъ» Князя Шампанскаго:

Листочекъ будненкій, сухой!
Тебя глазами провожаю....

Въ томъ же году, Арио — «одинъ изъ лучшихъ пынѣпинъ Французскихъ литераторовъ, столь же изящный своими дарованіями, сколько и пещастіями» — привлекаетъ вниманіе «Сына Отечества» (№ 39, стр. 33—35), тутъ же дающаго съѣздъ объ изданіи твореній «оклеветанного предъ новымъ правительствомъ» поэта. Къ 1818 году относятся классические переводы «Листка» Жуковскаго и Д. Давыдова, указанные Пушкинымъ:

ЛИСТОЧЕНЬ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь? Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ ролный;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
По волѣ слущавъ иносказъ,

1) Две первыхъ басни — въ изд. 1803—05 гг., III — въ изд. 1810 г., IV — въ изд. 1814 г.

2) «Вѣстн. Евр.» 1816, ч. 89, стр. 201.

Стремлюсь, куда веять энтъ рокъ,
Куда на свѣтѣ все стремится,
Куда и листь лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ.

(Стихотворенія В. А. Жуковскаго, С.-Пб. 1824, т. II, стр. 234).

ЛИСТОКЪ.

Листокъ изсохшій, одинокій,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, гдѣубыть мой?
Какъ знать вѣт! Налетѣли тучи,
И дубъ родимый, дубъ могучій
Сломили вихрь и грозой.
Съ тѣхъ поръ игралище Борея,
Не сѣялъ и не робя,
Ношуясь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой;
Несуясь, куда несетъ суровый,
Всему цинабжимъ рокъ,
Куда летятъ и листь лавровый,
И легкій розовый листокъ.

(Соч. I. В. Давыдова, 1893, т. I, стр. 42).

Повышенный интерес къ творчеству Арно въ годы изгнанія характеризуется не только частыми заимствованіями и переводами, постоянными цитатами, ссылками, указаніями на Арно въ перепискѣ¹⁾, но отмѣтить у насъ даже настоящей пропагандой его сочинений: 14 мая 1819 г. А. И. Тургеневъ сообщаетъ князю Вяземскому: «Я получать, наконецъ, сочиненія изгнанника Арно, на которыхъ пропу тебѣ подписаться. Это будетъ стоить рублей 40 или 50. Теперь выплат уже 3 или 4 части; всего ихъ будетъ пять. Если найдешь и другихъ подписанчиковъ, то увѣдомь.

1) Остафьевский Архивъ, классъ Вяземскихъ, т. I, 78, 79, 137, 215, 237, 262, и т. д. более позднему периоду относятся упоминанія: *ibid.*, т. III, 193; Соч. И. Н. Дмитрева, С.-Пб. 1893, т. II, стр. 258, 295, 307.

Братъ Сергій покровительствуетъ гонимаго и просить меня спо-
спѣшствовать распродажѣ 50 экземпляровъ. Я надѣюсь все
продать здѣсь, но опасаюсь еще цензуры¹⁾. Въ этой атмосфѣрѣ
необычного вниманія къ творчеству и судьбѣ изгнанника близкихъ
Пушкину литературныхъ круговъ своеобразно зарождался новый
поэтический откликъ: невольной данью Арно явилось Пушкинское
«Уединеніе»:

Блаженъ, кто въ отдаленой сѣни,
Вдали взыскательныхъ нѣаждѣ,
Дни дѣлить мяжъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надежды;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

Напечатанное впервые лишь въ 1826 году, произведеніе это безъ всякихъ оснований отнесено было И. В. Анненковымъ, а вслѣдъ за шимъ и послѣдующими комментаторами, къ 1822 году. Съ фантастической датой «Уединенія» у П. Бартенева (Пушкинъ въ Южной Россіи — «Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1190) связанъ соответствующій «автобиографический смыслъ»: «сталъ и видится Пушкинъ въ его уединенной комнатѣ, подъ развалинами, на отдаленіи конца Кинешевы: онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полныій памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее!» Однако, П. О. Морозовъ, на несомнѣнномъ основаніи положенія «Уединенія» въ рукописи (между началомъ IV пѣсни «Руслана и Людмилы» и «Веселымъ пиромъ»), отнесъ шесу къ 1819 году. Указаніе это, принятое Л. Н. Майковымъ и В. Е. Якушкинымъ, можетъ получить еще новое обоснованіе. Въ поэтике Пушкина необходимо признать лѣтомъ 1819 года психологически уже вполнѣ опредѣленную почву для воспріятія «Уединенія»: во-пер-

1) Остафьевский Архивъ, т. I, 233.

выхъ, въ это время онъ въ Михайловскомъ создастъ «Деревню», по настроению своему очень близкую «Уединенію»¹⁾ —

Привѣтствуя тебя, пустынныи уголокъ,
Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія,
Гдѣ льстся днѣй моихъ невидимый потокъ
На лоно счастья и забвенья!

— во вторыхъ, съ этимъ же лѣтомъ совпадаетъ оживленный интересъ друзей Пушкина къ литературному настѣнію Арно; по-слѣднее для насъ тѣмъ болѣе пѣнно, что «Уединеніе» явилось твореніемъ не оригинальнымъ, а сознательно заимствованнымъ у понимаго французскаго поэта, — его *Pour une cabane isolée*:

Trop heureux, dans la solitude,
Qui peut partager son loisir
Entre la paresse et l'étude,
L'espérance et le souvenir;
Qui, les yeux ouverts, y sommeille,
Et surtout en ferme l'abord
A l'enyeux qui nous endort,
A l'importun qui nous réveille²⁾.

1) Особенно учитывая этотъ моментъ, вспомнившисъ, что, напримѣръ, въ 1816 г., будущий пѣвецъ величайшаго уединенія его блага отвѣняетъ прямо противоположено: 27 марта онъ пишетъ кляузу Шлемескому: «увѣрю вѣсъ, что уединеніе не самъ дѣлъ вѣсъ очень глупая, на кло всѣхъ философакъ, и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живутъ въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину»... (Переписка Пушкина, т. I, стр. 2).

2) A. V. Arnault. *Fables et Poésies diverses*, Paris. 1825, стр. 518. Произведеніе датировано 1794 годомъ. Въ этомъ же томѣ, стр. 421, помѣщено *«Imitation de Pétrarque»* («Si ce n'est pas l'amour, quel feu brûle en mes veines?») ст. эпиграммы: *«et amor non è, che dunque sento?»*, а пѣ примѣчаній принадлежитъ итальянскій текстъ сонета съ поясненіемъ: «Les gens de goût trouveront peut-être cette pi  ce un peu charg  e de concetti; c'est le défaut du sonnet original». Въ вопросѣ, знали ли Пушкинъ по итальянски? моего вниманія было удѣлено извѣстной цитатѣ въ «Метели» — *«Se amor non è, che dunque sento?»*. Возможно, что Пушкинъ взялъ ее у Арно, чѣмъ оправдывается отчасти предположеніе Ф. Е. Корни: «вѣроятно, Пушкинъ написалъ свою пьесу... въ какой-нибудь французской книжкѣ, где стихъ Петrarки могъ быть обрѣзанъ»... (Пушкинъ

Вполнѣ сохранивъ основную концепцію подлинника, въ тоиѣ, стиля и деталяхъ даже словесной инструментовки слѣдуя Арно, Пушкинъ лишь измѣнилъ 5 и 6 стихъ его, а въ первую строфу внесъ еще и автобиографической штрафъ: «*«et alii vyzskatelnыx нesложъ»*. Черновой набросокъ «Уединенія» (тетрадь Румянцевскаго Музея № 2364, л. 51 об.), вводя настъ въ творческую лабораторію поэта, пріобрѣтаетъ особенный интересъ при сравненіи его съ текстомъ Арно. Для иллюстраціи художественныхъ приемовъ Пушкина необычайно характерно и важно, что наибольшая затрудненія при отдалкѣ произведения связаны съ элементами, отсутствующими во французскомъ оригиналѣ: такъ,

стихъ I, въ общемъ близко передающій Арно, не вполнѣ удовлетворяетъ Пушкина: эпитетъ «отдаленnoй» — написанъ, зачеркнутъ, измѣненъ и данъ вновь въ прежнемъ видѣ;

стихъ II, отсутствующій у Арно, исправленъ нѣсколько разъ: сперва «*et alii tyranovъ и нesложъ»*, затѣмъ «*тирановъ»* уничтожено и сверху лишь надпись — «*взыскательныхъ»*;

стихъ III — первоначально «живеть межъ и лѣни», далѣе, въ пробѣлѣ даны два варианта — «мудрости» и «вольности»; оба зачеркнуты, а въ окончательной редакціи сохранены творческий канонъ Арно — «*дни дѣлить межъ трудовъ и лѣни»* (*Qui peut partager son loisir Entre la paresse et l'étude*);

стихъ IV — точный, не имѣвшій вариантовъ переводъ: «*Воспоминаній и надеждъ*» (*L'espérance et le souvenir*);

стихъ V, измѣняющій Арно, первоначально отсутствовалъ у Пушкина: онъ приписанъ впослѣдствіи, сбоку — «Кому судьба послала», а «друзей» вставлено надъ 1-мъ и 2-мъ словомъ еще позже.

и его современники», в. VII, 55). См., впрочемъ, *ibid.*, выпускъ XI, замѣчанія Ю. Верховскаго и «Рус. Арх.» 1908, ил. ХІ, 589 — изслѣдованіе В. Я. Брюсова. Интересно, что у Арно есть и выраженіе «*concetti*», употребление которого Пушкинъ (въ томъ же, приблизительно, контекстѣ — замѣтка о «Ромео и Джульеттѣ» Шекспира) заставилъ задуматься В. Я. Брюсова.

Три послѣдніе стиха имѣютъ недописанное окончаніе, при чмъ стихъ VII появляется на листѣ 52: «*H* пробудителя пахала», но на л. 51 вмѣсто «И» — «омъ», которос, въ соотвѣтствии съ французской формой Арно, упомянуто Пушкинымъ и въ ииъмъ къ брату изъ Михайловскаго въ концѣ 1824 года: «*Кто думаетъ
ко миу захать? Избани меня*».

*Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя пахала». —
(A l'ennuye qui nous endort,
A l'importun qui nous réveille).*

Наконецъ, сразу и набѣло данный Пушкинымъ заголовокъ: «Уединеніе» — явился не сокращеніемъ, какъ можетъ казаться, сложнаго заглавія Арно (*Pour une cabane isolée*), а лишь точнымъ переводомъ. Въ библіотекѣ Пушкина, куда сочиненія Арно поступили уже въ позднѣйшихъ изданіяхъ¹⁾, сохранился экземпляр *«Anthologie Française»*, вышедшей въ Парижѣ въ 1816 году; во второй томъ ея, на стр. 10, французскій оригиналъ «Уединенія» включенъ съ заглавіемъ, удержаніемъ и Пушкинымъ: «*La solitude*».

Съ необходимостию выдвигая эпизодъ непосредственнаго обращенія великаго поэта къ творчеству Арно въ моментъ исключительного интереса къ изгнанику нашей литературной среды, мы и въ послѣдующихъ фактахъ Русской литературной истории усматривъ связь съ имспемъ забытаго французскаго автора.

Если вліяніемъ Арно ранѣе было отмѣченъ творческий путь И. И. Дмитрева²⁾, князя П. А. Вяземскаго, В. Л. Пушкина, Д. В.

1) *Œuvres de A. V. Arnault, de l'Ancien Institut de France, etc., etc. Théâtre, Paris. 1824. Œuvres de A. V. Arnault, de l'Ancien Institut de France, etc., etc. Fables et Poésies diverses, Paris. 1825.*

2) *Anthologie Française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épigraphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes... Paris. 1816. По еписанию Б. Л. Модзалевскаго — № 546.*

3) Вѣрный своимъ пружинамъ авторитетамъ, И. И. Дмитревъ обращается къ Арно и для своихъ «Апологій въ четверостишияхъ» (М. 1820). Укажемъ, напримеръ, «Писправленный истуканъ» (*«La statue renversée»*), переведенный такимъ княземъ, Вяземскимъ.

Давыдова и Жуковскаго, если невольно давлю ему явилось Пушкинское «Уединеніе», то и въ Лермонтовской лирикѣ остался неизгладимый саѣдъ соприосновенія съ его слогетомъ: «*Дубовый
листокъ оторвался отъ стѣки родной*» все еще въ предѣлахъ поэтическаго воздействиа Арно⁴⁾.

3.

Замѣтка Пушкина о Желѣзной Маскѣ.

Въ шестомъ томѣ «Современника» за 1837 годъ, стр. 399—402, редакціей была помѣщена замѣтка Пушкина о Желѣзной Маскѣ. Днѣ трети ея удѣлялось переводу цитаты, подготовленной приступомъ — «Вольтеръ въ своемъ *«Siècle de Louis XIV»* (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ» — и оживленной бѣглымъ комментаріемъ въ концѣ:

«Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сплошь возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Мaska бывъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе бутго бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятеjnаго любимица черни Парижской, пронавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16...; треты утверждали, что онъ бывъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуръ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мысли ея ясностью критики, ему свойственной, романтически думалъ или выдумалъ, что славный неволынщикъ бывъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и воли-

1) Опубликованное Б. Л. Модзалевскимъ, («Пушкинъ и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 7) «стихотворное упражненіе» Льва Сергеевича Пушкина — «Листокъ» (17-го марта 1821 г.) также представлять собою переводъ Арно («Куда, отъ стебля листъ отпалъ, Осиrotъл и увязъ, Стремилълъ? — Не знаю самъ»). Многочисленныя варианты «Листка» въ Русской лирикѣ 1820—40-хъ годовъ: здесь нами не отмѣчаются, въ виду соприимѣнія въ «непосредственномъ видѣніи» изъ нихъ творческаго канона Арно.

тиги жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка осталась неразрешимою. Взятие Бастилии въ 1789 году и обнародование ея архива ничего не могло открыть касательно таинственного затворника.

Печатанная безъ всякихъ разъяснений, Пушкинская запись стала впослѣдствіи съ тѣхъ поръ во всѣ собранія его сочиненій и, помѣщаясь обычно среди «журналныхъ» статей 1836 года, нынѣшнему остается несвѣщеною.

Не останавливалась на данномъ Пушкинымъ текстѣ Вольтера, замѣтимъ, что онъ точно перевѣзъ изъ «Siècles de Louis XIV et de Louis XV, Tome I», составляющаго XIII-ї томъ сохранившагося въ библіотекѣ поэта полнаго собранія сочиненій Вольтера¹⁾, все, касающееся Желѣзной Маски (стр. 549—551), опустивъ при этомъ лишь нѣсколько деталей французскаго оригинала²⁾.

Посвѣтить значительнейшую часть своей записи переводу, Пушкинъ въ послѣдовавшемъ къ нему дѣлѣ сжатый конспектъ уже

1) Библіотека Пушкина, по описанію В. Я. Медведевскаго № 1491, «Œuvres complètes de Voltaire. A Paris. M. DCCCXVII.

2) Ср.: «Однажды невольникъ напечаталъ что-то ножомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окна. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и привезъ ее губернатору». Соответствующій текстъ Вольтера: «Un jour le prisonnier écrivit avec un couteau sur une assiette d'argent, et jeta l'assiette par la fenêtre vers un bateau qui était au ravige presque au pied de la tour. Un pêcheur, à qui ce bateau appartenait, ramassa l'assiette, et la rapporta au gouverneur».

Остальные уклоненія сице болѣе несущественны,—такъ: «Quelques mois aprés la mort de ce ministre [cardinal Mazarin]»—Пушкинъ перевѣзъ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазаринія»; пропущены въ переводѣ еще слѣдующіе слова, присоединившіеся къ русскому тексту: ... пострѣль въ Маргариты dans la mer de Provence, un officier de confiance Sénég. Marat; le second maréchal de-lan-Fenlyard.... «Многоточіе въ концѣ Пушкинского перевода обозначаетъ пропускъ слѣдующей фразы Вольтера: «Tantôt les personnes qui ont eu une connaissance immédiate de ce fait, il y en a une très digne de foi qui vit alors» (*Ceci a été écrit en 1760*). Впрочемъ, послѣдній пропускъ Пушкинъ воспользовался въ началѣ своей записи (въ 1760).

Изъ первыхъ страницъ цитируемой книги поэтъ извлекъ и краткій чертъ исторической характеристики герцога д-Бофорта: Франсуа де Бандомъ, герцогъ Борбон, свои спутанія въ дни фронды оправдалъ прозиницемъ — *Roi des Halles*.

другой статьи Фернейскаго генія. Глухая ссылка на Вольтера въ Пушкинскомъ заключеніи цѣлкомъ основана на страницахъ 228—233 первого тома «Dictionnaire philosophique»¹⁾.

Возвращаясь тамъ — въ «Anecdote sur l'homme au masque de fer» — къ уже поднятому имъ разъ вопросу, Вольтеръ по-чутко замѣчаетъ: «L'auteur du Siècle de Louis XIV est le premier qui ait parlé de l'homme au masque de fer dans une histoire avérée. C'est qu'il était très instruit de cette anecdote qui étonne le siècle présent, qui étonnera la postérité, et qui n'est que trop véritable. On l'avait trompé sur la date de la mort de cet inconnu si singulièrement infortuné. Il fut enterré à Saint-Paul, le 3 Mars 1703, et non en 1704. Le père Grifet, jésuite, a communiqué au public le journal de la Bastille, qui fait foi des dates... L'homme au masque de fer est une énigme dont chacun veut deviner le mot. Les uns ont dit que c'était le duc de Beaufort; mais le duc de Beaufort fut tué par les Turcs à la défense de Candie, en 1669... Les autres ont rêvé le comte de Vermandois, fils naturel de Louis XIV, mort publiquement de la petite-vérole, en 1683, à l'armée, et enterré dans la ville d'Arras... On a ensuite imaginé que le duc de Monmouth, à qui le roi Jacques fit couper la tête publiquement dans Londres en 1685, était l'homme au masque

1) Библіотека Пушкина, № 1491 — «Œuvres complètes de Voltaire». M. DCCCXVIII, томъ 23. Любопытно, что въ этомъ же томѣ, стр. 548, находится одно изъ часто цитированныхъ Пушкинскимъ положеній Вольтера о ссыпкѣ Овидія: «Presque tous les auteurs latins qui ont parlé d'Ovide prétendent qu'Auguste n'eut l'insolence d'exiler ce chevalier romain qui était beaucoup plus honnête que lui que parce qu'il avait été surpris par lui dans un inceste avec sa propre fille Julie et qu'il ne reléguera même sa fille que par jalouse. Cela est d'autant plus invraisemblable, que Caligula publiait hautement que sa mère était née de l'inceste d'Auguste et que Suétone dans la vie de Caligula. Указывая въ примѣніяхъ къ стихамъ «Овидію» и къ VIII строфѣ главы первой «Овидія» несправедливое мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его [Овидія] изгнанія тайную благосклонность Юлии, дочери Августа, Пушкинъ, тѣмъ, не жалѣ, и самъ не отрѣшился отъ этой гипотезы; ср. письмо къ Н. И. Грибоедову, отъ 24 марта 1821 г. «Въ страйѣ, тѣхъ Юлии вѣничанѣй и хотямы Августомъ изгнаній Овидій ирочно дни вачиль... и Юлия, дочь Августа, славная сънятъ распутствомъ и ссыпкой Овидія... (Замѣчаніе на Анналы Тацита»).

de fer.... Toutes ces illusions étant dissipées, il reste à savoir qui était ce prisonnier toujours masqué, à quel âge il mourut, et sous quel nom il fut enterré. Il est clair que si on ne le laissait passer dans la cour de la Bastille, si on ne lui permettait de parler à son médecin que convert d'un masque, c'était de peur qu'on ne reconnût dans ses traits quelque ressemblance trop frappante... Celui qui écrit cet article en sait peut-être plus que le père Grifet, et n'en dira pas davantage». Указанный текст Вольтера сопровождался «Addition de l'éditeur» съ рѣшительными утверждѣніями: «Le masque de fer était sans doute un frère, et un frère ainé de Louis XIV, dont la mère avait ce goût pour le flingue fin sur quel M. de Voltaire appuie». Сомнительныя доказательства этой мысли отчасти оправдывались, однако, поясняясь примѣчаніем: «Cette anecdote, donnée comme une addition de l'éditeur dans l'édition de 1771, passe chez bien des gens de lettres pour être de M. de Voltaire lui-même. Il a connu cette édition, et il n'a jamais confredit l'opinion qu'on y avance au sujet de l'Homme au Masque de fer».

Привлекая материалъ «Dictionnaire philosophique» къ записи Пушкина, сравнивъ скучный запасъ не всегда точныхъ данныхъ ея¹⁾ съ извѣстнымъ разсказомъ Вольтера, — едва ли можно признать въ торопливой замѣткѣ поэта акть законченной творческой работы, сколько-нибудь ясныя черты будущей журнальной статьи. Быть можетъ, этой вышинской закрѣпляется сюжетъ, бѣло памѣ-

1) Набрасывая вторую часть своей замѣтки, очевидно, по памяти, путая и опуская даты, Пушкинъ ошибочно комментируетъ самыя свидѣтельства Вольтера: такъ, вопреки Пушкину, оно вовсе не считаетъ себя первымъ, упомянувшимъ о «Желѣзной Маскѣ» и, говоря о первомъ *«Histoire abrégée»*, знаетъ *«Mémoires secrets pour servir à l'Histoire de Perse»*, вышедшія еще въ 1745—46 гг., съ которыми и полемизируетъ, но называетъ, однако, источника. Вторыхъ, книга Вольтера появилась въ 1751, а не въ 1760 г., какъ указываетъ Пушкинъ, неправильно обобщивъ одну изъ ссылокъ позднейшаго издания. Иаконецъ, утвержденіе о личности «Желѣзной Маски», принадлежитъ его издателю, фактъ указано и въ Пушкинскому экземпляру «Dictionnaire philosophique».

чалась капва неизвѣстного памъ замысла, и «воображеніе, притупленное однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго»¹⁾. въ «Желѣзной Маскѣ»²⁾ нашло ту «неизъяснимую прелестъ», какую всегда таили для Пушкина загадки прошлаго, смутные моменты старины — отъ ссылки Овидія и Женщины-папы до Годунова и Пугачевщины.

Мѣсто «Желѣзной Маски» въ черновыхъ рукописяхъ³⁾ поэта не даетъ твердыхъ оснований для ея датировки: тетрадь № 2387 — въ хранить столько же творений эпохи «Современника» (1836 г.), сколько годовъ «Литературной Газеты» (1830—1831), и всякий выборъ въ пользу того, а не иного изданія, для приуроченія «Желѣзной Маски» приходится счѣсть явно произвольнымъ⁴⁾. Одно можно утверждать съ пѣсомѣнностью: въ своемъ пистоницемъ видѣ замѣтки Пушкина къ печати не назначалась, и свѣдѣнія, почерпнутыя у Вольтера, темъ болѣе не могли занять читателей «Современника», что «Желѣзной Маскѣ» уже была посвящена обстоятельная статья «Московскаго Вѣстника». Материалъ, привлеченный Пушкинымъ, полностью входилъ въ пятую часть жур-

1) Слова Пушкина въ замѣткѣ о романѣ Загоскина «Юрій Малославскій» (*«Лит. Газ.»* 1830 г., № 5, стр. 38).

2) Въ библиотекѣ Пушкина сохранился романъ *«Le Masque de Fer, ou les aventures admirables du Père et du Fils. Romanee, tirée de l'Espagnol. A la Haye. M. DCC. LXXXV.»*. Сюжетъ этого романа, извѣстнаго и въ русскихъ переводахъ — «Желѣзная Мaska, или удивительные приключения отца и сына», пер. съ фр., три части, 1766—1767 и 1799—1800 (см. интересный отзывъ о немъ С. Т. Аксакова въ «Дѣятельныхъ годахъ Багрова-внuka») — никакого отношения къ исторической «Желѣзной Маскѣ» не имѣетъ. Однако, и въ поэтической русской читателѣ быть хорошо можно: «Желѣзная Мaska, драма въ 5 дѣйствіяхъ, передѣлана съ немецкаго Н. Краснопольскаго», въ 1 разъ была представлена въ Санктпетербургѣ ноября 5 днія 1806 года, и выдержала три издания: 1808, 1811 и 1821 гг.

3) Тетрадь Московскаго Румянцовскаго Музея, № 2387 — Б, лл. 44, 54, 45 и 55. Смежныя страницы заняты третьей статьей о Н. А. Надевомъ (она первоначально помѣщена въ «Лит. Газ.» 1830 г., № 4 и № 12), отрывкомъ изъ «Камен-наго Гостя» (1830 г.) и набросками повѣсти [«Гости сѣзжали на лачу»], относящейся къ началу 1830-хъ годовъ.

4) Тѣмъ, не мѣре, не пригодъ для этого никакихъ оснований, всѣ редакторы и комментаторы Пушкина относятъ «Желѣзную Маску» къ 1836 г.

пала за 1830 г.¹⁾), где въ переволной работе С. С. — «Келезная Маска» (стр. 153—188) оказались удачно совмѣщеными традиціонныя версіи современниковъ Вольтера съ итогами позднѣйшихъ изученій. Вновь возвратиться къ этому вопросу въ по-временій печати, оперируя при томъ весьма незначительной частью уже известныхъ давнихъ, Пушкинъ могъ бы лишь не зная статьи «Московскаго Вѣстника». Отношеніе его къ журналу послѣднее предположеніе, однако, дѣлаетъ почти невѣроятнымъ.

Одній изъ вдохновителей «Московскаго Вѣстника» въ первыя годы его изданія, Пушкинъ впослѣдствіи хотя и отошелъ отъ журнала, но живую связь съ нимъ не прерывалъ никогда. Если прямое участіе его въ 1830 году выразилось лишь помѣщеніемъ двухъ произведеній: въ № 8 — «Сонета» и въ № 11 — «Элегіческаго отрывка» (*Попдемъ, я готовъ: куда бы оны, друзья*), то дальній рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о повышенномъ интересѣ поэта къ органу Погодина въ это время.

Въ № 5 «Литературной Газеты», въ замѣткѣ о «Юріи Милославскомъ», Пушкинъ уже ссылается на статью въ № 1-мъ «Московскаго Вѣстника». Къ словамъ Пушкина сдѣлано примѣчаніе: «Московскій Вѣстникъ будеть издаваться въ наѣшниемъ году въ томъ видѣ, въ какомъ издавался онъ въ 1827 и 1828. Сей журналъ почти постоянно отличается статьями любопытными, лѣдышими критиками и благонамѣренностью. Прежніе сотрудники продолжаютъ участвовать въ семъ изданіи». Первыми издавальнями Пушкина эта споска была упущена, а затѣмъ, хотя и перепечатывалась обычно со статьей, но лишь какъ «Примѣніе Лит. Газ.»²⁾). Болѣе существенную оговорку сдѣлалъ С. А. Венгеровъ³⁾:

1) Частъ V (№ 17—20), вышла въ сбѣгъ лишь въ концѣ января 1831 года (цензурная дата — 3 января, объявление въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — 28 января 1831 года).

2) Сочиненія Пушкина, ред. Н. О. Морозова, 1887 г., т. V, стр. 35. Сочиненія Пушкина, ред. Н. О. Морозова, изд. «Прогрессъ», т. VI, стр. 51. Сочиненія Пушкина, ред. Н. А. Ефремова, 1903, т. V, стр. 453.

3) Пушкинъ, изд. Брокгауз-Ефрона, 1910, т. IV, стр. 546.

«Прим. можетъ быть Пушкина, а можетъ быть ред. Лит. Газ.» Сомнѣній, однако, здѣсь быть не должно: во-первыхъ, если бы редакція сдѣлала къ статьѣ Пушкина собственную ремарку, она бы се, согласно обѣта, оговорила — «Прим. Лит. Газ.»; во-вторыхъ, во время печатанія № 5, едва ли не цѣликомъ составленного Пушкинъ¹⁾, великий поэтъ и представлялъ собою редакцію — Дельвигъ находился въ Москвѣ и Пушкинъ писалъ писю Вяземскому: «Высыпалъ ко мнѣ скорѣе Дельвига — если ты самъ не Ѣдешь. Скучно издавать Газету одному съ помощью Ореста, не-сноснаго друга и товарища»; въ-третьихъ, добрыя чувства къ органу Погодина въ «Литературной Газетѣ» сохранились одинъ лишь Пушкинъ: князь Вяземскій, рѣзко осужденный вмѣстѣ съ Дельвигомъ въ «Московскомъ Вѣстнике» за 1829 годъ, уже въ № 8 «Литературной Газеты» далъ крайне суровую оценку журнала, а О. Сомовъ, постоянно травимый «Московскимъ Вѣстникомъ» и тою же монетой ему плативший въ годовыхъ обозрѣніяхъ «Сѣверныхъ Цвѣтковъ», разумѣется, не могъ сослаться на «дѣльную критику» его; въ-четвертыхъ, этотъ отзывъ вполнѣ со-гласенъ съ слѣдующимъ упоминаніемъ Пушкина: въ № 12 «Литературной Газеты», въ разборѣ «Исторіи Русскаго Народа», онъ говорилъ — «Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brutus!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ г-на Полевого еще съ болыпинъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, — непростительнѣйшимъ, ибо издатель Московскаго Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что, следственно, онъ добровольно пренебрегаетъ онимъ»; лаконецъ, въ-пятыхъ, Погодинъ, внимательно и ревниво слѣдя за отзывами о своемъ журнале въ печати, заявлялъ²⁾ послѣ встречи съ Пушкинымъ: «Пріятель Московскаго Вѣстника, который особливо и тою ко всѣмъ дворамъ объ-

1) Пушкинъ, изд. Брокгауз, 1915, т. VI, стр. 198; А. И. Дельвигъ, «Мои воспоминанія», т. I, стр. 101; «Рус. Арх.», 1873, I, стр. 472; Переписка Н., т. II, стр. 114.

2) «Моск. Вѣстникъ» 1830 г., № 9, стр. 83 («Поглядъ на кабинеты журналовъ»).

явить, что «Московский Вестникъ» почти постоянно отличается статьями любопытными, дальными критиками и благонамеренностю», а вскорѣ потомъ называлъ издателя Бругомъ въ смыслѣ человѣка беспристрастнаго, не увлекающагося духомъ партій»... — такимъ образомъ Погодинъ уже зналъ, что авторъ обоихъ отзывовъ одно лицо, т. е. Пушкинъ.

Въ № 16 «Литературной Газеты», въ замѣткѣ о гекзаметрахъ Мерзлякова, Пушкинъ polemизируетъ съ третьимъ номеромъ «Московскаго Вѣстника» и тутъ же упоминаетъ о четвертомъ. Вскорѣ послѣ того Пушкинъ посѣщаетъ Москву, гдѣ дѣлается отъгѣщенное заявленіе: *«Московскій Вѣстникъ и Литературная Газета одно и то же*¹⁾, а 18 марта 1830 года Погодинъ записываетъ въ свой дневникъ характерный эпизодъ: «Къ Пушкину... даваль статью о Видокѣ, но, догадавшись, что мнѣ не хочется помѣщать ее, взялъ»²⁾.

Въ № 6 «Московскаго Вѣстника» появилась замѣтка о Пушкинѣ, отзывъ о которой самого поэта передаетъ С. Т. Аксаковъ: «Никто еще, никогда не говоривъ обо мнѣ, то есть, о моемъ дарованіи, такъ вѣрно, какъ, говорить въ послѣднемъ № «Московскаго Вѣстника какой-то неизвѣстный баринъ»³⁾.

Въ №№ 8 и 11 Пушкинъ, какъ уже мы указали, печатаетъ свои стихи, а въ V части (соответствующей №№ 17—20) Я. Сабуровъ помѣщаетъ свой «Царскосельскій садъ», вдвойне занимательный для Пушкина — и какъ для лицеиста, и какъ для дѣйствующаго лица разсказа: «Лебеди пользовались у всѣхъ народовъ особеннымъ почтеніемъ; иль Греки и Римляне приписывали сверхъестественные свойства. Здѣшніе не отставали вдохновеніемъ отъ почтенныхъ предковъ своихъ: недавно одинъ, за-

1) Запись изъ дневника Погодина 21 марта 1830 г. — И. Барсуковъ, «Кизикъ и труды М. П. Погодина», чи. III, стр. 11.

2) Ibid., стр. 17.

3) Передавая этотъ отзывъ, С. Т. Аксаковъ указываетъ, что авторомъ «Письма къ издателю Московскаго Вѣстника» ст. оцѣнкой литературного значенія Пушкина былъ онъ самъ, укрывшійся лишь подъ начальной буквой своей фамилии — А. (Разныя сочиненія С. Т. Аксакова, М., 1855, стр. 202).

видѣвъ на берегу толпу Лицейскихъ учениковъ, отдѣлился съ крикомъ и воплемъ, какъ будто обѣятый духомъ пророчества, отъ стал, плывшей по озеру, и трепещущій, безмолвный наль якногамъ Пушкина».

Эти строки, лишь немнogo предшествующія¹⁾ «Желѣзной Маскѣ», исключаютъ сомнѣніе въ знакомствѣ великаго поэта и съ послѣдней статьей «Московскаго Вѣстника», роль которой необходимо учесть въ литературной судьбѣ сдѣланной имъ записи.

Юлианъ Оксманъ.

1) «Желѣзная Мaska начинается на 153 стр., а «Царскосельскій садъ» заканчивается стр. 148—152.

«...современемъ не случится ли и то, что 5-стопный [ямбъ] заступитъ даже въ эпическихъ и драматическихъ сочиненіяхъ мѣсто 6-стопнаго, предъ коимъ онъ можетъ имѣть большее разнообразіе и движение, если только пресыщеніе въ немъ не будетъ постоянно наблюдало на 4-омъ слогѣ: · — · — || · — · — · —, но иногда переходить будетъ на 6-ой и на другіе слоги».

Жуковскій охотно наблюдалъ за этимъ новымъ напрахеніемъ, такъ какъ свободная разстановка цезуру придаетъ этому размѣру живость и разнообразіе, хотя и лишаетъ его особеннаго музыкального напѣва. Такъ, у него во вступлениіи къ «Дѣнадцати спящимъ дѣвамъ» (1817 г.) на 32 строки встрѣчаются 4 безъ мужской цезуры. Въ стихотвореніи же «Тѣнноть» 1816 г. на то же количество строкъ встречается 12 стиховъ безъ мужской цезуры (больше $\frac{1}{2}$). А «Тѣнноть» написана бѣлыми стихами, гдѣ желательно, въ виду отсутствія риѳмы, постоянство цезуру.

Возьмемъ теперь Пушкинскую пародію и выяснимъ, какими свойствами она отличается.

Послушай, дѣдушка, миѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Регнеръ,
Приходитъ изъ мыслей: что если это проза
Ла и дурила...

Она также написана 1) переномованіемъ и 2) неканоническимъ пятистопнымъ ямбомъ, а именно: не соблюдена мужская цезура въ первой и четвертой строкѣ (которая несомнѣнно составляетъ начало пятистопной ямбической строки). Первая $2\frac{1}{2}$ строки въ этой пародіи буквально взяты изъ Жуковскаго; такимъ образомъ въ виду Пушкину можно только поставить несоблюденіе цезуры въ 4-ой строкѣ. Но нужно замѣтить, что такою же особенностью отличается и 4-ая строка Жуковскаго:

И съ нашей хижинкой?... Какъ страшно тамъ.

Итакъ, необходимо выяснить, какую роль играла мужская цезура въ пятистопныхъ ямбахъ Пушкина? Оказывается, что до

Новое о стихотвореніи Пушкина

„Послушай, дѣдушка, миѣ каждый разъ“... 1818 г.

До сихъ поръ на вопросъ: «Что осмѣялъ Пушкинъ своимъ стихотвореніемъ «Послушай, дѣдушка, миѣ каждый разъ...?» обыкновенно отвѣчали: бѣлые стихи.—Это мнѣніе не совсѣмъ то, что доказывается хотя бы тѣмъ, что «Фіалъ Анакреона» 1816 г. написанъ переномованіемъ трехстопнаго ямбомъ. Для объясненія этого пришлось бы предполагать, что съ 1816 года до 1818 взглянуть Пушкина на бѣлый стихъ рѣзко перемѣнился.

Чтобы отвѣтить на нашъ вопросъ, намъ придется выяснить, какими особенностями отличается стихъ «Тѣнноть» Жуковскаго. Этихъ особенностей двѣ: это 1) переномованный и 2) неканонический пятистопный ямбъ.

Неканоническимъ называется 5-стопный ямбъ, въ которомъ не всегда послѣ 2-ой стопы соблюдена мужская цезура, чтѣ безусловно требовалось старинными пѣтиками. Во времена Жуковскаго это строгое отношеніе къ 5-стопному ямбу начинало исчезать. Такъ, Рижскій¹⁾ предлагалъ даже перемѣнить цезуру въ 6-стопномъ ямбѣ съ 3-ей стопы на 2-ую и 4-ую, что и до сихъ поръ считается незаконнымъ. А. Х. Востоковъ²⁾ считаетъ свободное перемѣщеніе цезуры въ 5-стопномъ ямбѣ залогомъ процвѣтанія этого размѣра:

1) Наука стихотворства, изд. 1811 г.

2) Опытъ о русскомъ стихосложеніи, изд. 1817 г., стр. 35—36. Эта книга была у Пушкина (Сж. «Пушкинъ и его современники», IX—X: Описание библиотеки Пушкина, Б. Л. Модзалевскаго, № 80).

1826 г. существует только один¹⁾ случай¹⁾ несоблюдения мужской цензуры въ творчествѣ Пушкина — въ разбираемомъ нами стихотвореніи.

Если принять во вниманіе, съ одной стороны, этотъ знаменательный фактъ, съ другой — постоянное несоблюденіе цензуры у Жуковскаго, то мы должны прийти къ заключенію, что Пушкинъ намѣренно нарушилъ цензуру въ 4-ой строкѣ, желая подчеркнуть определенный недостатокъ пятистопного ямба Жуковскаго — его неканоничность.

Такимъ образомъ, Пушкинъ осмѣялъ въ этомъ стихотвореніи не только блѣые, но и безцензурные стихи, а также и соединеніе этихъ особенностей въ стихѣ «Тѣнистое», которое онъ тогда считалъ недопустимымъ.

Впослѣдствіи онъ рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на природу пятистопного ямба, яркимъ примѣромъ чего могутъ служить маленькия трагедіи 1830 г., въ которыхъ, несмотря на ихъ неритмованность, только половина стиховъ обладаетъ мужской цензурой.

Георгий Масловъ.

1) Кроме того, цитированный В. Я. Брюсовымъ (см. VI т. Сочинений Пушкина, изъ Брокгаузъ его статьи о «Стихотворной технике Пушкина») стихъ изъ Бориса Годунова:

Ты — отче патріархъ, вы — всѣ бояре.

Этотъ стихъ, во-первыхъ, приближается къ шестистопному, благодаря совпадению въ 1-ой и 4-ой стопахъ; во-вторыхъ, первоначальная редакція написана съ соблюдениемъ цензуры:

«Внемлите, — ты, владыко, вы — бояре»...

Отъ ссыпки на подобный же стихъ «Гаврилъ»

«И въ немъ терялся, закинувъ дуло»
воздерживаемся въ виду отсутствія критического текста поэмы.

Мелкія замѣтки къ Пушкину.

І.

Что Такое Гаргарія?

Въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ (но всей вѣроятности, въ 1821) Пушкина занимала мысль написать пьесу на мифологический сюжетъ, именно изъ исторіи Діаны и Актеона¹⁾. Начальный набросокъ этой пьесы (всего 7 стиховъ) начинается словами

«Въ лѣсахъ Гаргарія пасущійся».

Что это за Гаргарія? Ни въ одномъ изъ наиболѣе подробныхъ лексиконовъ и учебниковъ античной географіи, включая сюда и такие капитальные труды, какъ энциклопедія Паули-Виссова или «Lexique de gеographie ancienne» par Besnier, имени Гаргарія не встрѣчается. Тѣмъ не менѣе, наши комментаторы Пушкина пытались такъ или иначе разрѣшить задачу. Такъ, въ изданіи Пушкина Л. И. Поливанова²⁾ читаемъ: «Гаргарія — источникъ близъ Платеи». То же повторилъ и г. Г. К., написавшій объясненія къ этой пьесѣ въ изданіи полъ редакціей проф. С. А. Венгерова³⁾. Но шому пути пошелъ П. О. Морозовъ. Замѣтивъ, вѣроятно, отсутствіе имени Гаргарія въ справочникахъ по античной географии,

1) Отнесащіеся сюда предварительные черновые наброски и конспекты подробнѣ указаны въ Академическомъ изданіи, т. III, примѣчаній, стр. 108 сл.

2) Т. I, изд. 2-е, испр. и доп. (М. 1893), стр. 94.

3) Т. II (М. 1903), стр. 615.

Фиш, отъ истолковалъ¹⁾ это название такъ: «Гаргарія — собственно Гаргаръ или Гаргара — одна изъ вершинъ горы Иды въ предѣлахъ Троянскихъ». Но, во-первыхъ, если мы хорошо знаемъ формы *Gargara*, *Gargarum*, *Gargarus* и *Gargaron* (греч.), то мы никогда не находимъ названія этой мѣстности *Gargaria*. Затѣмъ, все мифологические источники древности говорятъ о встречѣ Актеона съ Дianой въ Беотіи, а не въ Малой Азіи. И зачѣмъ было туда попадать юизавскому охотнику? Остается допустить, что Пушкинъ ошибался. Именно, вместо Гаргаріи слѣдуетъ читать *Gargaphia*. Такъ дѣйствительно называлась мѣстность (по одному изъ версій — источникъ, по другимъ, болѣе распространеннымъ, — долина), где Актеонъ увидѣлъ купавшуюся Диану. Наиболѣе распространеннымъ пересказомъ этого преданія является III книга «Метаморфозъ» Овидія²⁾). Отсюда можетъ возникнуть предположеніе, не было ли подъ руками у поэта такое издание поэмы, где вместо *Gargaphia* читалось *Gargaria*. И на этотъ вопросъ приходится скорѣе всего отвѣтить отрицательно. Правда, критический аппаратъ къ «Метаморфозамъ» не собираетъ въ виду огромнаго количества сохранившихся до насъ рукописей этого произведения. Но во всякомъ случаѣ главные кодексы «Метаморфозъ», лежащіе въ основу позатныхъ изданий, были выѣблены очень рано, и всеѣ они даютъ только форму *Gargaphia* (или — лучше — *Gargaphie*). Варианта *Gargaria* не оказалось ни въ лучшемъ изъ старыхъ критическихъ изданий «Метаморфозъ» (I. Хр. Яна, Lipsiae. 1832, стр. 168), ни въ новѣйшемъ (Гутто Магнуса, Берлинъ. 1914, стр. 97)³⁾.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать еще одно предположеніе, можетъ быть слишкомъ смѣлое и субъективное, но во-

1) Акад. изданіе, т. III, стр. 108.

2) У Овидія дается форма *Gargaphie* (стр. 156).

3) У Яна приведены лишь одинъ вариантъ *Gargaphie*. Я проѣбрать доступные мнѣ критические аппараты и другихъ древнихъ авторовъ, упоминающихъ о Гаргапіи, по варианту *Gargaria* не нашелъ видѣй. Можетъ быть окончательное рѣшеніе вопроса должно принадлежать знатокамъ почерка Пушкина.

просу о томъ, почему поэтъ отказался отъ дальнѣйшей обработки избраннаго имъ сюжета. Причину этого я усматриваю въ 4—5 стихахъ отрывка:

«Уже на тихой небосклонѣ
«Воходитъ блѣдная Диана».

Между тѣмъ, главной сценой пьесы все же должна была служить встреча Актеона съ купающейся Дианой. Можеть быть, трудность примирить эти два образа (Діаны въ видѣ луны и въ видѣ купающейся женщины) и заставила поэта отказатьсь отъ дальнѣйшаго продолженія стихотворенія.

II.

Объ имени Eglé.

Среди черновыхъ набросковъ III тома Академического издания Пушкина (примѣч., стр. 188) издана французская эпиграмма «*A son amant Eglé sans résistance*» и т. д. Н. О. Лернеръ высказываетъ предположеніе¹⁾, что «имя Eglé приводитъ на память Агноло Антоновну Давыдову». Н. О. Морозовъ возразилъ противъ этого, что «Егле» — одно изъ обычныхъ условныхъ имёнъ во Французской «легкой» поэзіи XVII—XVIII столѣтій. Это замѣчаніе слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ. Французские поэты могли заимствовать это имя изъ эпиграммъ Марциала, где *Aegle* попадается неоднократно (I, 72, 94; XI, 81; XII, 55). Значеніе же обоихъ греческихъ словъ *ἀγλαῖα* и *ἀγλη* — одинаково («блескъ»).

III.

О стихотвореніи «Мальчику».

Въ «Русскомъ Енциклопедіѣ» за 1913 годъ (выпукъ II, стр. 20 и сл.) Н. О. Лернеръ опубликовалъ интересный автографъ

1) Пушкинъ. Издание Брекгауз-Ефрона, т. II, стр. 686.

перевода изъ Катулла «Мальчику» (сагн. XXVII), относящейся еще къ 18-му февраля 1832 г., тогда какъ обычно эта пьеса пріурочивалась, согласно показанию П. В. Анненкова, къ 1835 году и перепечатывалась изъ посмертного изданія, где она впервые появилась. Во всякомъ случаѣ г. Лернеръ вполнѣ правильно призналъ опубликованный имъ автографъ за первоначальную редакцію стихотворенія съ вариантомъ худшими, чѣмъ въ посмертномъ изданіи. Изъ этихъ вариантовъ особенно любопытна стихъ 5-й: «Вы же, Воды, прочь теките» (вм. позднѣйшаго: «Ты же прочь, рѣчная влага»), такъ какъ онъ представляется болѣе близкій переводъ оригинала: *Vos procul hinc abite, lymphae*¹⁾.

По какому поводу Пушкинъ перевелъ данное стихотвореніе въ 1832 году, рѣшить трудно. Помѣщеніе же стихотворенія въ посмертномъ изданіи рядомъ съ переводами изъ Анакреона можетъ скорѣѣ всего свидѣтельствовать за то, что переводъ относится къ отрывку поэмы «Цезарь путешествовалъ». Это предположеніе можетъ быть подтверждено тѣмъ, что Катуллъ упоминается въ этомъ отрывкѣ. Имено про Петронія тамъ сказано, что онъ писалъ стихи «не хуже Катулла».

A. M.—ns.

1) Кстати сказать, приведенный у Н. О. Лернера (б. с., стр. 22) по изданію Покровскаго прозаический переводъ стихотворенія не особенно точенъ. Болѣе близко пьесу слѣдуетъ передать, такъ: «Мальчикъ, подающій старое Фалеринское, наливай же чаши покрѣпче, какъ велить законъ, предѣдательницы пира Постуміи, болѣе падкой винограднымъ сокомъ, чѣмъ хранила его ягода. А вы, воды, уходите прочь отсюда, кудѣ угодно, и переселитесь къ трезвеникамъ, — здѣсь чистый падитокъ сына Фіонію».

„Днѣвной“ и „дневной“ у Пушкина.
(Лингвистическая справка).

В. П. Семенниковъ встрѣтилъ у С. А. Тучкова въ стихотвореніи, напечатанномъ въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ» 1789 г., слѣдующее двустишие:

«Спустилось днѣсаное солнцило
По сипѣй сферѣ внизъ къ зодиѣ...»;

оно ему напомнило Пушкинское:

«Погасло днѣсаное солнцило,
На морѣ синее вечерний пашь туманъ...».

и этого было достаточно для предположенія, что «Пушкину почему-либо запомнились первыя строки стихотворенія Тучкова, очевидно, прочитанного имъ когда-нибудь въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ»¹⁾.

Что же заставило автора замѣтки заводозрѣть самостоятельность Пушкина въ этомъ случаѣ?

Въ замѣткѣ онъ указываетъ на «повтореніе Пушкинскимъ выраженія *днѣсаное солнцило*», какъ на доводъ въ пользу своего предположенія. Но, вѣроятно, при этомъ авторъ имѣлъ въ виду

1) В. Семенниковъ. По поводу стихотворенія Пушкина «Погасло днѣсаное солнцило» (1820 г.) — «Пушк. и его спр.», вып. XVI, стр. 108.

не повторение упомянутого сочетания, которое выражается само собою, а непривычное для современного произношения ударение в сочетании «днёвное свѣтло», т. е. употребление прилагательного «дневный», вместо более обычного «дневной».

Единственный ли разъ Пушкинъ употребилъ эту необычную форму?

Въ «Элегіи» 1816 г. («Онѣть я вашъ, о юные друзья...») читаемъ:

*«Мнѣ скученъ міръ; мнѣ страшна днѣвной сеньга.
Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нетъ...»*

Это паводить на мысль, что Пушкинскому языку не было чуждо произношение «днёсній», наряду съ «дневной» (см. «Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной...» въ стих. «Сонъ» 1816 г.).

Ближайшее изученіе языка Пушкина подтверждаетъ такое предположеніе. Проф. Е. Ф. Будде, изучавшій грамматику Пушкинского языка, говоритъ:

«Нѣть никакого сомнія въ томъ, что иѣкоторыя ударенія на именахъ прилагательныхъ, въ особенности въ ихъ безчленной формѣ, которая одновременно можетъ у насъ отправлять въ своеобразіе видѣ лѣб синтаксической функции: сказуемаго и определенія, вызваны у Пушкина условіями ритмического размѣра; но пообще двоякія ударенія на однихъ и тѣхъ же именахъ прилагательныхъ у Пушкина, даже въ стихотвореніяхъ, обусловлены живымъ произношеніемъ этихъ имёнъ прилагательныхъ, извѣстнымъ въ Русскомъ языкѣ, какъ показываетъ его діалектологія. Причину этихъваръяній въ удареніи въ литературномъ языке Пушкина надо, такимъ образомъ, искать въ состояніи живого языка времени Пушкина»¹⁾.

Проф. Е. Ф. Будде даже склоненъ видѣть здѣсь не слѣды общерусского произношения, а діалектические признаки сѣверно-

1) Опытъ грамматики языка Пушкина, вып. II, стр. 76 (Сборн. Отд. Русск. яз. и сл. т. 77, № 5).

русскоаг произношения у Пушкина²⁾). Во всякомъ случаѣ, рядъ примѣровъ подтверждаетъ предположеніе, что литературному языку XVIII и первой половины XIX вѣка не было чуждо такое произношеніе.

В. И. Чернышевъ въ работе о Русскомъ удареніи приводитъ, сверхъ Пушкинскихъ, слѣдующіе примѣры:

*Ломоносовъ: «Лишь только днѣсній шумъ замолкъ,
Падѣль шастунье платъ волкъ...»*

*В. Майковъ: «Она тогда, возстанъ со днѣоптимъ вдругъ сомниломъ,
Трудиласъ на гумнѣ съ сосновыми молотиломъ...»*
(«Елпсеі»).

*Батюшковъ: «Сомнило днѣоптимъ ужъ къ западу текло...»
(«Умирающій Тасъ» 1817 г.)²⁾.*

Интересно, что въ рядѣ примѣровъ встречается Пушкинское сочетаніе «днѣвное свѣтло». Кроме уже упомянутыхъ при-
мѣровъ изъ Тучкова, В. Майкова, Батюшкова, нашъ встрѣтился это сочетаніе у Ломоносова:

*«Сомнило днѣсное блестаетъ
Лишь только на поверхность тѣль:
По взоръ Твой въ бездну прошиласть,
Не зная никакихъ предѣль...»*

(«Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» 1743 г.).

Отмѣтили мы его и у цѣнзурѣнаго автора сохранившемся въ рукописи «Стиховъ на прибытие Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны обратно въ Москву въ Казань, до котораго было шестнадцать Болгою на галерахъ»:

1) «Къ діалектическому произношению надо, по всей изброятности, отнести сѣверно-русскія произношения днѣсній (I. 149, 222) при днѣсній (I. 132 и др.)... И., вып. I, стр. 19.

2) В. Чернышевъ. Русское удареніе, С.-Пб. 1912, стр. 17.

«Хотя отъ паша проще *дневное сътило*,
И почта мрачна прибавляется тьнь...».
(Рук. Отд. Библ. Ак. Наукъ, собр. Ефремова).

Встрѣчается оно и у *Богдановича*:

«Тогда и *дневное сътило*,
Смотря на горесть ихъ разнукъ.
Казалось, будто сократило
Обыкновенный лѣтъ мѣрѣ круть...»
(«Душенька», въ концѣ книги 1-й)¹⁾.

Наконецъ, полное повтореніе Пушкинскій строки находимъ у *Рыльева*:

«Погасло дневное сътило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ венчаль,
И одинокой и унылой,
Дремучей лѣсъ осеребрился...»
(«Войнаровскій», 1823—24 г.)²⁾.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще стихи *Жуковскаго*:

«Входить дневное сътило;
Такъ же ясно, какъ входило
Въ чудный день Бородина».«
(«Бородинская годовщина» 1839 г.).

Весьма вѣроятно, что именно въ этомъ сочетаніи уже отчасти устарѣвшее произложеніе держалось дольше въ литературной речи, благодаря неразрывной ассоціаціи, установившейся на почвѣ частаго употребленія между опредѣленіемъ и субъектомъ; содѣствовала этому и архантность слова «сътило», къ которому естественно тяготѣло определеніе «днѣвное».

Рѣшеніе вопросовъ произношенія и словоупотребленія въ языке писателя не должно основываться на единичныхъ случаяхъ.

оторванныхъ отъ всей совокупности фразовъ языка. Поэтому отвѣтъ на поставленные въ настоящей замѣткѣ вопросы будетъ давать лингвистомъ на основанія изученія удареній именъ прилагательныхъ Пушкинскаго языка.

Намъ хотѣлось только подчеркнуть, что рѣшеніе подобныхъ вопросовъ должно основываться на изученіи живого языка писателя и его эпохи, а никакъ не на выдавливаніи случайныхъ совпадений отдѣльныхъ выражений у разныхъ писателей.

«Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы; онъ пользовался тѣмъ живымъ материаломъ, который усваивалъ, собирая и воспринимая въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался — къ такому заключенію приходитъ изслѣдователь Пушкинского языка¹⁾.

Въ полномъ согласіи съ этимъ выводомъ нужно предположить, что Пушкинъ, особенно во второй періодъ своей литературной дѣятельности²⁾, не заимствовалъ готовыхъ оборотовъ и выражений, чуждыхъ его индивидуальному говору, у писателей старшаго поколѣнія, а терпѣль матеріаль изъ общаго источника — языка своей среды и своего времени.

15 января 1916 г.

A. Бемъ.

1) С. А. Венгеровъ. Русская поэзия, вып. 3, стр. 562.

2) «Сочиненія и переписка К. О. Рыльеваго» подъ ред. Н. А. Ефремова С.-Пб. 1872, стр. 118.

1) Е. Ф. Булда. Ор. сіт., вып. I, стр. 18.

2) Со стороны языка, Е. Ф. Булда считается второй періодъ съ 1816 года.

Такимъ образомъ, если даже и предположить, что упомянутое сравненіе является ходячимъ въ восточной поэзіи, то все же надо думать, что Пушкинъ заимствовалъ его черезъ посредство имени Саади, а не какого-либо иного поэта.

* * *

Две замѣтки о стихотвореніяхъ Пушкина.

Среди произведеній Пушкина есть восьмистишие, заглавленное «Подражаніе арабскому» и кончающееся словами:

Не боюся я насыщенья —
Мы сдвоились между собой;
Мы течь въ течь двойной орѣшкъ
Подъ одною скорлупой.

Источникъ этого подражанія до сихъ поръ еще не установленъ. Намъ кажется, что такимъ источникомъ могло явиться слѣдующее мѣсто изъ Саади Ширазскаго: «Помню, въ прежнее время я и другъ мой жили, будто два миндалевые орѣха въ одной скорлупѣ»¹⁾.

Предположеніе наше тѣмъ болѣе вѣроятно, что Пушкинъ зналъ и любилъ творчество Персидскаго поэта. Въ подтверждение укажемъ хотя бы на изреченіе Саади, взятое эпиграфомъ къ «Бахчисарайскому Фонтану» и повторенное въ текстѣ послѣдней главы «Евгения Онѣгина». Относительно этого изреченія Пушкинъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 14 октября 1823 г. замѣтилъ: «Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его — прелестъ». Вспомнилъ онъ и еще разъ, уже въ критическихъ замѣткахъ, этотъ «меланхолический эпиграфъ», который, конечно, лучше всей поэмы».

1) Гюйстанъ, переводъ И. Холмогорова, изд. Салдатенкова, Москва, 1882, стр. 209.

Въ IV части составленнаго г. Добровольскимъ «Смоленскаго этнографическаго сборника», среди тюремныхъ пѣсень, имѣются небезинтересныя параллели къ Пушкинскому «Узнику». Приводимъ ихъ, сохранивъ орографію записи:

I.

Литанть на волѣ
Арбль маладѣй; 2
Литаўны на волѣ,
Въ таваницу нулаў.
Сплю я ў таваницы,
Въ таваницы сырой;
Крававаю шту
Клюю падъ акномъ.
Клюютъ вонъ, брааантъ,
Самъ сматрить въ акно.
Раскармиу мяу волю
Арбль маладой.

(с. Каблуково, Краснен. у.).

II.

Садѣу я ў астрога,
Садѣу я ў таваницы.
Прилетаў ка мяу ворыжъ,
Арбль маладой.
Іоъ ёў на вакошки,
На новымъ сматрѣ,
Пинц яму шту —
Нечига клювать.

(с. Боровское, Емы. у.).

Трудно сказать, что прибѣмъ мы тутъ передъ собой: перебѣлку ли Пушкинскаго стихотворенія, или, наоборотъ, чисто-народную пѣсню, которою, въ такомъ случаѣ, воспользовался, какъ материаломъ, Пушкинъ. За первое предположеніе, казалось бы, ручается довольно необычная для народной пѣсни правильность ритма и несколько подозрительное слово «шица», да еще съ эпитетомъ «кровавая». Однако, отсутствіе рифмы именно въ той части пѣсни, которая совпадаетъ съ Пушкинскимъ текстомъ, говоритъ, какъ будто, обѣ обратномъ. Къ тому же, правильность ритма — отнюдь не рѣдкость для тюремныхъ пѣсень; во всякомъ случаѣ, въ нихъ она встречается чаще, чѣмъ въ какихъ-либо пыльныхъ (если только не считать частушекъ, писущихъ въ, пожалуй, солдатскихъ пѣсень).

Такимъ образомъ, не дѣлая никакихъ категорическихъ утвержденій, мы просто отмѣляемъ этотъ, исполненный интереса фактъ.

М. Богдановичъ.

Стихотвореніе Н. Данилевскаго
на смерть Пушкина.

Рукопись носитъ заглавіе: «Александръ Пушкинъ. — Шародія на Оду его: Наполеонъ. Стихотвореніе Николая Данилевскаго. *Sunt aliquid tam: letum non omnia finit; Luridaque evictos effigit imbra radoz. Propertius.* — Москва 1837». На тетради голубоватой писчей бумаги, на которой написано стихотвореніе, помѣты Цензурного Комитета: «Г. Цензору Снегиреву. № 139. Поступила Марта 5 дня 1837 года» и архивный шифръ: Ареопальская башня. Полка 13. Издѣліе 35—8. Ордеръ 726». На оборотѣ 1-го листа рукой автора написано: «Сия рукопись, подъ заглавіемъ: *Александра Пушкина* представлена на разсмотрѣніе Московскаго Цензурного Комитета самимъ Авторомъ, Николаемъ Данилевскимъ, жительствующимъ на Большой Пресненской улицѣ, изъ дома бывшемъ Муратова, а нынѣ Гамнельть. Февраля 23 дня 1837 года». Передъ стихотвореніемъ — листъ со священіемъ: «Василію Васильевичу Логинову! усердѣйше посвящаетъ: Сочинитель Н. Д.».

Сомнѣнія позора (Снегирева), какъ видно по помѣткамъ красными чернилами, вызвали слѣдующія мѣста этой пѣсни,— конечно, весьма слабой съ точки зрѣнія формы и содержания, но представляющей цѣнность, какъ отзывъ одного изъ почитателей на смерть поэта:

1) И въ душахъ съ тайной благостию
Всѣ обожали гений твой!..

- 2) Розанъ напишишь,—разнесется
О немъ тотчасъ въ народѣ гуть;
Онъ спасывается, клацаетъ...
- 3) Когда въ разгулѣ, на свободѣ...
4) Сознавшишь всѣль—ты подгубой!...
- 5) Всего лѣтъ тридцать семи памы
При бѣлкомъ тѣлѣ, ты мечталъ,
Что дожинешь до лѣта Кашея:
Но поздно свой обманъ узралъ...

Помѣты о запрещеніи пѣсни на рукою си нѣть; — но въ свѣтѣ она, вслѣдствіе извѣстныхъ распоряженій Уварова, падала не была; впрочемъ, уже по самому нахожденію ея въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета въ группѣ запрещенныхъ рукописей, видно, что она не была разрѣшена къ напечатанію. Намъ она сообщена А. А. Душинскимъ, съ любезнаго разрѣшенія коего здѣсь и печатается.

B. Модаловскій.

Свершился жребій певчаго,
Угласъ великий наинъ Петь;
Уже любимица позаселенной
Въ подгунюща мірѣ петь—какъ петь!
Могучий Гений Стихотворства
Звѣздой надушею изчезъ
И благодарное потомство
Почтить его истокомъ слезъ...
О ты, чья память величала
Въ Россїи долго будеть жить,
Прюбѣшеной твоей славой,
Почай!... твой часъ уже пробитъ!...
Великолѣпная могила!...
Надъ урной, где твой прахъ лежитъ,
Прязнательность сердца почила
И лучъ безсмертія горитъ!...
Когда цветущую пору
Возкрѣплю ты свои зефты
И полною страстей красою
Свободу разукрасилъ ты;

Когда, удвоикъ взлетъ Имагаса,
Ты вольнодумецкаяль въ стихахъ
И живописаго Кавказа
Жилъ въ очарованыхъ странахъ;
Тогда, влекомый чудной силой,
Отступникъ воли удалой,
Легкъ душой къ Отчинѣ милой,
Къ странѣ родимой и святой!...
Тогда, откинувъ мысли въ Лету,
Волшебнымъ геніемъ своимъ
Трудовъ плодъ первый выдалъ свѣту
Ты съ чувствомъ пылкимъ и живымъ...

И пролетѣлъ *Кавказскій пѣвчина*:
Чрезъ міры, какъ шумный метeоръ;
И Русскій и испоплеменникъ,
Благословляли дѣву горы,
Плѣнились яснымъ, чистымъ слогомъ,
Красивымъ оборотомъ словъ,
Который былъ еще такъ нѣтъ,
Исполражаемъ въ смыслѣ строгомъ;
Чудились надъ ума игрой
И мыслей дивною картиной,
И въ душахъ съ тайной благостной
Всѣ обожали геній твой!...

И выше-выше возпарилъ
Своимъ торжественнымъ умомъ,
Ты вдругъ *Фонманъ Бахчисарай*
Разрисовалъ своимъ стихомъ...
Съ какпѣтъ магическимъ искусствомъ
Ты окисаль Гарема дѣвъ;
Неволю ихъ, границу чувствамъ,
Ихъ обольстительный пантъ.
О какъ твой образцовъ гений
Поетъ печальнью ихъ жизни,
Ноздѣлъ ихъ чары сповидѣній
И ихъ любовь безъ укоризны!
Евнухояхъ хладныхъ равнодушье
Къ ихъ осѣживательнымъ красамъ
И по полуночныхъ часамъ
Невольшигъ сонное удрученіе,—

Какъ передать волшебно памы!
И какъ изъительна Марія,
При страсти кылкой и живой,
Когда она, во тьмѣ ночной,
Вдругъ говорить слова такія:
«Отдай Гиря мнѣ—онъ мой!...
Но всегда за тѣмъ твореній
Пришел новый образецъ:
Онъженъ съ именемъ Евгений,
Какой то лысый удачецъ,
И хватъ, и франтъ, и волокита,
Пасельщикъ всѣхъ своихъ родныхъ,
Помѣщикъ, баринъ домовитый,
Всѣмъ—очертія стоїтъ твої стихъ.
Ты ощущаешь быть деревенской,
Натуру взять за идеалъ,
И живопись натуры сельской
Въ стихахъ отлично передать...
Дивилася светъ... вигевато,
Такъ сладкоозвучно ты писалъ!...
Какъ вдругъ—*Разбойники изъ братца*
Съ какой то спѣшиностью издалъ:
И тутъ—въ проблескѣ небреженья,
Въ какой то блѣгости шара,
Все видѣніе бывъ талантъ творенія,
Плодъ стихотвориаго добра!
За тѣмъ—на покрище ты міра
Въ Россіи вывелъ и *Цыганъ...*
Ахъ, какъ мила твоя Земфира,
Какъ миль неопытный обманъ!...
Но я не стану всѣхъ твореній
Здѣсь изчислять: ихъ много есть.—
Хвала тебѣ великий Геній!
Хвалат Хвала и слава, честь!
Романсы напишешь,—разнесется
О немъ сейчасъ въ народѣ гулъ;
Онъ списывается, кладется
Прелестной дѣви въ ридикюль:
Она поеть его съ искусствомъ,
Бранча на арфѣ золотой

Или на фортепиано съ чувствомъ.,
О какъ завиденъ жребій твой!...
Нерѣдо и для туалета
Твой стихъ необходимъ у барь:
Стихи любимаго Поэта
Красавицамъ есть лучшій даръ!...
По что!... досель еще въ народѣ
Поются пѣсни на твой складъ;
Когда въ разгуль на свободѣ—
Ихъ обнимаютъ Дядь и Ладъ:
«Вотъ мчится тройка удалая,
«Вдоль по дорожкѣ столбовой!...
Постъ крестьянка молодая
Подъ вечеръ, въ праздникъ храмовой;
Или въ блестаніи почты лесной
Задумчиво поетъ въ мечтахъ:
«Подъ вечеръ осеня нечастной
«Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ!...
Всѣ отъ высокаго чертога
Вельможъ Царевыхъ, Русскихъ барь,
до сельскія избы порога
Любили твой безсмертный даръ...
Въ свое блестательное счастье
Ты, Пушкинъ, вѣроваль душой;
Тебя пленяло всѣхъ пристрастіе
Разочарованной красотой:
Ты вышукавъ на ѿчины света
Труды таланта и ума,
Стихи первѣшаго Поэта,
Какъ кладъ на вѣчны времена!...
И се—съ величью геніальными
Въ Европѣ славой ты гремѣшъ,
И ко предѣламъ смысли дальными,
Твой даръ безсмертный долетѣшъ!
Но всегда, какъ Поэтъ любимый,
Ты лавры чести пожинаешь;
Но всегда уважаемъ, чтимый,
Земнос счастье обнимашъ!...
Зонъ мозгачъ, не смѣя пискнуть,
И туть изъ критиковъ, кто могъ—

Тебя хулить,—быть долженъ стихнуть,
Сознавшиесь весьмъ —ты полубогъ!...

О Генай! о Пoэтъ избранцой!
Кто омрачилъ твой дивный умъ?
Какъ не носить кончины ранной!
Ты съ высоты прекрасныхъ думъ!
Всего лтгъ тридцать семь летъ,
При крѣпкомъ тѣлѣ, ты мечталъ,
Что доживешъ до лтгъ Кащея:
Но поздно свой обманъ узнать...
Всегда исполненный желаній—
Къ трудамъ предивного пера,
Ты не докончилъ и лтгъ ии,
Великаго Цара Петра!...

Увы! все въ мрѣ семъ такъ тѣхни
И такъ же смерти, какъ и и;
Судебъ законы непрѣзини:
Коснулась смерть и — итъ тебя!...

И на кладбищѣ, въ честь досуга,
Твою могилу посетить—
Съ дѣтьми вдовы, твоя супруга,
И прахъ слезами оросить;
А въ слѣдъ и всѣ, кой имѣютъ
Къ тебѣ признателны сердца,
Съ тоской души взлагаютъ
Надъ прахомъ дивнаго пѣвца!

Да будешь омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день—
Безвиннымъ омрачитъ укоропъ
Его прославленную тѣшы!...

Хвала! Онь Русскому народу

Стихонъ путь новый указать,

Ихъ важность, стройность и свободу

Съ кончайной жизни забыть!!!...

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТР. 12.

Среди замѣтокъ этого периода (1830—31 г.г.), сохранившихся въ бумагахъ Пушкина, есть «Китайскій анекдотъ» о трагикѣ Фань-хе и романистѣ Фо-хи. Нельзя не поставить въ связь этихъ именъ съ именами героевъ «Генеалогистовъ»: Чангъ-хе (Chang-ho) и Фо-хи (Fo-hi).

П. Ильинцевъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

<p>А. (см. также С. Т. Аксаковъ), 91.
 Августъ, Имп., 89.
 Австрия, 44.
 Aegle, 101.
 А. И., 75.
 Академія Наукъ Императорская, 80.
 «Акасиѣ Е. Н. Карамзиной», стих. А. С. Пушкина, 1—2.
 Акнерманъ, гор., 31.
 Аксаковъ, Сергѣй Тимофеевичъ, 91, 91.
 Айтбекъ, 99—101.
 Александъ I, Императоръ, 35.
 «Александръ Пушкинъ—Пародія на одну его: Наполеонъ. Стихотвореніе Николая Данилевскаго», 111.
 «Александръ. Пастушеская повѣсть» Леонарда, 75.
 Алексѣевъ, 67.
 Алексѣевъ, Николай Степановичъ, 36.
 «Almanach des Muses pour l'An XI», 59.
 «Amelia Wentworth» (Амелія Уентворт), пьеса Бара Корнуолла, 7.
 Анареополь, 96, 102.
 «An Invocations» (Заклинаніе), стих. Бара Корнуолла, 17—19.
 «Аналы» Талрита, 79.
 Анищенковъ, Навель Васильевичъ, 5—6, 20, 59, 62, 83, 102.
 «Anthologie Francaise» 1816, 57—59, 61—62, 86.
 Антоновскій, М. И., 35.
 «Апологія въ четверостишіяхъ» П. П. Диригера, 86.</p> | <p>Arnaud, 57.
 Arnaud, Baculard д', 58.
 Arnaud, Fr., abbé, 57—58.
 Arnaud, 57.
 Arnault, Antoine-Vincent, 57, 59, 70—81.
 Аррасъ, гор., 89.
 Арсенальная башня, въ Москвѣ, 111.
 «A sea-shore echo» (Пробрежное эхо), стих. Барн Корнуолла, 22—24, 26—27.
 «A zon amant Eglé sans r esistance», эпиграмма А. С. Пушкина, 101.</p> <p>Багратионъ, князь Петро Ивановичъ, 26.
 Байронъ, 13—14.
 Балины, 82.
 Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевичъ, 38—39, 44—46.
 Барсуковъ, Николай Платоновичъ, 94.
 Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, 83.
 «Вадъ», сборникъ стих. Яоина Секунда, 60—61.
 Бастилія, 62, 88, 90.
 Батюшковъ, Константиносъ Николаевичъ, 63, 105.
 Бахтия, Иванъ Ивановичъ, 67.
 «Бахчисарайскій Фонтанъ», поэма А. С. Пушкина, 108.
 «B elisaire», романъ И. М. Гара, 74.
 Бемъ, Альфредъ Людвиговичъ, 107.
 Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ, 40.
 Беотіа, 100.
 «Белка», поэма Байрона, 13—14.</p> |
|---|--|

- Беркен, 74.
 Берлин, гор., 100.
 Бёрнс, Робертъ, 25—27.
 Besnier, 99.
 Бессарабія, 30—32, 36, 38—41, 45—48, 54.
 «Бесѣдующій Гражданинъ», журналъ, 108.
 «Bibliographie de France», журналъ, 71.
 «Библиотека для Чтенія», журналъ, 26.
 Библиотека Императорской Академіи Наукъ, Рукописное Отдѣленіе, 106.
 Библиотека Императорская Публичная, 37.
 Библиотека А. С. Пушкина, описание ея, 6, 26, 48, 69, 78—79, 86, 88—89, 91, 96.
 Бикерманъ, И., 70—72.
 Благой цѣлъ Кипра, 49.
 «Благонамѣримый», журналъ, 80.
 Blanchemain, Prosper, 61.
 Богдановичъ, Ипполітъ Федоровичъ, 106.
 Богдановичъ, М., 110.
 Бона, гор., 31.
 Боккаччо, 18.
 Болгарія, 32.
 Бодрино, с., 5, 7, 14, 17.
 Большая Прѣсенская улица, 111.
 Бонапартъ, 79.
 Борис Годуновъ, 91, 98.
 Боровское, с., 109.
 Бофоръ, герцогъ де-, 87—89.
 Боулье, б.
 Бретткопф и Гертель, издаательство, 32.
 Бронгаузъ и Ефронъ, издаательство, 56, 66, 68, 92—93, 98, 101.
 Брутъ, 93—94.
 Брюсова, З. М., 67.
 Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 13, 85, 98.
 Буало, 62.
 Будде, Евгений Федоровичъ, 104, 107.
 Будиши, гор., 34, 41, 48.
 Булгаринъ, Оаддей Венедиктовичъ, 35.
 «Бура, изъ Леонара», 75.
 Бѣлградъ, гор., 31—34, 37, 39, 41—42, 44—46, 49—50, 54.
 Вадахі, 32, 88, 41.
 Вальево, гор., 54—55.
- Вандомъ, Франсуа де-, 88.
 Веборъ, Карла-Марія, 79.
 Великіе Сорочинцы, с., 55.
 Велікое ущелье, 49, 52, 54—55.
 Венгеровъ, Семенъ Аполлоньевичъ, 2, 13, 30, 38, 43, 76, 92, 103.
 «Venitius ou Blanche et Montcassin», трагедія А. В. Арно, 70.
 «Верблудъ и Носорогъ», стих. И. Н. Димитрева, 81.
 Vermandois, графъ де-, 87, 89.
 Верховскій, Юрій Никандровичъ, 85.
 «Веселый пиръ», стих. А. С. Пушкина, 83.
 «Вечерняя Зара», журналъ, 35.
 «Взглядъ на кабинеты журналовъ», статья М. Н. Ногодина, 93.
 Видонъ, 94.
 Вильменъ, 76, 80.
 Вильсонъ, 5—6.
 «Воевода Милошъ», стих. А. С. Пушкина, 39, 47.
 «Войнаровскій», дума К. Ф. Рыльевъ, 106.
 «Вольность», ода А. С. Пушкина, 71.
 Вольтеръ, 87—92.
 Востоковъ, Александръ Христоторовичъ, 96.
 «Все мое—сказало злато», стих. А. С. Пушкина, 56.
 Второвъ, Иванъ Алексеевичъ, 75.
 Вундеманъ, М. 41, 54.
 Вульчевичъ, Вучичъ, 54.
 Вучичъ, воепода, 36, 39.
 «Вчера, смотря быстро на рѣчу», стих. гр. Д. Н. Хвостова, 67.
 «Вѣстник Европы», журналъ, 35, 76, 81.
 «Въ лѣсахъ Гаргари счастливой», стих. А. С. Пушкина, 99.
 Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, 65, 71, 80—82, 84, 86, 93, 108.
 «Гавриліада», поэма А. С. Пушкина, 98.
 Гаевский, Викторъ Павловичъ, 20, 22, 26.
 Hamilton, 68.
 Гампелъ, домовладѣлецъ, 111.
 Гардъ, Жанъ-Пьеръ, 74.
 Гаргарікъ, 99—100.
 «Генеалогисты», поэма Барні Корнуолла, 8, 11—12, 117.

- Гербіца, дер., 53.
 Германія, 32, 66.
 Gerhard, W., 81—82, 48, 45, 52.
 «Germanicus», трагедія А. В. Арно, 80.
 «Гудзъ» (Тигесъ), поэма Барні Корнуолла, 8—9, 11—14, 16.
 Goetze, von F., 39, 46.
 Геснеръ, 74.
 Г. И., 99.
 «Глухой глухого звалъ», стих. А. С. Пушкина, 56, 59, 68.
 Гійтдичъ, Николай Ивановичъ, 89.
 Голландія, 61.
 Гомеръ, 79.
 «Гости съезжаются на дачу», отрывокъ А. С. Пушкина, 91.
 Грекуръ, 77.
 Грибоедовъ, Александръ Сергеевичъ, 75.
 Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ, 72.
 Гурзуфъ, 29.
 «Голистанъ», Саади, 108.
 Даудова, Агаса Антоновна, 101.
 Даудовъ, Ленись Васильевичъ, 77, 81, 82, 87.
 Даннілевскій, Николай, 111—116.
 Дельвікъ, баронъ Андрей Ивановичъ, 93.
 Дельвікъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 93.
 Demoustier, 59.
 «День», газета 76.
 «Деревня», стих. А. С. Пушкина, 84.
 Desorgue, 71.
 Джуринъ, 31.
 Диана, 99—101.
 «Діего де Монтілья», поэма Барні Корнуолла, 8—15, 27—28.
 «Dictionnaire philosophique», 89—90.
 Дмитревъ, Иванъ Ивановичъ, 62, 80—82, 86.
 Доброловъ, 109.
 «Договоръ съ Ниссю», стих. В. Л. Пушкина, 67.
 «Доминъ въ Коломиѣ», поэма А. С. Пушкина, 7—8, 9—11, 13.
 «Донъ-Жуанъ», поэма Байрона, 14.
 Dorat, 61.
- «Дочери Карагоргія», стих. А. С. Пушкина, 87, 40—41.
 «Dramatic Scenes», Барні Корнуолла, 6.
 «Драматические сцены» Барні Корнуолла, статья М. Михайлова, 6.
 Дружининъ, Александръ Васильевичъ, 25—26.
 «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтви родимой», стих. М. Ю. Лермонтова, 87.
 Думитъ, Арсений Аркадьевичъ, 112.
 «Душенка», поэма И. О. Богдановича, 106.
 «Дѣти годы Багрова-внука», С. Т. Аксакова, 91.
 Дюсі, 80.
 Dufresny, 67—68, 70.
- «Евгений Онѣгінъ», поэма А. С. Пушкина, 70, 108, 114.
 Everaerts, Jan (Janus Secundus), 60—61.
 Egіб, 101.
 Екатерина II, Императрица, 106.
 Econichard-Lebrun, 71—72.
 Еланчикъ, І. А., 9, 12—13, 15—16, 19, 23, 28.
 «Еписей», поэма В. Н. Майкова, 105.
 Елисаветскій уѣздъ Смоленской губ., 109.
 «Epigramme» (Un sourd fit un sourd ajourner), Pellisson'a, 60.
 Ефремовъ, Петръ Александровичъ, 92, 106.
 «Jeu de Paume», ода А. Шенье, 71.
 «Желѣзная маска», замѣтка А. С. Пушкина, 87—92, 95.
 Женева, гор., 62.
 Женевское озеро, 77.
 «Je t'aime tantъ», романъ Ж.-П. Гара, 74.
 Живиковичъ, поэзода, 96.
 Жуковскій, Василий Андреевичъ, 66, 74, 77, 81—82, 87, 96—98.
 Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, 91.
 «Заклинаніе», стих. А. С. Пушкина, 17.
 «Записки Моро де Бразе», 69.
 «Золото и желѣзо», стих. А. Д. Илличевскаго, 56, 58.

- И., А., 76.
Ида, гора, 100.
Изамаль, гора, 81.
Ильинъ, 81.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ, 56, 58—59.
Ильинъ, Иванъ Никитичъ, 29.
«Иппокрена или уѣхѣ любословія», журналъ, 74.
Испаніи, князь Александръ, 33, 36, 77.
«Ирландскія мелодіи», Т. Мура, 20.
«Исторія Русскаго Народа», Н. А. Полевого, 93.
Ишкова, Александра Осиповна, 5, 7.
«Imitation de Pétarque», А. В. Арно, 84.

«К*** (Щастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный)», стих. А. С. Пушкина, 73.
К., Г., 99.
Каблуково, с., 109.
Кавказъ, 30.
Казань, гор., 105.
Калигула, 69.
Каменка, с. 36.
«Каменный Гость», А. С. Пушкина, 6, 91.
Каменскій, графъ Михаилъ Федотовичъ, 86.
Кандія, остр., 89.
Кантемиръ, Антохъ Дюкідовичъ, 61.
Карагеоргій (Георгій Петровичъ) 31—35, 37—47, 54—55.
Карагеоргій, Алекс., господарь, 31.
Караджичъ, Вукъ, 32, 34, 37, 41, 46, 48—50, 52—54.
Карамзина, Екатерина Николаевна—см. Мещерская, Е. Н.
Карамзина, Софія Николаевна, 1—3.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ, 1.
Катаро, гор., 81.
Катуль, 102.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ, 74—75.
Кашинъ, 52.
Кегаї-Паша, 50.
Кисолевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, 36.
- Кишиневъ, гор., 29—32, 35—37, 39, 40, 47.
Кіевъ, гор., 36, 43, 47.
«King Death», пѣсня Бари Корнуолля, 6.
Клейнмихель, графиня Екатерина Петровна, рожденная княжна Мещерская, 1.
Козминъ, Николай Кировичъ, 5.
Colletet G., 08.
Колубара, 55.
Комитетъ Общественнаго Спасенія по Франціи, 78.
Корнуолль, Барнъ, 5—8, 10—11, 16—17, 19—20, 22, 24—27.
Корсь, Федоръ Епгеньевичъ, 84.
Ностроно, Фаддей, 77.
Ноттень, 58.
Красненскій уѣздъ Смоленской губ., 109.
Краснопольскій, Н. 91.
Крушево, гор., 31.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, 70.
Крымъ, 29—30.
Кулаковскій, Платонъ Андреевичъ, 40, 47.
Иутузовъ, князь Михаилъ Илларіоновичъ, 36.
«Къ Овидію», стих. А. С. Пушкина, 89.
«Къ сестрѣ», стих. А. С. Пушкина, 68.

Лабанъ, Александръ Освободовичъ, 75.
«L'Absence», романъ А. В. Арно, 78.
Лавровъ, Истръ Алексѣевичъ, 31, 36, 40—41, 43, 47, 54.
Лагарпъ, 78.
«La Dunciade», поэма Palissot, 63.
Лазаревичъ, 51.
«La belle endormie» (Мідніопн., levez-vous, dÃ©jÃ la belle Aurore), сонетъ G. Colletet'a, 68.
Labourer, Louis, 62.
«L'amant Umide», элегія Leonard'a, 75.
«La solitude», стих. А. В. Арно, 59, 86.
«La statue renversée», стих. А. В. Арно, 86.
Лафонтьевъ, 79.
Лейбніцъ, гор., 31—32, 39, 40, 46.
«Le Contrat», стих. Dufresny, 67.
«Le Ménestrel», романъ Ж.-Н. Гара, 74.
«Le Mercure», журналъ, 70.

- «Le Miroir des Spectacles, des Letters, des Moeurs et des Arts», журналъ, 79.
Лемонте, 80.
Léonard, Nicolas-Germain, 74—76.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, 87.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 2, 7, 25, 40, 56—57, 60—61, 63, 72, 101—102.
«Les lendemains», стих. Dufresny, 67.
«Les plaisirs du rivage», стих. Леонара, 75.
«Les trois sourds» (Un sourd fit un sceau assigner), стих. Saint-Gelais, 61.
«Les Veillées des Muses», журналъ, 79.
Ліпранди, Итанъ Петровичъ, 35—36, 39.
«Листокъ», стих. А. В. Арно, 57, 77, 80.
«Листокъ», стих. Д. В. Даудова, 81—82.
«Листокъ», стих. Л. С. Пушкина, 87.
«Листокъ», стих. князя Шаликова, 81.
«Листочекъ», стих. В. А. Жуковскаго, 81—82.
«Листочекъ», стих. В. Я. Пушкина, 81.
«Литературная Газета», 91—94.
Лицей Императорскій, 56.
Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ, 58.
«Love cured by Kindness» (Любовь излечила синехожденіемъ), пьеса Барнъ Корнуолль, 7.
Логиновъ, Иасинъ Васильевичъ, 111.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, 105.
Лортахъ, 61.
«Лоренца Юлий», Леонардъ, 75.
«Ludovico Storza» (Людовикъ Сфорца), пьеса Барнъ Корнуолль, 7.
Лъзовъ, Напол. Юрьевичъ, 74—75.
«Лѣтопись Юго-Славянской Академіи», журналъ, 34.
«Любомытный», эпиграмма А. С. Пушкина, 64.
Людовикъ XIV, 62, 87.
Людовикъ XVIII, 78.
«L'ouïe et agréable almanach amusant», 62.
Лященко, Аркадій Ісаакімовичъ, 72.

«Магнитъ и желѣзо», стихотв. И. Н. Димитриева, 81.
Магнусъ, Гуго, 100.
Мазарини, 88.
- Майдовъ, Василій Ивановичъ, 105.
Майдовъ, Леонидъ Николаевичъ, 40, 55, 88.
Македонскіе, браты, 36.
Малая Азія, 100.
Маленикъ, А. І., 102.
«Мальчику», стих. Катуалъ, 102.
«Мальчику», стих. А. С. Пушкина, 101.
«Мальчиши Фебу гимнъ подиесь», эпиграмма А. С. Пушкина, 59.
Маргариты съ, острот., 83.
Маріца, р., 42.
«Marie, levez-vous, vous êtes paresseuse», поэтич. Ronsard'a, 68.
«Марія въ Минутуринѣ», трагедія А. В. Арно, 78—80.
Мармонтель, 56.
Maret, 62.
«Марсельеза», 72.
Марціаль, 101.
Масловъ, Георгій, 98.
«Матросъ, изъ Леонарда», 75.
Мерзляковъ, Алексѣй Федоровичъ, 94.
Мериме, Просперъ, 52.
«Метаморфозы» Овидія, 100.
«Метель», повѣсть А. С. Пушкина, 84.
Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна, рожденная Карманова Е. Н., 1—4.
Мещерская, княжна Екатерина Петровна—см. Клейнмихель, графиня, Е. Н.
Мещерскій, князь Петъръ Ивановичъ, 2.
Миллесенъ, М., 39, 42, 46, 51.
Миломовъ, Михаилъ Васильевичъ, 75.
Милутиновичъ, Сима—см. Сараїба.
Мильонъ, авт., 5.
«Минуты Трудолюбца», журналъ, 75.
Мірабо, 61.
Михайловское, с., 84.
Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ, 6.
Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ, 36.
«Мѣт бой знакомыя», стих. А. С. Пушкина, 38.
«Мітніе Лобанова...», статья А. С. Пушкина, 58.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 4, 6, 26, 34, 48, 69, 78—79, 80—88, 96, 112.

- «Модное Ежемесячное Издание или Библиотека для Дамского Туалета», журналъ, 75.
- Молдавія, 29, 32, 38, 44.
- Мольеръ, 27.
- Montaigne, дис de, 89.
- Моро де Бразе, 68.
- Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 57, 88, 90, 101.
- Москва, гор., 33, 75, 86, 94, 99, 108, 111.
- «Московскій Вѣстникъ», журналъ, 91—95.
- Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, 2, 38, 63, 73, 85, 91.
- «Московскій Телеграфъ», журналъ, 48, 58, 30.
- Московскій Цензурный Комитетъ, 111—112.
- «Московскія Вѣдомости», газета, 92.
- Мостарь, гор., 31.
- Моцартъ, 70.
- «Моцартъ и Сальери», А. С. Пушкина, 6.
- «Моя родословная», стих. А. С. Пушкина, 14.
- Муратовъ, домовладелецъ, 111.
- Муръ, Томасъ, 20—22, 24.
- Мутафъ, 49.
- Montonet de Clairfons, 61.
- Мюссе, Альфредъ, 18.
- Надеждинъ, Николай Ивановичъ, 59.
- «На кончину ***», стих. В. Л. Пушкина, 59.
- «Намуна», поэма А. Мюссе, 13.
- Наполеонъ I, 79, 111.
- «На смерть пастушки», стих. А. Д. Ильинскаго, 59.
- Незеленовъ, Александръ Ильинъ, 40.
- «Нельзя о поэтии стерпѣть твоихъ инѣхъ вѣркъ», эпиграмма Д. И. Хвостова, 65.
- Ненадовичъ, 36.
- Neuchâtel, François de, 65.
- «Непророжденный истуканъ», стих. Арио, переводъ кн. П. А. Вяземскаго, 86.
- «Новая Клементина, или письма Генріэтты до Бервиль» Леопара, 75.
- «Nouvelle Bibliothèque de ville et de campagne», 62.
- «Образъ», стих. А. С. Пушкина, 25—27.
- Обреновичъ, Мишо, книга, 52—54, 57, 39, 41, 46—52, 54—55.
- Овидій, 89, 91, 100.
- Осанинско-Куликовскій, Дмитрій Николаевичъ, 25.
- «О лекзаметрахъ Мерзлякова», эпиграмма А. С. Пушкина, 94.
- «Ode au vaisseau le Vengeur» Ecouichard Lebrun'a, 71.
- Одесса, гор., 31—32, 36, 40.
- Озеровъ, Вл. 67.
- Оксманъ, Юліанъ Григорьевичъ, 95.
- «О предисловіи г-на Лемонте», статья А. С. Пушкина, 80.
- «Опытъ русской антологіи», М. Яковлева, 58.
- «Опыты въ антологическомъ родѣ» А. Д. Ильинскаго, 56, 58—59.
- «Орёл и капуцинъ», стих. И. И. Дмитрева, 81.
- Орловъ, графъ Григорій Владимировичъ, 60.
- «Осень», стих. А. С. Пушкина, 7.
- Оссіанъ, 31, 73.
- «Остафьевскій Архивъ», 82—83.
- «Отечественный Записки», журналъ, 3, 20, 33, 46.
- «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», статья А. С. Пушкина, 73—75.
- Palissot, 63.
- Парижъ, гор., 5, 52, 58, 69, 84, 86, 88.
- Парижъ, 74.
- Пастранацъ, Симонъ, 49, 51.
- Паули-Виссова, 99.
- Pellisson-Fontanier, Paul, 59—63.
- Переписка А. С. Пушкина, 84, 93.
- «Перчатка», баллада Шиллера, 66.
- Петербургъ, гор., 34—35, 40, 46, 48, 74—75, 82, 91, 99, 106.
- Петрарка, 84.
- Петровій, 102.
- Петръ, 4, Императоръ, 116.
- Пиго-Лебръ, 72.
- «Пиковая Дама», поэма А. С. Пушкина, 70.
- Пиндаръ, 71.

- Платонъ, гор., 99.
- «Погасло дневное свѣтило», стих. А. С. Пушкина, 108.
- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, 48, 93—94.
- «Подражаніе арабескомъ», стих. А. С. Пушкина, 109.
- Полевой, Николай Алексеевичъ, 91, 93.
- Поливановъ, 57.
- Поливановъ, Левъ Ивановичъ, 21—22, 99, 102.
- Rois de Verdun, 59, 65.
- «Послушай, дѣдушка, мнѣ нааждъ разъ», стих. А. С. Пушкина, 57, 96.
- Постумія, 102.
- «Пощукунъ», сборникъ стих. Иоанна Секунда, 61.
- «Прѣятное и полезное препровожденіе времія», журналъ, 75.
- Превансій, графъ, 78.
- Превансъ, мѣсто, 88.
- Произоровскій, кнізъ Александръ Александровичъ, 36.
- Прокторъ, Брайъ Уаллеръ, 5.
- «Прокомъ и Гормица», стих. И. И. Дмитрева, 62.
- Poijade, Vicomte de, 69.
- «Pour une cabane isolée», стих. А. В. Арио, 84, 86.
- «Путешествіе въ замокъ Сирей», К. Н. Батюшкова, 63.
- Пушкинъ, Александръ Сергеевичъ, 1—3, 5—7, 10—11, 13—14, 17, 19—20, 22, 24—27, 29—32, 34—50, 61, 63—81, 83—111, 117.
- Пушкинъ, Василій Львовичъ, 59, 67, 81, 86.
- Пушкинъ, Левъ Сергеевичъ, 20, 87.
- «Пушкинъ и его современники», академическое издание, 2, 6—7, 40, 55, 70, 84—85, 87, 96, 103.
- «Пью за здравіе Мері», пѣсъ «Иира во время чумы» А. С. Пушкина, 6.
- «Пѣсни Барда Игона Морса, изъ Леонарда», 75.
- «Пѣсни Западныхъ Славянъ», А. С. Пушкина, 82, 99, 46, 47.
- «Пѣсня изъ Леонарда», 75.
- Сади Шираскій, 108—109.
- Сабуровъ, Л., 94.
- Сава, р. 42, 44.
- Сантось, Владимиръ Ивановичъ, 40.
- Saint-Gelais, 61.
- Сараево, гор., 31—32.
- Сарайлік, Сима Минутиновичъ, 31—32, 36, 43—44, 47, 55.
- Сборникъ 2 Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, 80, 104.
- Светоній, 89.
- Свінінъ, Павелъ Петровичъ, 83, 46.
- Севастьяновъ, И., 75.

- Secondus, Janus (Jan Everaerts)*, 60—61.
Selections from the Edinburgh Review, 6.
 Семенниковъ, Влади́мир Петровичъ, 109.
 «Сен-Марсь», 88.
 Сербія, 32—36, 38, 41, 46—49, 52—55.
 «Сербянка», поэма Симеона Милутиновича Сарафля, 31, 43, 47—48.
 Симон, 61.
 Симоновичъ, воевода, 31.
 «Сны, что нового», эпиграмма А. С. Пушкина, 64—65.
 «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ» А. С. Пушкина, 39—40.
 Снотъ, Нальтеръ, 6.
 Сирий, 76, 79.
 «Скупой Рыцарь», А. С. Пушкина, 6.
 Смедерево, гор., 31.
 «Смоленскій этнографический сборникъ», 109.
 Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ, 111.
 «Современникъ», журналъ, 5, 7, 76, 87, 91.
 Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, 108.
 Солиманъ-Паша, 49—50.
 «Сонетъ», стих. А. С. Пушкина, 92.
 «Сонъ», стих. А. С. Пушкина, 104.
 Сочиненія А. С. Пушкина, академическое изданіе, 78, 99—101.
 Сочиненія А. С. Пушкина, изданіе подъ редакціей С. А. Бенгерова, 2, 18, 30, 38, 43, 56, 66, 68, 78, 92—93, 98—99.
 Сочиненія А. С. Пушкина подъ редакціею П. А. Ефремова, 92.
 Сочиненія А. С. Пушкина подъ редакціею И. О. Морозова, 92.
 Сочиненія А. С. Пушкина подъ редакціею Л. И. Поливанова, 22, 99, 102.
 Сочиненія А. С. Пушкина, изданіе «Профспѣщенія», 92.
 «Spectateur du Nord», журналъ, 74.
 Спенсеръ, англ. поэтъ, 8.
 С. С., 92.
 Степановичъ, 13, 47.
 «Стихи на прибытие Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы
- Екатерины Алексеевны обратно изъ Москву изъ Киззани, до которой было шествие Волгою на галерахъ, 105—106.
- Стояновичъ, Давидъ Ивановичъ, 36.
 «*Surdum judicium* (Cum surdo lis est surdo sub judice surdoi), стих. Иоанна Секунда, 60.
- Сухотинъ, Павелъ, 67.
 «Сынъ Отечества», журналъ, 33, 46, 81.
 «Свѣтлая Минерва», журналъ, 50.
 «Сѣверные Цѣты», альманахъ, 64—65, 75, 93.
 «Сѣверъ», издательство, 59.
 «Sur la mort d'une jeune fille de la campagne», стих. Demoustier, 59.
 «Sur les Suisses revoltés», ода А. Шенце, 71.
- Таково, гор., 33, 50.
 Таций, 89.
 «Тебѣ пѣщу, тебѣ героя», послание А. С. Пушкина Д. В. Давыдову, 77.
 «Тереза и Фальден», или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ Лондонѣ, Альвара, 75.
 «The Falcon» (Соколъ), драматический отрывокъ Бары Корнуолли, 6—7.
 «The Flood of Thessaly» (Фессалийский потопъ), поэма Бары Корнуолли, 8.
 «The Genealogists. A Fragment» (Генеалогисты. Огрызыки), поэма Бары Корнуолли, 8, 11—12, 117.
 «The Way to conquer» (Средство побѣжидить), пьеса Бары Корнуолли, 7.
 Tissot, 61.
 «Тѣлѣнность», стих. В. А. Жуковского, 96—98.
 Томашевский, Борисъ Викторовичъ, 72.
 Трикѣ, изъ «Евгения Онѣгина» А. С. Пушкина, 67, 70.
 «Три ключа», стих. А. С. Пушкина, 1, 3.
 Трубицынъ, Николай Николаевичъ, 55.
 «Труды Общества любителей Российской Словесности», журналъ, 81.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, 82.
 Тургеневъ, Сергей Ивановичъ, 83.
 Тучковъ, Сергеѣвъ Алексѣевичъ, 103.

- «Уединеніе», стих. А. С. Пушкина, 83—86.
 Ужицы, гор., 31.
 «Узники», стих. А. С. Пушкина, 109.
 «Удай», журналъ, 80.
 «Умирающій Тассъ», стих. К. И. Батюшкова, 105.
 Университетъ Кіевскій, 43, 47.
 Университетъ Половороссійскій, 31, 36, 40.
 Университетъ Петербургскій, 5.
 «Угрюмое размышленіе о Божіемъ величествѣ», оды М. В. Ломоносова, 105.
 «Feuille», стих. А. В. Арно, 77, 80.
 Фельдъ, де ла, маршалъ, 88.
 «Фаѣль Анекреона», стих. А. С. Пушкина, 96.
 Флоридовъ, Александръ Александровичъ, 62.
 Флоріанъ, 74, 79.
 «Французская Академія», статья А. С. Пушкина, 76.
 Франція, 72, 78, 80.
 «Французские лирики XVIII века», антологія, составленная З. М. Брюсовой, 67.
 Фрушка Гора, гор. 31.
 Фуне, 62.
 Fourcroy, 62.
 Хвостовъ, гравътъ Дмитрий Ивановичъ, 62, 65, 67.
 Холмогоровъ, И., 108.
 Хотинъ, гор. 81, 83, 89, 46.
 «Царскосельскій садъ», разсказъ Я. С. Буррова, 91—95.
 «Цезарь путешествовалъ», отрывокъ, поэма А. С. Пушкина, 102.
 Чернulta, дер. 49, 51, 55.
 Чарапигъ, воевода, 31.
 «Человѣкъ и звонъ», стих. И. Н. Дмитрева, 81.
 Черногорія, 31, 37, 54.
 Чернышовъ, Василий Ильиничъ, 105.
 «Черта мѣстности», стих. кн. И. А. Вяземскаго, 65.
 «Четыре степени любви», стих. Ил. Вахтина, 67.
 Вена, 102.
- «Чистосердечный отвѣтъ», стих. кн. И. А. Вяземскаго, 65.
 Чосерь, 13.
 Шабацъ, гор., 31.
 «Chanson pour Madame de Matignon», пѣсня Hamilton'a, 68.
 «Chant du Dѣpart» M.-J. Chénier, 72.
 Шекспиръ, 8, 19, 85.
 Chénier, Andr , 71—72.
 Chénier, M.-J., 72.
 Шиллеръ, 66.
 Шляпкинъ, Илья Александровичъ, 29.
 Шорел, Milivoj, 34, 40, 43, 47.
 Шуваловъ, графъ А. И., 78.
 Шумадія, жесты, 84, 87.
 «Щастіе неизвѣстности», подражаніе Леонарду, 75.
 Щеголевъ, Начель. Елисѣевичъ, 2, 76.
 Эдеминъ, граверъ, 63.
 «Эдинбургское Обозрѣніе», 6.
 «Элегіческий отрывокъ» (Поѣдемъ, я готовы: куда бы вы, друзья), стих. А. С. Пушкина, 92.
 «Элегія» (Опять я пашь, о юные друзья), стих. А. С. Пушкина, 104.
 «Эхо», стих. А. С. Пушкина, 20—21, 24—25.
 Юснайль, 79—80.
 Юлія, дочь имп. Августа, 89.
 «Юрій Милославскій», ром. М. Н. Загоскина, 91—92.
 Ягодина, мѣсти, 50.
 «Я здѣсь, Инейка!», стих. А. С. Пушкина, 5.
 Яковлевъ, М., 58.
 Яковлевъ, Николай Васильевичъ, 28, 117.
 Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, 1, 83.
 Янь, I. Хр., 100.
 Яннімировскій, Александръ Ивановичъ, 30, 43, 47, 53—55.
 Вена, 102.

ПУШКИНЪ
И
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріали и изслѣдованія.

Томъ VII.

Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при
Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии
Наукъ.

• • • •

Петроградъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

Содержание VII тома.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
Февраль 1917 г.

Непреименный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Выпуски 25—27.

	стр.
Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. II. Е.	
Щеголева	XV—0170
Къ рисункамъ и факсимиле.....	X— XII
Предисловіе.....	XV— XXI
Исторія послѣдней дуэли Пушкина (4 ноября 1836 года—27 января 1837 года).....	01—0170
Документы и материалы.....	I— 350
I. Письмо В. А. Жуковскаго къ С. Л. Пушкину о смерти Пушкина.....	1— 54
II. Записки врачей о болѣзни и смерти Пушкина..	55— 72
III. В. А. Жуковскій въ заботахъ по дѣлу Пум- кина. Документы.....	73— 102
IV. Письма: 1) В. А. Жуковскаго къ графу А. Х. Бенкендорфу (февраль—мартъ 1837). 2) Князя П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Миха- илу Навловичу (отъ 14 февраля 1837).....	103—160
V. Документы 1836—1837 годовъ въ исторіи дѣла.....	161—196
VI. Иностранные дипломаты о дуэли и смерти Пушкина. Приложение. Статьи о Пушкинѣ въ «Journal des Débats» и «The Morning Chron- icle».....	199—256
VII. Къ исторіи Дантеса. Документы и материалы.	257—308

VIII. 1. Разказъ князя А. В. Трубецкого объ отно- шенияхъ Пушкина къ Дантеу. 2. Иль днев- ника А. И. Тургенева (1837 г.).....	309—340
Дополнительное примѣчаніе: князя И. С. Гага- рина и П. В. Долгорукова въ дѣлѣ Пушкина.	340—350
Архивы, музеи и частные собрания, изъ коихъ извлечены ма- териалии и документы, въсажающіеся души и смерти Пушкина.....	351—354
Ноправки и дополненія.....	355—358
Указатель собственныхъ имѣнь.....	359—376

Выпускъ 28.

Новые строки Пушкина. («Авафистъ Е. Н. Барамзиной» и «Гри ключа»). Со сносками Б. Л. Модзялевскаго	1—4
«Послѣдний литературный собесѣдникъ Пушкина». (Вари Кор- пудъ). Н. В. Яковлева.....	5—28
Два серебряныхъ юпака изъ изображеній Пушкина. (Ко дню 25- йѣлія дѣятельности Ильи Александровита Шляпкина).	
И. И. Трубецкая.....	29—55
Замѣтки о Пушкинѣ. Б. В. Томашевскаго.....	56—72
Сюжеты Пушкина. (Отрывочная замѣтка). Ю. Г. Оксмана....	73—95
Новое о стихотвореніи Пушкина «Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ... 1818 г. Георгія Маслова.....	96—98
Мелкія замѣтки къ Пушкину. А. И. М—на.....	99—102
«Днейцой» и «дневнбй» у Пушкина. (Лингвистическая справка). А. Л. Беня.....	103—107
Две замѣтки о стихотвореніяхъ Пушкина. М. Богдановича.	108—110
Стихотвореніе П. Даниловскаго на смерть Пушкина. Б. Л. Модзялевскаго.....	111—116
Дополненіе къ стр. 12. Н. В. Яковлева.....	117
Указатель.....	119—127